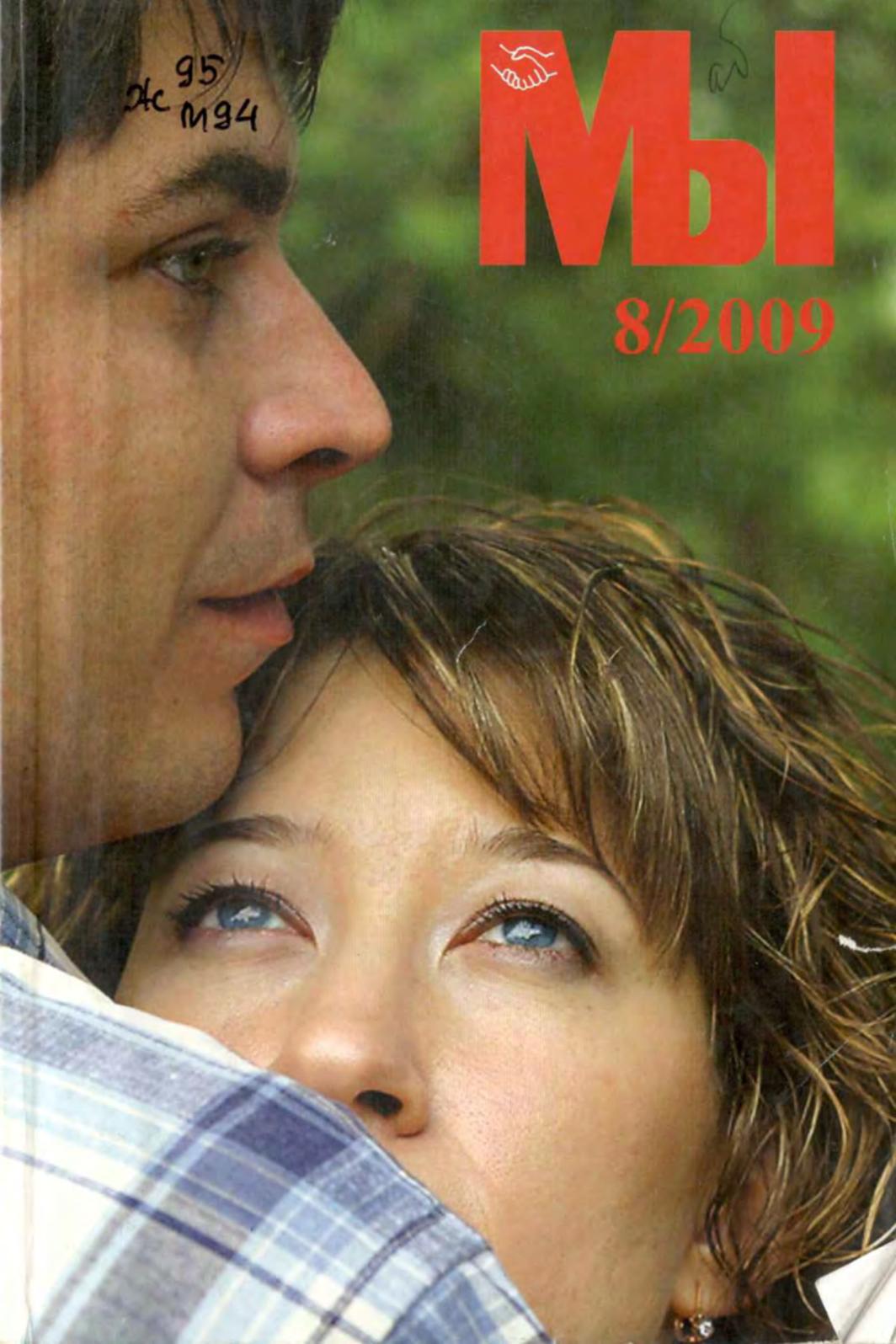

95
2c M94

25
 Мы

8/2009

Владимир
МАШКОВ

8/2009

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОСТЕЙ
г.Владивосток

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Юрий Коротков. Виллисы.
Повесть 9

Проба пера. Алина Галаева. Пляс
снежинок. Стихи 79

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Николай Иванов. Рай, который
может оказаться адом 84

Письма в «Мы» 2

■ КУМИРЫ И ЗВЁЗДЫ

Владимир Машков: «Работать и не
задумываться об успехе». О жизни
и карьере российской кинозвезды
рассказывает журналист
Сергей Чайкин 97

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Иван Сергеев. Молодецкие забавы
и развлечения прошлого 131

■ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Эния – примадонна вересковых
полей. Об ирландской звезде
музыки нью-эйдж рассказывает
журналист Ник. Кедров 149

Компакт-известия 141

■ ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Страницы сатиры и юмора 139

■ КИНООБЗОР

На наших экранах 114

Мы

Основан в 1990 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал «Мы»»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, А-130, 125130
☎ Контактные телефоны
8 (499) 150-11-97, 8 (495) 733-32-48
E-mail: magazine-we@yandex.ru

Подписано в печать 07.09.2009 г.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 4500 экз. Заказ № 1166
© «Мы», 2009

ООО «Принт Экспресс»
Денисовский пер., 30,
Москва, 105005.

За материалы, опубликованные в рубрике
«Проба пера», гонорар не выплачивается.

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

ТЫ ПОЛЮБИШЬ МЕНЯ...

Пишу вам потому, что хочу по-делиться своей историей из серии «не могу забыть его». Я, наверное, много читала таких в вашем журнале, но ведь, как говорится, «свое ближе к сердцу». Меня зовут Катя. Мне было семнадцать лет, я училась в десятом классе. Я любитель приколов. Однажды вместе с девчонками мы прикалывались по телефону и попали к Аркадию. Сначала прикалывались. Вот так и познакомились. Раньше мы друг друга не знали. На другой день он позвонил мне и сказал, что хочет встретиться.

Я вышла на улицу, закурила сигарету. Он подошел – такой красивый, голубоглазый. Я даже не знала, с чего начать, чего говорить. Мы смотрели друг на друга и молчали. В этот день шел первый снег.. Мы стали разговаривать так, как будто знали друг друга сто лет. И после той встречи я влюбилась, всё время думала о нём. Потом мы встретились с ним, пили пиво, и он попросил, чтобы я бросила курить. Я пообещала, что брошу, но не бросила. У него хороший характер, он добрый, ласковый, никогда не говорил лишних слов. В этот день был первый поцелуй. Он постоянно звонил, а я – ему.

А тут начались каникулы. Я поехала домой, скучала, грустила. Мне так хотелось увидеть его. Я стала гадать – когда увижу своего любимого? И тут вошел он. Я была так счастлива, что не было слов. Получилось так, что его машина застряла недалеко от нашего поселка. И он остался у меня дома. Родители были не против, они гостеприимные. Я всю ночь не могла спать. Утром мы с мамой приготовили завтрак. Я избегала его и решила пойти к подруге. Он узнал у мамы, куда я пошла, нашел меня

ПИСЬМА В «МЫ»

и сказал, что приехал ко мне, а не к родителям. Наверное, он тогда обиделся на меня. Когда я вернулась домой, его уже не было. Мама сказала, что он всё время спрашивал, интересовался, где я.

Когда он узнал, что я приехала на Новый год, он подъехал на своей машине. Мы обнимались, целовались, короче, хорошо справились Новый год. Когда я вышла на улицу закурить, он напомнил мне, что я обещала бросить. Он сам не курит, и мы поругались. Он, наверное, тогда обиделся. И всё же он снова приезжал ко мне. Мы однажды поговорили, но так, кажется, без чувств. А позднее я узнала, что он живет с другой девушкой. Но не поверила. А когда увидела их вместе собственными глазами, мне было очень обидно.

Потом я увидела ее. И сказала не помню что, но помню, что она говорила: «Ты же молодая, красивая, у тебя всё еще впереди. А я уже с ребенком».

Я посмотрела на нее, отпустила его и пожелала ему всего наилучшего. А сама плакала весь день, ведь я его люблю. Вначале не могла спать, ходила такой потерянной. Мне показалось, что не стоит жить – нет смысла. Мы расстались молча, не сказав ничего друг другу, а ведь дружили пять месяцев. Я простила его, пыталась забыть – ведь он сам выбрал ее.

И после мы иногда встречались, смотрели друг на друга и молчали. Я старалась с ним не общаться, но, как назло, мы всё

время сталкивались. Мне было очень плохо. Просто он не понимал этого.

Я хотела быстрее уехать, закончив одиннадцатый класс. Однажды я столкнулась с его подругой, когда они шли вместе. Я сделала вид, что не знаю его. Но всё-таки однажды мы встретились. Он был такой же красивый. Ему сейчас двадцать семь лет. Мы поговорили, как просто знакомые... Я вспоминаю нашу дружбу с начала и до конца. Ведь я никогда не встречала такого ласкового, доброго, милого парня. Всё же надеюсь на то, что он поймет всё, пока не поздно. А поздно никогда не бывает. И в один прекрасный день он вернется. Ведь я его очень люблю. И мне так не хватает его. Люблю его уже три года, не могу забыть. Я надеюсь, что однажды он поймет меня правильно. Как можно жить без человека, которого так сильно любишь? И только сердце поможет ему. Я знаю, он полюбит меня.

Катя
Без адреса

От редакции. Неизвестно, почему и на чём зиждется Катина уверенность в том, что Аркадий обязательно полюбит ее. Прекрасных дней и в его, и в ее жизни будет много, только вряд ли в какой-то из них он вернется к ней. Собственно, он никогда и не уходил – потому что, в сущности, и не приходил. Просто жил по соседству с другой девушкой и ре-

Фенексом, и когда Федя так ее слушает, забывшая, что она и «она» старая, рывками называет «приколота»: «все бы и Катя не знала и не ведала ее существования». А тут косяк: молоденькая девушка, да еще и красивая, так неровно дышит да еще и сама выступила с инициативой — почему бы не ответить «клубнички»? Вполне увлекательный, ни к чему не обязывающий невинный романчик.

Вообще очень многие девушки пребывают в уверенности, что в них, молодых и красивых, может влюбиться буквально каждый мужчина. А на самом деле это — глубокое заблуждение. Кате, в момент начала ее знакомства с Аркадием, было семнадцать, ему — двадцать четыре года (надеемся, с арифметикой всё правильно). Но в свои двадцать четыре Аркадий — уже взрослый мужчина, у него есть жена (ну или — постоянная партнерша) и ребенок. А Кате, судя по ее любви к «приколам» и чисто детской влюбчивости, еще можно и в куклы играть. А чем, собственно, игра в куклы отличается от глупых телефонных шуток? Сейчас прошло три года. И скажи, Катя, неужели ты за это время не поняла, что между вами нет ничего общего, хотя бы в силу разницы в возрасте и умственном развитии? И что, в сущности, ты была ему интересна только как мимолетное развлечение? Мужчина ведь по натуре — охотник. Вот понял парень, что дичь «попалась», — ну и хватит с него. Потешил своё самолюбие, поиграл — довольно невинно — с девочкой, да и пошел домой. К своей постоянной подруге, к своему ребенку. Ведь он хороший, милый, добрый парень, как утверждает Катя. Не говорит лишнего слов. Да и не совершает лишних поступков.

Эта ситуация нам давно и хорошо знакома — по письмам, присланным в нашу редакцию. Напомним, однажды мы получили восторженное письмо от девушки, которая написала, что безумно влюблена в Филиппа Киркорова. И она на полном серьезе писала, что ждет его и верит, что в один прекрасный момент раздастся звонок в дверь — и вот он, Филипп, стоит с букетом белых роз... И тут уж будет ей полное счастье. Как и Катя, она писала: «Не могу жить без любимого человека! Он должен это понять!» Но, похоже, до сих пор не понял, «не догнал» Филипп, где его счастье...

Конечно, каждому, и Катя не исключение, хочется жить с человеком, которого любишь. На самом же деле все три года с тех пор, как она «приколосась» к Аркадию и не смогла за всё это время «отколоться», она жила без него. Это в ее юношеских фантазиях и мечтах она считала, что они были вместе и так будет чуть ли не всю жизнь, что у них была красивая любовь и она его благородно «отпустила». А у него была не любовь к Кате, а своя, уже сложившаяся жизнь, в которой для Кати не было свободного места. Не проглядывалось оно и в перспективе. Скорее всего, ему, молодому мужчине, она была не очень интересна: ребенок, который развлекается детскими забавами вроде приколов. Она даже не понимала, что все эти приколы могут забавлять ее сверстников — и не более того. У взрослых же людей они не вызовут ничего, кроме раздражения или — в лучшем случае — снисходительной улыбки. Может быть, из жалости, той самой, которая сродни тому, как жалеют маленьких обиженных ребятшек, которых лишили любимых игрушек. Чем бы дитя ни тешилось...

Рассчитывать на зов Аркашиного сердца – очень наивно. Что-то за три года оно его к Кате так и не позвало. Понимать же Катю ему даже не придется: он уже давно может быть, изначально, понял, что она в него влюбилась. Больше-то понимать было нечего, а ее любовь, похоже, не очень-то его взволновала. Недаром при расставании он не сказал влюбленной девочке не только каких-то обнадеживающих слов, но и вообще ничего. Даже если после всего, что было (а, собственно, что было?), он когда-нибудь что-нибудь ей скажет, всё равно будет поздно. Только уже не для него, а для Кати. Ведь со временем она всё же поймет, что бесполезно ломиться в открытую дверь. Хотя, конечно, лучше бы он что-нибудь сказал, поскольку оставил у девушки надежду, совершенно беспочвенную. Надежда, конечно, умирает последней, но в конце концов всё-таки умирает.

РАДИ НЕЕ ГОТОВ НА ВСЁ

Однажды в метро я совершенно случайно познакомился с Мариной. Случайно, потому что я не сторонник каких-то неожиданных знакомств. Бывает, познакомился вот так вот, вдруг, а что это за человек – поди потом разберись. Но тут особый случай. Увидел девушку, вроде самую обычную: ни небесной красоты, просто симпатичная. Но она как бы приковала мой взгляд. Я сначала просто опешил. А потом она как будто вела меня на поводке. Вышел на той же остановке, что и она, хотя мне нужно было ехать дальше. Набрался смелости, так и познакомился.

Не могу сказать, что после этого знакомства считал себя победителем. Марина не кинулась со

слезами на глазах мне на грудь. Не то сомневалась, стоит ли со мной встречаться, не то хотела вначале поближе узнать меня. Оказалось, что у нас много общего: мы любим театр, в любое время года любим посещать бассейн... Надеялись, что наши отношения будут серьезными и в конечном счете для каждого из нас окажутся счастливыми.

Так оно и получилось – Марина стала моей девушкой. Мы мотались по музеям, разным выставкам, купались, отдыхали, загорали, гуляли по ночам. И очень привязались друг к другу. А потом случилось страшное. Не буду вдаваться в подробности. И так стыдно. Короче, мне надо было сгладить подробности того, что произошло. И я бессовестно наврал своей милой Марине. Хотел сделать как лучше – и перестарался. Но, как известно, всё тайное рано или поздно становится явным. Естественно, она поймала меня на лжи. Это было для нее таким ударом! Она полностью доверялась мне, а я оказался жалким лгуном. Она сказала, что не хочет меня видеть, и у меня нет никаких шансов вернуть ее.

Всю ночь я не мог уснуть – думал, какое я дерьмо. Как же можно причинить такую боль самому близкому человеку? Чувствовал душевную пустоту, как будто у меня забрали частичку самого себя. Набрался сил, пришел к ней и попросил выслушать меня. И знаете, что случилось? Меня простили! После такого чудовищного обмана она всё-таки не отвернулась от меня и согласилась помочь мне стать настоящим человеком. Теперь ради нее я готов на всё и преклоняюсь перед ее пониманием и добротой. Теперь никому, кто действительно любит свою девушку, не советую ее об-

маньячить. Нужно дорожить тем, что есть, чтобы не раскисывать.

*Сергей
Москва*

От редакции. Вне всякого сомнения, Сергей очень и очень прав. Ибо если солгал единожды, обязательно придется лгать еще и еще, чтобы сделать первую ложь менее заметной и более «правдивой». Но если удержаться от первой лжи, тогда не придется бояться, что вас поймут на последующих. Хотя, в конце концов, поймут обязательно, а уж когда это произойдет – вроде бы не так уж и важно. Но на самом деле важно, поскольку со временем груз ошибок будет накапливаться, а чем он станет тяжелее, тем труднее будет от него избавиться.

Конечно, вроде бы Сергея за ложь нужно осудить. Впрочем, он и сам себя осуждает. Но, как нам кажется, лучше вспомнить старую истину: виновен, но заслуживает снисхождения. Потому что что бы там он ни соврал своей любимой девушке – это была, бесспорно, ложь во спасение. Мы не знаем подробностей произошедшего, можем только догадываться. Да, собственно, это и не очень важно. Ведь парень солгал своей девушке только для того, чтобы не причинить ей боль, – мы верим в это. То есть солгал с самыми лучшими намерениями. И тут получается парадокс: что-то сделал неподобающее – плохо. Хотел сделать так, чтобы Марина об этом не узнала, не огорчилась, – и опять получилось плохо. Конечно, можно сказать что-нибудь вроде «не умеешь – не берись» или «ври, да не попадайся» – но ведь не мудрость это, на этом отношении не построишь. Правильнее всего, наверное, стараться не совершать таких по-

ступков, за которые впоследствии будет стыдно. Но жизнь – сложная штука, и иногда она заставляет нас делать то, чего нам делать совсем не хочется, совершать поступки, за которые потом делается стыдно. Вот в таких случаях и приходится прибегать ко лжи во спасение, если не удастся эти самые поступки скрыть. Так что Марина по-своему, по-женски поступила очень мудро, простив Сергея. Потоптала маленько, слегка так, дала ему убедиться, какой он плохой, недостойный ее, а потом показала ему, какая она хорошая, добрая, всё понимающая. Парень и упал спелым яблочком к ее ногам. Ситуация прямо как в песне Александра Галича: «Схлопотал он строгача – ну и ладужки, помиритесь вы теперь похорошему». «И пошли они, как по облаку...» Браво, Марина!

Конечно, выводы из своей истории Сергей сделал вроде бы очень правильные – нельзя лгать любимой девушке. Только вот, полжизни руку на сердце: сам-то он верит в то, что сможет так вот, как праведник, жить? А что будет делать, интересно, он сам, если столкнется с неискренностью или какой-нибудь мелкой ложью своей избранницы? А от этого никто не застрахован. «Очень сложная жизнь, мама», – как говорил герой одного популярного кинофильма. А церковь нам говорит: «Человек грешен» – и предлагает в грехах покаяться. Что, собственно, Сергей и сделал, за что честь ему и хвала.

ОН МНЕ ПРОТИВЕН

Мне хочется рассказать о том, что я пережила, хотя, наверное, ничего в моей истории необыкновенного нет. Я родилась в сельской местности. Окончив школу, уехала из деревни в областной центр и поступила в колледж.

Живу у тетки. В школе познакомилась с Лёшей. Он тоже деревенский, поэтому мы с ним быстро нашли общий язык. С другими сокурсниками у меня отношения не складывались – они все городские, у них свои интересы, свои компании. Лёша частенько приходил ко мне домой, говорил, что любит меня. Мы с ним целовались, но не больше. Хотя если бы он проявил настойчивость, я бы не стала противиться.

Однажды я собралась поехать на выходные домой, тетка была в отъезде. Неожиданно мне позвонила Лена, моя близкая подруга из нашей же группы. Она попросила разрешения переночевать у меня, потому что потеряла ключи от квартиры, а родители должны были вернуться только в понедельник. Не ломать же железную дверь... Я, конечно, пустила ее в теткинскую квартиру, поскольку она всё равно до понедельника будет пустовать.

Но получилось так, что я вернулась раньше, чем предполагала. Открываю дверь своим ключом, вхожу в комнату... И от неожиданности, буквально обалдевшая от представшего передо мной зрелища, застыла как статуя. На диване лежали совершенно голые Лёша и Лена. Лена снизу, Лёша на ней, и оба охали в такт своим движениям. Они были так увлечены, что даже не сразу меня заметили. Меня затрясло. Я выронила сумку и бросилась из квартиры.

Потом и Лена, и Лёша пытались мне объяснить, что всё получилось случайно. Лёша пришел ко мне домой, а там – Лена. Стали болтать, и как-то незаметно для себя оказались в койке. «Да ты не обижайся, я же на него не претендую, – уговаривала меня Лена. – Ну, подумаешь, трахнулись, с кем не бывает». Лёша то-

же оправдывался, уверял, что всё равно любит не Лену, а меня. Может, я действительно дура деревенская и потому не понимаю, как это можно любить одну, а трахаться с другой? С тех пор, как я увидела Лёшу с Леной, он мне противен. Мне противно даже подумать о том, что он будет вот так же лежать на мне и трясти задницей. Раньше я думала, что секс – это что-то запретное, но прекрасное. Сейчас мне кажется, что это грязь, и больше ничего.

Анжела
Кемеровская область

От редакции. Любимый мальчик и лучшая подруга преподнесли Анжеле неожиданный и горький сюрприз. Понятно, что ей не по себе: подруга предала, так же, как и сердечный друг. По-разному люди оценивают своих бывших друзей в подобных ситуациях и в зависимости от этого решают, как идти дальше – вместе или порознь. Кто-то находит в себе мужество и считает целесообразным простить ловеласа, кто-то, как и Анжела, считает, что к прошлому возврата нет и не будет.

Разве можно любить одну, а трахаться с другой? Она категорически отвергает подобное. К сожалению, хотя такое заставляет недоуменно пожать плечами, оно на самом деле возможно. И встречается весьма и весьма часто. Наверное, многие слышали о так называемых «шведских семьях». Там многое из того, что нам с нашим «устаревшим менталитетом» кажется невозможным, вполне нормально. Есть – и их очень много – семьи, где супруг изменяет жене или она ему, а то грешат и тот, и другая, причем каждый из них не пребывает в неведении относительно поведе-

ния другого. Трудно сказать, что, но, видимо, есть что-то такое, что удерживает их вместе. Вообще супружеские измены – не такая уж редкая вещь, и многие относятся к ним довольно спокойно.

Самым замечательным примером, иллюстрирующим эту мысль, может быть личная жизнь нашего известного поэта – Владимира Маяковского. Наверное, многие знают, что они жили втроем – Маяковский, его подруга Лилия Брик и... муж Лили, Осип Брик. Эту странную семью в основном содержал Маяковский. Он очень любил Лилию, но при этом у него была куча других любовниц, бурные романы со многими женщинами и даже дети от них. И Лилия, прекрасно осведомленная о его любовницах, не отставала от своего возлюбленного: имена ее многочисленных «сожителей» хорекали навистью. И том не менее расставаться, «разбежаться» они даже и не пробовали...

В последние времена, если так можно выразиться, измены «удовлетворялись» и придали ей «интересности». Суть этого новшества вот в чём: дамы сдают своим мужьям на какое-то время в пользование подругам, знакомым (или просто желающим). Естественно, за плату или какие-то административные услуги. И вполне цивилизованное, коммерческое решение каких-то чужих проблем, хотя по-настоящему, впрочем, вопреки здравому смыслу. Вот в столице, например, одна дама сдала таким образом своего супруга в аренду на трое суток. «Он каждую ночь стремится многократно исполнить свой супружеский долг, – объясняет она причину, – надоел, сил моих больше нет. Вот пусть "поразвлекается" на стороне, а я погуляю с подружкой, пошляемся с ней по магазинам...»

В США существуют своеобразные «клубы по интересам», посетители которых, женщины и мужчины, посещающие эти заведения со своими «законными половинами», вступают в интимные отношения с другими посетителями – кто кому достанется. Ну, типа меняются. В Италии один известный порноактер исполняет роль крутого мацо с разными женщинами (да и не только с женщинами). У него есть дети, жене прекрасно известен характер его работы, и она спокойно, с пониманием относится к тому, чем зарабатывает деньги ее супруг. Более того: его отец даже гордится сыном – настоящим мужчиной! Просто они считают, что любовь – это одно, а секс – другое.

Вот и ответ на вопрос, который столь волнует Анжелу. Для одних любовь – дело святое, для других секс и любовь – совершенно разные вещи, не зависящие друг от друга. Но где бы и как бы ни отнеслись к измене двух влюбленных, на наш взгляд, Анжела поступила справедливо. Если уж в этом возрасте твоему Лёше нельзя верить, то как же дальше быть вместе, если на него нельзя положиться, если будешь ему не доверять и постоянно сомневаться – можно ли ему хоть в чём-то верить? Да, по причине беззаботной молодости можно любить одну, а тащить в койку другую. Вроде бы незначай, «так уж получилось...» Примеров тому тьма, хотя, с другой стороны, нельзя не задаться вопросом: а где же была хотя бы элементарная порядочность девушки, «хорошей подружки», и парня, только что признававшегося в любви? Ты же, Анжела, решила: пусть тогда и любит не тебя, а кого-то другого, кого его поведение, несмотря ни на что, устраивает. Что ж, это твое право.

Юрий КОРОТКОВ

ВИЛЛИСЫ

Повесть

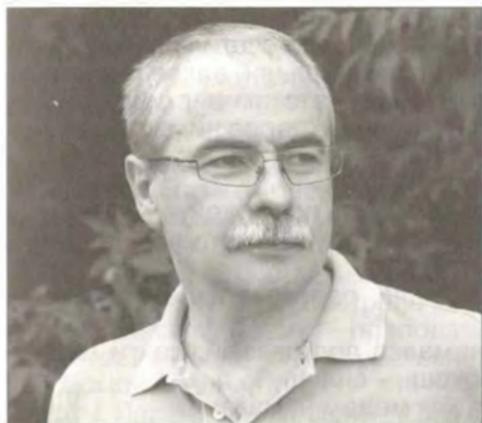
Иллюстрации Сергея Минина

Такие морозы иногда случаются в последних числах февраля – будто напоследок, зиме вдогонку. Ранним вечером вымирает Москва, воздух едва прозрачен от взвешенных колючих льдинок, свет окон, реклам и фонарей расплывается, как чернила на сырой бумаге, грохочут по ледяным ухабам троллейбусы – промерзшие жестяные короба, в которых еще холоднее, чем на улице, – из метро валит тяжелый пар и пахнет баней, редкие прохожие, до глаз укутанные шарфами, спешат домой, каждый в одиночку храня свой островок тепла. Господи, дай сил перетерпеть, перевалить через эту бесконечную зиму, дожить до ручьев и зеленой травы.

Господи, неужели бывает лето на земле?

В последнем письме мать виновато, в полстрочки, после «крепко целую» и приветов от родни и знакомых, сообщала, что вернулся отец, и Юлька, едва дождавшись конца репетиции, помчалась на междугородку звонить в Рудник – соседям через улицу, у которых стоял телефон.

На том краю земли давно была ночь, Юлька переполошила соседей, слышно было плохо, мать тотчас начала плакать. «Гони его, поняла? – кричала Юлька, приставив ладонь к трубке. – Гони к чёрту! И чтоб за километр не подходил, ты поняла?!» – «Жалко...» Сквозь стекло переговорной кабины на нее пялился солдат-узбек с серыми обмороженными ушами. Юлька повернулась к нему спиной. «А себя тебе не жалко? А Зойку с Катькой не жалко?» – «Жалко...» – и снова слёзы. На редкость содержательный получился разговор. «В общем, я сказала: гони и все! А еслипустишь – я летом приеду и выгоню, ты меня знаешь!» Юлька грохнула трубку на рычаг.

Юрий Марксович Коротков – известный прозаик и киносценарист. Родился 10 июня 1955 года. Вырос на Крайнем Севере. Окончил Литературный институт им. Горького и Высшие сценарные курсы. Член Союза кинематографистов. Автор пятнадцати книг – сборников повестей и рассказов. Написал сценарии к кинофильмам «Авария – дочь мента», «Страна глухих», «Кармен», «Попса», «9 рота», «Стиляги» и многих других. Произведения Юрия Короткова неоднократно печатались на страницах журнала «МЫ».

Троллейбусы долгие два часа — двести минут — встали где-то обледеневшие провода, — и Юлька плавила тоскою, срезая дорогу через Арбат. Москву она знала плохо, только район вокруг училища да центральные улицы, сразу заблудилась и тенью встала на изломном, наполовину выселенном переулочке, ну и ад свистящая трасса, то направо. Короткая нейлоновая куртка от мороза стала вылом, тед нее задувал ветер, колени одеревенели и одна гнулась, и Юлька вдруг с ужасом поняла, что нигуда не выидет, просто упадет и замерзнет посреди огромного чужого города под равнодушным взглядом чьих-то темных окон.

Она нырнула в подъезд, дернула внутреннюю дверь — заперто. Всхлиывая, она перебежала в дом напротив. Здесь над замком был крупно выцарапан код, Юлька потыкала в кнопки оконевшими, негнущимися пальцами, замок нехотя щелкнул, она вошла и поднялась на второй этаж. Откинула капюшон, зубами стащила варежки и всем телом прижалась к высокой батарее, просунув руки между секциями.

Больно заныли отходящие от мороза пальцы, куртка оттаяла, свитер стал понемногу пропитываться теплом. За дверью соседней квартиры слышался звук наполняемой ванны — гулкий, уютный. Неразборчиво бубнил телевизор. Прошаркали по коридору шлепанцы. Юлька представила себе эту квартиру с высоченными потолками, ванную с мягким ковриком, набором косметики на полочке под зеркалом, кухню со стопкой тарелок в раковине, комнату с длинными, наискосок, тенями от настольной лампы. И ее обитателей, неторопливо, обстоятельно пьющих чай, не подозревая, что рядом с ними чуть не замерз живой человек...

Внизу хлопнула дверь подъезда, загудел, поднимаясь, лифт и остановился на втором этаже. Юлька отскочила от батареи и принялась деловито рассматривать номера квартир, ожидая, когда человек пройдет. Но шаги замерли у нее за спиной. Тетка с авоськой, набитой пакетами молока, бдительно следила за ней. Юлька подумала, что молоко в пакетах замерзло, и если разорвать картонку, молоко будет стоять в тарелке голубоватым столбиком, потихоньку оплываая.

Она осмотрела все четыре квартиры и пошла вниз по лестнице.

— Тебе кого? — спросила тетка.

— Мне? Так... — не оборачиваясь, ответила Юлька.

— А если так, нечего по подъездам шляться! Подзаборники!

Никогда еще бетонный бастион училища не казался ей таким родным и надежным. Три ряда сплошных окон мирно и весело светились в глубине заснеженного сквера. Юлька пробежала по центральной аллее к крыльцу, еще из-за стеклянных дверей увидела в интернатском вестибюле двух чужих парней и вахтершу Ольгу Ивановну, стоящую перед ними с раскинутыми руками.

— Не пуцу! Я сказала — не пуцу!

Один из парней присел, пытаясь прошмыгнуть под рукой.

— Куда? — Ольга Ивановна ухватила его за куртку. — Родителей не пускаем, а вас, кобелей...

Юлька стряхнула снег с сапожек и вошла, растирая варежками онемевшие щеки.

— Да свой я, бабуля, свой! — не унимался долговязый, почти наголо стриженный парень. — Не признала? Хочешь — спляшу?

— Свой! Я таких своих видела! Лезут, как медом намазано!

В глубине вестибюля тянулись на ужин интернатские ребята и девчонки. Все с любопытством оглядывались на баталию у дверей.

– Девушки! Милые! – заорал долговязый, над головой у вахтерши простирая к ним руки. – Лену позовите! Лену! Беленькая такая!

– Да уйдешь ты по-хорошему или нет? Милицию вызову!

Юлька хотела обойти парней.

– Юля! Азарова! – окликнула ее Ольга Ивановна. – Объясни им, Лену какую-то...

– Юля! Юлечка! – тотчас переключился на нее долговязый, придержал за локоть.

Юлька с такой силой вырвала руку, что тот растерялся.

– Понял: без рук. – Он миролюбиво поднял ладони. – Юлечка, вся надежда на вас. Не дайте разбиться несчастному сердцу... Лена. Беленькая такая. Худая. Высокая. Танцует виллису в «Жизели».

– Вы видели «Жизель»? – сухо спросила Юлька.

– Виноват. Но непременно...

– Там шесть троек виллис. И два состава. Умножать умеете?

Второй парень молча смотрел на Юльку и улыбался.

– ...Все высокие. Толстых нет. Лен – человек десять.

– От винта! – безнадежно сказал долговязый. – По такому дубильнику зря перлись!

– Арза, идешь? – окликнула Юльку Света Середя.

– Сейчас. Очередь займи.

– А это кто? – вскинулся долговязый вслед рослой русоволосой красавице Светке. Чуть стойку не сделал, как бобик.

– А это – не про вашу честь, – с удовольствием сказала Юлька. – Еще есть вопросы?

– Есть, – сказал, улыбаясь, приятель долговязого. – Ты тоже виллиса?

– Да.

– А тебя как найти?

– А меня искать не надо. Лену свою ищите. – И Юлька направилась в столовую.

– Меня зовут Игорь, – сказал парень вдогонку.

– Очень приятно, – не останавливаясь, ответила она.

– Всё понятно? – затараторила у нее за спиной Ольга Ивановна. – Всё, давай-давай! Ищут, сами не знают кого. Вон в городе полно их ходит, другую найдете. А у нас девочки серьезные, им гулять с вами некогда.

Юлька, на ходу снимая куртку, вошла в столовую, взяла талон на ужин у дежурного воспитателя Галины Николаевны и пристроилась в очередь рядом с Середой.

– Кто это? – кивнула та в сторону вестибюля.

– Опять Ленку ищут. Достали уже. Хоть не говорила бы, где учится.

– Ты что! Это же коронный номер: «Ах, здравствуйте, я балерина!» Она на улице по пятой ходит. – Света развела носки на девяносто градусов и засемила так с подносом в руках.

Они сели за свободный столик в своем ряду. В просторном зале было еще два ряда столов – центральный для москвичей, а дальний, с мягкими креслами и салфетками, – преподавательский. Вечером ни москвичей, ни педагогов не было, но интернатские привычно занимали свою треть.

– Домой звонила?

– Угу. Папаня обьявился! – Юлька удивленно покачала головой. – Сво-

лень! Мать девки – Старый был него! А бы этого подонка в шею выпер-
ня!

– Когда это? – понижавшись Генка Дёмин, подсаживаясь к ним. – Не
книж?

– Ты жини гвал – Илья! – Юлька помахала рукой, подзывая Ленку Иль-
инскую. – Давилай, львий, а синей бутылки – твой?

Ильинский – «судан, выловка, беленькая такая» дощонка – подошла к
столику с полным подносом. Протию обыкновения, она ужинала в учили-
ще, обычно же сразу после уроков уносилась в город, на дискотеку или в
ресторан – куда позовут. Крошечная ротня, круглые, всегда будто бы
изумленные глаза, брови по-детски домиком – ангел небесный.

– А-а, блин, блин недоделанный, – равнодушно сказала она. – Понту на-
валом, блин, а сам студент общежитский, на метро катает.

– Главное, чтоб человек был хороший, – ухмыляясь, поучительно сказал
Дёмин.

– Ага, Пойди в первом классе расскажи.

– Тебе бы, Илья, банкира, – посочувствовала Середа.

– Угу, – кивнула Ленка с набитым ртом. Она, всем девчонкам на за-
висть, ела сколько влезет, жрала пирожные и кремовые торты, занима-
лась при этом вполне – и ни на грамм не выходила из формы.

– Лучше военного! Полковника! – подхватила Юлька.

– Ты что! – возмутился Дёмин. – Генерала!

– Угу, – кивнула Ленка. Игра была привычная для всех.

– Академика!

– Режиссера!

– И чтоб хата напротив Кремля! Пятикомнатная!

– И «Мерседес»! Илья, прокатишь?

– Не, для разминки можно и инженера, – сказал Дёмин. – Главное, чтоб
москвич!

– Да ладно, блин, достали! – завелась наконец Ленка. – Сами-то в Моск-
ве останетесь, не в Большом, так в Кремлевском. А я чего, головой боль-
ная – в Мухосрань ехать?

– Арза! – допивая на ходу компот, подошел киргиз Хаким в вышитом на-
циональном халате. – Титова ужинать будет?

– Нет.

Хаким направился к воспитательнице.

– Титовой не будет, – сообщил он, протягивая руку.

– По третьему кругу? – удивилась Галина Николаевна, но всё же отдала
ему еще один талон. – Тебе плохо будет, Хаким!

– Не. – Хаким, широко улыбаясь, погладил себя по животу. – Мне будет
хорошо...

Парней в вестибюле уже не было, вахтерша вязала за своим столом.

Юлька, Света, Ильинская и Дёмин прошли к интернатской лестнице.
Генка был первым учеником в классе и партнером Середы, но если Свет-
ку нельзя было не увидеть даже в толпе на улице – прима! – то Дёмин был
шпана шпаной, верткий, юркий, он вообще не умел ходить спокойно. Он
вдруг мощно выпрыгнул и с размаху обхватил Ленку за талию.

– Илья, – проворковал он, кося на нее плутоватые цыганские глаза. – А
возьмешь меня замуж?

– Прямо сейчас? – невозмутимо отозвалась та.

– Нет, вообще.

– Запросто. Только лет через пять, Генчик, когда квартиру купишь.

– Ха! Тогда меня любая возьмет! – Генка запрыгал спиной вперед по лестнице, отбивая дробь на каждой ступеньке. – Любая возьмет! Хоть такой я обор-мот!

С третьего этажа из интернатского холла раздавалась какофония рояля. На площадке стояла Ия Чикваидзе, прижимая к груди папку с нотами.

– Юль, – плаксиво протянула она. – Скажи им! От классов ключа нет, а мне завтра фоно сдавать.

– Сама сказать не можешь?

– Ага! Ты знаешь, куда они меня посылают?

У рояля бесилась малышня – только ногами на клавишах не прыгали. Маленькая Юлька, едва достающая подругам до плеча, грозно свела брови и уперла кулаки в бок.

– Атас! Арза идет! – крикнул кто-то, и малышей как ветром сдуло.

Ия подседа к роялю, разложила ноты.

– Юль, ты постой немножко, а то они опять прибегут...

От холла влево и вправо уходили длинные коридоры интерната: налево жили девчонки, направо ребята. Интернатские – от десяти до восемнадцати, первоклассники и старшекурсники вперемешку – смотрели телевизор, носились по коридорам, бродили из комнаты в комнату.

Юлька осталась охранять Ию, Середа пошла в учебную часть поболтать и узнать новости у молодой секретарши, Ильинская направилась к ребятам, Дёмин – к девчонкам.

Рядом с холлом в комнате воспитателя стоял телефон. Чолпан Хайрутдинова, пользуясь моментом – пока воспитатель внизу, на ужине, – нежно лепетала в трубку. Дёмин подкрался, тесно прижался сзади, принялся щекотать ее под ребрами.

– Да... Что ты говоришь?.. – сдавленным голосом продолжала Чолпан, отбиваясь. – В самом деле?.. – Не выдержала, прикрыла ладонью трубку, злобно зашипела: – Да отвали ты, козел!

В комнате неподалеку роковой красавец Астахов возлежал поперек кровати, закинув ногу на ногу, брэнчал на гитаре, и старшекурсники, набившиеся в комнату, хором орали матерные частушки и ржали. Дёмин присоединился к ним.

Галина Николаевна поднялась в интернат.

– Титова у себя? – спросила она у Ийки.

Та утвердительно кивнула, не отрываясь от нот.

– Автомат внизу. – Галина Николаевна отняла трубку у изнывающей от нежности Чолпан.

– Разгону! – пригрозила любителям частушек и быстро пошла дальше по коридору.

Одна из дверей внезапно распахнулась, и под ноги ей выпала спиной вперед растрепанная третьеклассница. Следом вылетела подушка, и дверь захлопнулась. Галина Николаевна остановилась и решительно шагнула в комнату. Стоявшая на тумбочке с занесенной уже подушкой девчонка не успела сдержаться и с размаху ударила ее по голове. В ужасе закрыла рот ладошкой:

– Извините, Галина Николаевна...

– Спасибо, – спокойно ответила та. – Больше никто не хочет попробовать? – Она оглядела остальных участниц сражения, красных, с налипшими на потные физиономии перьями.

Пострадавшая в коридоре у нее за спиной беззвучно хохотала и корчила рожи подругам.

– В воскресенье вместо увлечения будете стирать наволочки! – Галина Николаевна двинулась дальше.

Нина Титова сидела в своей комнате, зашивала балетки.

– Ты опять не ела, Нина? – мягко сказала Галина Николаевна. – У тебя скоро голодные обмороки начнутся. Надо есть, Нина, хоть немного. Ты же здоровье угробишь...

– Я в буфете обедала, – ответила Нина, не поднимая головы.

– Я говорила с буфетчицей – она тебя даже в лицо не знает.

– Я взрослый человек! – истерически крикнула Нина, резко обернув к ней болезненно-бледное лицо. – Что вы за мной шпионите?!

Галина Николаевна укоризненно покачала головой и вышла.

– Девки! Девки-и-и!! – Середа мчалась по коридору, размахивая листком бумаги. – В мае в Австралию летим!

Смолкла гитара, захлопали двери, со всех сторон бежали к ней старшекурсники – обступили, галдя, выхватывая листок со списком друг у друга. Опоздавшие прыгали за спинами, тянули руки.

– Да тише вы! Не порвите! Я на пять минут выпросила!

Нина Титова молча, грубо протолкалась в центр толпы, заглянула в список и ушла обратно в комнату. Ильинская, не найдя своей фамилии, деловито огляделась и вцепилась в Юльку:

– Арза, миленькая, купи мне там часики, ладно? Они копейки там! Маленькие такие, ладно?

– Не завтра же летим, – отмахнулась Юлька.

– Нет, если кто будет просить, ты скажи, что я уже просила, ладно?

В половине одиннадцатого Галина Николаевна прошла по комнатам, выгоняя ребят на свое крыло. Те прятались, перебежали из комнаты в комнату. Наконец Галина Николаевна встала у стеклянной двери, отделывающей мужское крыло:

– Что, мне бегать за вами, что ли? Закрываю!

Мимо промчались, толкаясь и запрыгивая друг другу на закорки, малыши. Астахов неторопливо прошествовал с гитарой на плече.

– Монастырь! – с выражением процедил он.

– Иди-иди! – Галина Николаевна подтолкнула его и бесцеремонно добавила коленом в зад. – Монах!.. Все?

– Я! Я еще! – Дёмин выскочил из дальней комнаты.

Галина Николаевна заперла за ним дверь на ключ. Дёмин с той стороны расплющил нос о стекло, скребся, изображая муки страсти.

– Господи! Каждый день одно и то же. – Галина Николаевна спрятала ключ в карман. – Пластинку смени!

Она погасила свет в коридоре, села в своей комнате, устало прикрыла глаза. За одинаковыми пронумерованными дверями с фамилиями жильцов слышалась приглушенная возня, смех – девчонки укладывались спать.

Юлька, Света и Нина сидели в ночных рубашках на подоконнике, курили в приоткрытое окно, передавая сигарету друг другу. Красный огонек по очереди выхватывал из темноты их лица. За окном в сквере едва светились в морозном тумане зеленые фонари.

Ия спала. Она мгновенно засыпала, приняв горизонтальное положение, – в раздевалке, в гримерке между выходами.

– А в Австралии сейчас лето... – мечтательно сказала Середа.

Юлька досадливо покосилась на нее, глянула на мрачную Нину. Светка иногда была жутко бестактна, потому что искренне не замечала, что творится вокруг, жила в каком-то другом, добром и спокойном мире. Ко всем была одинаково доброжелательна и, в общем, одинаково равнодушна. Осенью отчислили ее землячку из Киева – Светка не пришла проводить, гуляла в парке, смотрела на опавшую листву: забыла. И про то, что Нину не берут в поездку, сто раз успела забыть.

– Да брось ты, Нин, – сказала Юлька. – Сто раз еще списки поменяются. Вот увидишь – все вместе поедем.

– Даже Нефёдову взяли. – Нина прикусила губу, чтобы не расплакаться. – Пятьдесят три кило!.. Кобыла кривоногая!

– С таким папой хоть одноногая, – усмехнулась Юлька.

За окном на широком карнизе внезапно появилась темная фигура. Света взвизгнула, попыталась закрыть окно, но Астахов уже залез к ним на подоконник.

– Куда? А ну, вали обратно! – Света и Нина щипали его. Астахов только ежился.

– Тихо, девки, тихо. – Соскочил на пол, осторожно выглянул за дверь.

– Обратно через нас пойдешь – ноги оборву, понял, ты? – предупредила Юлька.

Астахов бесшумно выскользнул в коридор.

– К кому это он? – спросила Света.

– К Чолпанке, наверное, – ответила Юлька.

– Да нет, к рыжей со второго курса, – сказала Нина.

– А этот, пониже, ничего был, а? – Света толкнула Юльку коленом.

– Где?

– Ой-ой-ой! – хитро прищурилась Света. – Да внизу, перед ужином. А смотре-ел на тебя!

– Ну и что?

– Ты знаешь, я думаю – он придет еще.

– Отстань.

Нина вскинула голову, прислушиваясь к шагам в коридоре.

– Галина!

Юлька метнула сигарету в окно, девчонки попрыгали в кровати, накрылись одеялами и замерли.

Галина Николаевна открыла дверь, включила свет.

– Кто курил?

Ийка села на кровати, испуганно хлопая глазами спросонья. Остальные старательно спали.

– Кто курил, я спрашиваю?! Напишу всем по замечанию – не плачьте потом!

– Как думаешь – напишет? – шепотом спросила Нина, когда дверь за воспитательницей закрылась. – У меня уже есть одно.

– Да наплевать, три месяца до выпускного, – ответила Света.

– А надымили – фу! – пробормотала Ия.

– Ладно, девки, спим...

Юлька лежала с открытыми глазами, закинув руку за голову. Привычно

ныли суставы и мышцы ног, болела правая стопа. Юлька подтянула колено к груди, ощупала пятку – жесткий болезненный бугор еще увеличился, «шпора» росла. Надо было оперировать прошлым летом. Теперь поздно: впереди экзамены, первый год в театре. Пока терпимо, потом сколько-то можно продержаться на заморозке. Юлька давно привыкла к ежедневной боли: если ничего не болит – значит, плохо работала, день прошел впустую...

Потом вспомнился разговор с матерью, и опять подкатила к горлу злая обида. Для самой Юльки всё было ясно и просто: отец – враг. Не враг даже – чужой человек. Юлька и думать забыла о нём, если бы не письмо матери.

Отец ушел восемь лет назад, в последнюю Юлькину зиму в Руднике. Что отец ушел, объяснили сердобольные соседки, зачавшие к матери. А что значит ушел? – жил через улицу, каждый день встречался у магазина или Дома культуры под руку с молодой красивой теткой, бухгалтершей из леспромхоза. Юлька цеплялась за отцовский рукав, тянула домой: «Пойдем, пап, ну пойдем! Мамка плачет!» Потом мать начала пить, не столько от горя, сколько от внимания участливых к чужой беде соседей. Распахивалась дверь, Витька, Юлькин одноклассник, живущий через забор, радостно кричал, едва видный в густых клубах морозного пара: «А ваша-то опять напилась, несут!» – следом соседи или вовсе незнакомые мужики волокли мать, и соскочившие наполовину материны сапоги гребли носками снег.

Позже Юлька узнала, что мать виделась с отцом, просила – не вернуться, не денег – уехать куда-нибудь, но те не уехали, так и ходили под руку в Дом культуры в кино и на праздничные собрания, гордые, не слышавшие ни шепота, ни громкой ругани за спиной.

Однажды, весной уже, Юлька подкралась к дому, где бухгалтерша снимала комнату, – те смотрели телевизор, обнявшись перед экраном, – и просадила оба стекла ржавым тяжелым замком, найденным здесь же, в чужом дворе. Стёкла еще сыпались на пол, а отец уже выскочил в апрельскую грязь в шлепанцах и в майке. Юлька и не пыталась убежать, стояла, ждала, сунув руки в карманы. Отец замахнулся было, узнал дочь и сказал только, подтолкнув к калитке: «Дура ты, Юлька, ей-богу...»

Неужели мать забыла, как поднимала ее с постели, вернувшись среди ночи, и втолковывала, раскачиваясь на валком табурете на кухне: «Всем им одного надо, Юлька, поняла? Говорят – заслушаешься, а нужно всем одного, запомни, какой бы ни был». Десятилетняя Юлька стояла перед ней и запоминала...

Раньше всех из девчонок «сорвалась с резьбы» Ленка Ильинская – в пятом классе, в пятнадцать лет. Отпросилась на выходные к тетке в Подмоскovie, а оказалось – летала на юг со взрослым парнем-журналистом. Мелькал такой – умница в больших роговых очках – по телевизору, пугал взрывоопасной обстановкой на Ближнем Востоке. Всё было рассчитано по минутам: в пятницу с уроков на самолет, в понедельник с самолета в класс. Ленка в душевой хвасталась загаром, взахлеб рассказывала разинувшим рот девчонкам, как красиво всё это было – ночью на берегу моря, шампанское, шум прибора, – и вдруг заревела: «Дуры! Вы даже представить не можете! Как в сказке!..»

Неделю она ждала продолжения сказки, не дождалась и сама пошла

искать любимого. А когда нашла, тот досадливо покривился и сказал: «Слушай, ведь здорово было, правда? Пусть так и останется. Зачем всё опошлять? Ждать, когда жена в отпуск уедет? Ключи у друзей клянчить? Давай просто будем вспоминать. Надо уметь устраивать себе маленькие праздники». Месяц Ленка ходила, как пьяная, с безумными глазами, а потом – понеслась направопалу.

Вскоре она залетела. Очередной мальчик, виновник торжества, тут же исчез, растворился в пространстве. Самое страшное было то, что трехмесячный срок выходил задолго до каникул, а отчисляли за это мгновенно, без разговоров. Ленка перепробовала всё, травилась йодом и таблетками, потом, по совету старших девчонок, переспала с семейным мужиком и свалила всё на него. Тот с перепугу устроил ее на подпольный аборт. После уроков Ленка поехала в больницу, вечером вернулась в интернат, на следующий день танцевала в Кремлевском Дворце, а после спектакля обливалась кровью в примерке. Кто-то наступал, и в понедельник утром, перед началом урока, педагогиня Наталья Сергеевна вызвала ее, обмершую от ужаса, в центр зала. Отхлестала по щекам и сказала, обращаясь ко всем:

– Не умеешь – не берись! – Брезгливо кивнула Ленке: – Пошла на место. Работаем!..

Следом за Ильей начались романы у других девчонок. Только Света ничего не замечала до поры до времени. Потом вдруг заинтересовалась разговорами в раздевалке, внимательно слушала, выбрала мальчика из тех, что табуном ходили за ней, поманила пальчиком... а после пожала плечами – ничего особенного! – и тут же забыла про него.

Юлька никого не осуждала, только совсем уже не понимала, когда в интернате, – в комнате, где еще три девчонки то ли спят, то ли притворяются...

Всё это не для нее. Она ученая. Когда с ней пытались знакомиться, Юлька с каменным лицом проходила мимо, а коснись кто – ударила бы не задумываясь.

Всем им одного надо. И этому долговязому панку, которому всё равно, что Илья, что Света. И его приятелю... А вдруг, правда, придет?.. Юлька засыпала, мысли путались. Контрольная по французскому... Надо написать Зойке, старшей из оставшихся дома сестер, – выяснить, что там происходит... Последние пуанты остались, все разбила. Надо заказывать новые, а денег нет и не будет...

Юлька проснулась ночью от голода. Потянулась было к тумбочке, где лежали на этот случай маленькие черные сухари, но услышала, как тихо плачет в подушку Нина – и затаилась, согнувшись от голодной, сосущей боли в животе.

* * *

А утром за окном были те же густые синие сумерки; девчонки – молчаливые, медлительные, нечесанные, в наброшенных на плечи халатах тянулись в умывальник с полотенцами и зубными щетками, – малыши спали на ходу, налетали друг на друга и на стены, – стелили постели, шли в столовую на завтрак, складывали в пакет балетки и пуанты, собирали перед зеркальной дверцей шкафа волосы в «кичку» на затылке, натягивали ло-

сины, купальники и хитоны, расходились по залам, занимающим весь периметр второго этажа, навстречу из своего вестибюля поднимались румяные с мороза, шумные москвичи, коротко звенел звонок, объявляя начало занятий, и всё длилось, длилось бесконечное зимнее утро.

Первым уроком сегодня был класс – классический танец. Педагог Наталья Сергеевна, как всегда подчеркнуто прямая, со вскинутым холодным холеным лицом, с двойной ниткой жемчуга на высокой шее, вошла в зал.

Поклон педагогу, поклон концертмейстеру, и девчонки разошлись по привычным местам у станка. Место у станка имело свое значение и строго соответствовало табели о рангах – человек посвященный сразу мог увидеть, кто есть кто. На средней палке, напротив зеркала, стояли первые ученицы – в центре Света Середя, рядом с ней Юлька и Ия. На правой, у окна, – середняки, «корда», кордебалет, на левой, которую заслонял от зеркала рояль, – «глухая корда». Крайней, «под роялем», стояла Нина.

За восемь лет все девчонки не раз поменяли место у станка. Только Света неизменно стояла в центре. Она была не просто первой – единственной, выше оценок, экзаменов, интриг педагогов и богатых родителей, всей околбалетной суеты, – потому что такой балериной можно только родиться. Она танцевала так же естественно, как ходила или смеялась. Училась легко, будто вспоминала подзабытые движения, даже на ежедневных занятиях по классу не просто работала – танцевала свое настроение, утро за окном – светлое или пасмурное. Именно на Свету Наталью Сергеевну ставила выпускной спектакль – не «Коппелию» или «Тщетную предосторожность», а «Жизель» с примой Большого Галиной Ростовцевой в заглавной партии: Ростовцева – Жизель, Светлана – Мирта. Расчет был очевидный: сходящая уже, отяжелевшая Ростовцева в первом акте, и эффектный выход Светы в сложной прыжковой партии Мирты – во втором...

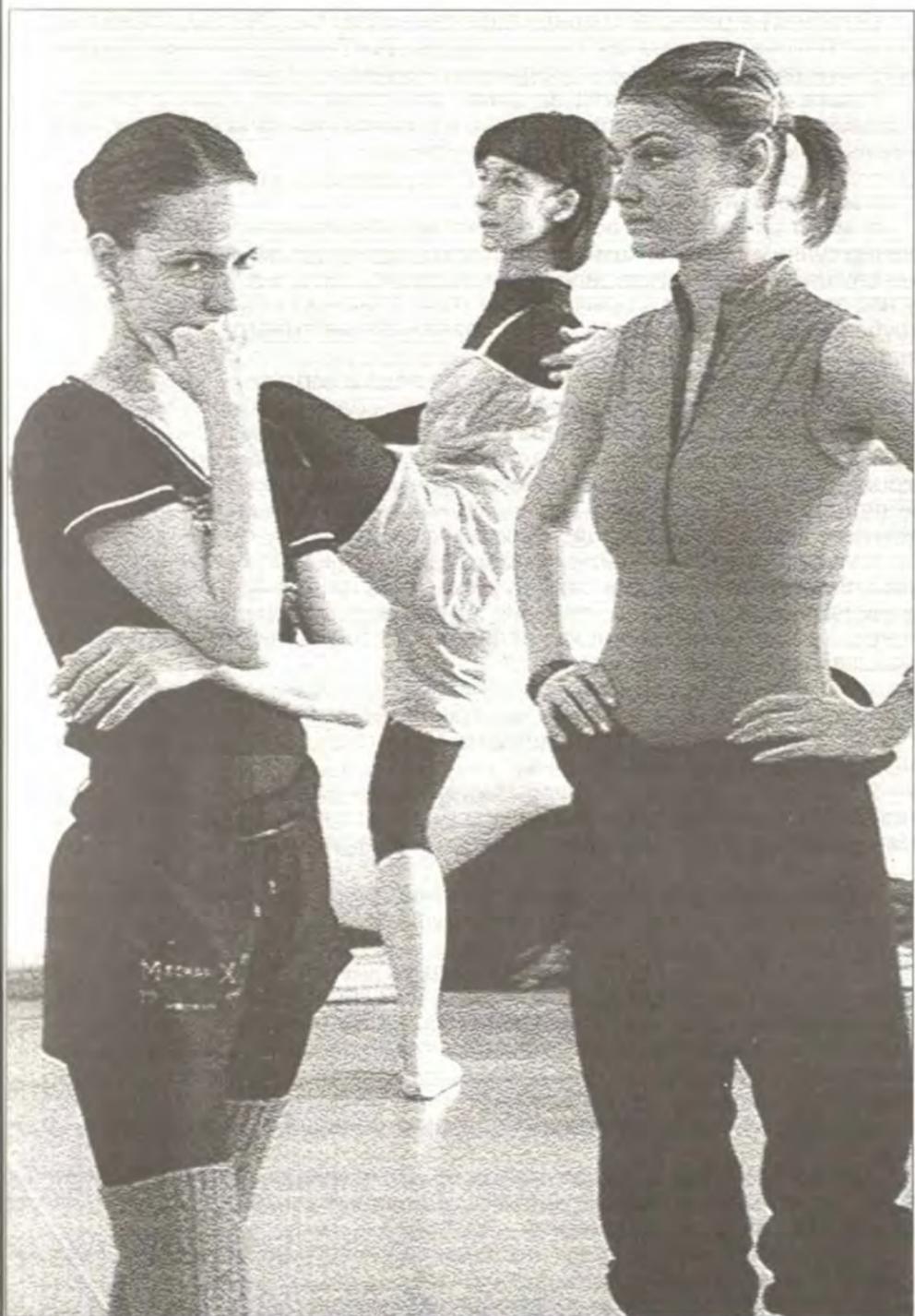
Еще недавно рядом со Светой у станка стояла Нина, резкая, немного грубоватая, но очень сильная по технике. У нее был фантастический прыжок – она вылетала, как из пушки. Как-то на спор с девчонками прокрутила сорок восемь фуэте. На втором курсе Нина вдруг стала разъезжаться вширь, по-бабьи округлились бедра, появился выпуклый, как у гусыни, живот, толстые зацепы на боках, исчезла талия. Она начала курить, пыталась голодать и заниматься йогой, но фигура по-прежнему оплывала, вес нарастал. Нина уже с трудом выдерживала весь урок на пальцах. Она оказалась среди «корды», отошла по правой палке от зеркала в дальний угол, потом в обратном направлении – по левой. Юлька двигалась тем же путем ей навстречу, какое-то время они стояли рядом у окна, потом разошлись, и к середине третьего, выпускного курса Юлька твердо встала рядом со Светой, а Нина очутилась «под роялем».

– И-и... а-тю-тю! Держим! – Наталья Сергеевна неторопливо ходила по залу, глядя как будто бы в пол, но видя всех сразу. Не оборачиваясь, крикнула: – Чикваидзе, пять колеек потеряла?

Ия торопливо вскинула голову. У нее была дурная привычка смотреть на опорную ногу. Год назад Наталья выдрала ей клок волос: раз сказала, другой, потом подошла, взяла за волосы и ласково процедила сквозь зубы:

– А головку, деточка, надо держать вот так! – И повернула...

– Четче! Раз-два-три... Хайрутдинова, спину возьми!.. Семь-восемь – поворот!..

Девчонки в розовых хитонах работали экзерсис. Титова занималась в глухих болоньевых штанах: сушила бедра. Это было нарушение формы, но Наталья демонстративно не обращала на нее внимания.

Юлька мельком глянула за окно. Там понемногу, трудно светало, в школе напротив старшеклассники склонились над тетрадями, очкарик за последним столом смотрел в окна училища.

«Здравствуй, мама!

У меня всё хорошо, всё по-прежнему. Занимаюсь, отдыхаю. Каждый вечер гуляем с девчонками по Москве. И ем я нормально – не волнуйся и не слушай эти дурацкие рассказы про вечно голодных балерин. Столовая у нас замечательная, кормят как на убой. И не надо покупать мне ничего, шуба мне не нужна – здесь тепло, совсем по-весеннему...»

– Середа, так проститутки на Арбате задом вертят!

Света работала непривычно осторожно, зажималась, не успевала за остальными. Наталья Сергеевна начала раздражаться.

– Нефёдова, на высоких полупальцах работаем! Держи ногу! Пах открой! – Она с размаху ударила ее ладонью в низ живота. – Выше! Выше колено! – Подняла сзади ей ногу двумя руками, пнула снизу в бедро. – Да что вы вареные все сегодня?! Спите много? Пошли на середину!

Юлька подхватила лейку, пробежала назад и вперед, смачивая наклонный пол. Началась вторая часть урока – середина зала. Все тяжелее становилось дыхание, чаще взлетали и опускались острые ключицы, выбившиеся из-под заколок волосы налипали на лоб, промокали, темнели под мышками и вдоль спины хитоны.

«...Отцу не верь и обратно не пускай. Если раз продал, то и второй продаст. И не плачь, не стоит он того. И не смей, поняла, не смей брать у него деньги! Потерпите до лета.

Я здесь еще никому не говорила – я решила проситься на распределении в Хабаровск, буду ближе к вам, сразу получу роли, смогу подработать педагогом в детской студии. Справимся без него...»

– Хайрутдинова, спину возьми! Сто раз тебе, дура, повторять?.. Азарова, о чём замечалась? В Австралию душа летит?

«...Да, в мае мы летим в Австралию на целый месяц! А потом целую неделю дадут отдохнуть! Даже не знаю, чему больше радоваться. На этом кончаю письмо. Привет сестричкам – Зое и Кате. Не верится, что уже восемь лет не виделись. Но теперь недолго осталось, скоро прилечу насовсем...»

– Середа! Сто-оп! – Наталья Сергеевна раздраженно хлопнула в ладоши.

Концертмейстер оборвал мелодию. В наступившей тишине Наталья Сергеевна выдержала долгую паузу. Девчонки замерли. Когда у Светки что-то не клеилось – доставалось всем.

– Середа, ты что, нарочно это делаешь? – негромко спросила Наталья Сергеевна. – Пойди сюда.

Скрестив руки на груди, она подождала, когда Света подойдет.

– Что с тобой сегодня?
– Бедро болит, Наталья Сергеевна.
– Ну так иди в медчасть! Сама вполне работаешь и остальным мешаешь!
– Оно совсем немножко ноет, – виновато сказала Света. – Только когда...

– Врачу объяснишь, – отвернулась Наталья Сергеевна. – Так, встали на прыжки!

– Можно, я закончу? – спросила Света.
– Нельзя. Алексей Семёнович, пожалуйста...

Света накинула халат и, чуть прихрамывая, вышла из зала.

Начались прыжки.

– Выше мах!.. Выше!.. Выше!.. Раз!.. Раз!

В конце урока на девочек страшно смотреть. Трясутся от напряжения мокрые лица. Пот уже ручьями течет по шеем, с висков, срывается каплями со скул. Кто втягивает щеки, кто скалитесь.

– Раз!.. Раз!.. Легче!.. Улыбку дай!..

Ни одной связанной мысли в голове. Только красные вспышки перед глазами. Только мат сквозь стиснутые зубы вместе с дыханием. А стрелка часов на стене будто прилипла. Ноги гудят, как чугунные. Колени подламываются сами собой. Мягкие балетки жгут стопу, как наждак. Душа вылетает вперед и вверх, а неподъемное тело едва волочится следом.

– Да спину!! – Наталья Сергеевна с размаху ударила кулаком по спине Чолпан. Та чуть не упала, прогнулась от боли. – Иначе не понимаешь?! Раз!.. Раз!..

После звонка и финальных поклонов девочки побрели в раздевалку. Чолпан, закинув руку, ощупала синяк на спине:

– Собака! Гляди, прямо по позвоночнику...

Никто не взглянул на нее, девочки стягивали мокрые хитоны и колготки. Все сами ходили с синяками. Когда бьют – это хорошо, хуже – когда не обращают внимания. Давно не били – скоро выгонят.

– А это чье? – увидела Чолпан рядом со своей вешалкой школьное платье.

– Мое. – Третьеклассница только что вышла из душа, стояла позади нее вся в капельках воды.

– Это твое место, ты, мокрощелка?! – Чолпан сорвала ее одежду и швырнула в дальний угол, где раздевались младшие девочки. – Еще раз увижу – морду разобью!

Девочка покорно пошла поднимать платье.

Старшеклассницы, обмякшие, лоснящиеся от пота, сидели нагишом, вытянув чугунные ноги, тупо глядели перед собой пустыми плоскими глазами. Шли в душ, засыпали стрептоцидом, перевязывали шелковыми лентами сочащиеся сукровицей пальцы ног, переодевались в школьную форму.

Нина вылила пот из болоньевых штанов, выжала хитон. Встала на весы, погоняла гирьку и зло отшвырнула ее в конец шкалы.

Только неугомонная Илья в спущенном до пояса хитоне возбужденно рассказывала кому-то:

– Ну, я им пару батманов кинула... – Она с болтающимися до полу руками изобразила канкан между скамейками. – Нет, ты представляешь,

юбка-то – во! Они хохотальнички поразинули, блин, а я будто не въезжаю, типа «что такое, я девушка скромная»...

– Ну и что они тебя – сразу или в очередь? – спросила Нина.

– Что? – улыбаясь, обернулась Ленка.

– Ничего! На улицу пойди расскажи, как ты трахалась! – крикнула Нина.

– Начинается... – досадливо протянула Нефёдова.

– А что, завидно, да? – Илья развернулась к Нине, по-бабьи уперла руки в бок. – Что, поделиться?

– Спасибо! Я не такая шлюха, как ты!

– Ха, конечно! Кому ты нужна, корова! Протухла на своей диете!

– Да хватит, надоело! – сказала Нефёдова.

– А ты сиди молчи! – закричала Нина. – Сколько за тебя предки запла-тили?

– Ты что, Нин... Нин, перестань, – испуганно зашептала Ийка.

– Что? – взвилась Нефёдова. – А ты знаешь, да? Ты видела? Сама скоро вылетишь отсюда!

– Посмотрим еще, кто вылетит!

– Тихо! – крикнула Юлька.

Уже никто никого не слышал, в раздевалке стоял общий гвалт.

– А ну, тихо!! – заорала Юлька. – Умолкни, я сказала! А ты сядь! Достали!

Младшие девчонки притихли на своих скамейках, наблюдая за ссорой старших.

– Жопу отодрала, а я, блин, виновата, – буркнула Илья, доставая из сумки сигареты.

– Заткнись! – крикнула Юлька.

– Корова...

– Заткнись, я сказала!

В раздевалке наконец стало тихо. Мрачные девчонки разошлись по своим местам, не глядя друг на друга. Юлька сорвала полотенце с вешалки и пошла в душ. Чем ближе к экзаменам, тем чаще вспыхивали в раздевалке ссоры, девчонки истерили, заводились по любому поводу...

Юлька, блаженно прикрыв глаза, стояла под душем. Тонкие острые струйки кололи плечи и грудь. В углу душевой торопливо докуривали Илья и Чолпанка.

И снова звонок. На истории Юлька дремала, подперев голову руками, поглядывала сонно, как пишет Ия письмо на родном языке непонятными закорючками. На химии вязала новые гетры.

Потом снова переодевались – к народному танцу: в черные купальники и юбки, туфли с мощным каблуком. На уроке что-то не заладилось, как бывало иногда, все безбожно врали и путали друг друга.

– Азорова, ты же ведешь! Ты же первая идешь! Середы нет – как стадо баранов! – Народница ругалась, но никого не трогала: народно-характерный – не основной предмет, здесь старшеклассницы могут послать тебя далеко и красиво.

Потом был обед, такой пресный, что повтори его тут же – и всё равно не наешься и не поймешь вкуса. Но и тот половина девчонок пропустили.

Потом литература, и опять переодевались в купальники и длинные шопеновские пачки к дуэту. Света выдала недавно: «А вот угадайте, кто я? Раздеваюсь-одеваюсь, раздеваюсь-одеваюсь, раздеваюсь-одеваюсь. Вы думаете, я проститутка? Нет, я балерина». В других училищах давно от-

менили школьную форму, но директриса на каждом собрании долбила, что московская школа – лицо российского балета, что форма дисциплинирует, и, бывало, опаздывающие девчонки кое-как натягивали школьные юбки и пиджаки прямо на мокрые купальники.

После дуэта Юлькин класс отправили в фотоцех, «на клеточки». В подвале тупиковая стена была расчерчена в крупную клетку, девчонки по одной выходили в комбинезонах под слепящий свет ламп – спиной к стене, пятки вместе, руки по швам, подбородок вверх, потом профиль слева. Двойные фотографии, похожие на «их разыскивает милиция», подкалывались в личное дело – по ним каждый год перед экзаменами проверяли форму: длину ног, ширину бедер, у кого коротка голень, у кого крупная голова или великовата грудь.

В кабинете анатомии, увешанном схемами человеческих костей, Юлька раскрыла наконец учебник французского, полистала и принялась рисовать узоры на полях. Хаким за соседним столом, скучно подперев одной рукой голову, другой тискал Ильинскую. Та невозмутимо красилась, разложив косметику.

– Что, на дуэте не нащупался? – спросила она, поправляя тени.

– Не, скелет учу...

На улице темнело, в классе зажгли свет – тянулся к концу длинный день, обыкновенный день, неотличимый от других таких же, которые оставляли за собой только привычную боль в ногах и забывались раньше, чем коснешься головой подушки.

Середа вернулась к последнему уроку, математике, села на свое место перед Юлькой.

– Ты что так долго?

– На рентген ездила... – Света обернулась к ней – и вдруг улыбнулась безмятежно и счастливо.

– Ты чего? – спросила Юлька, тоже невольно улыбаясь.

– Весна скоро...

– Экзамены скоро, – буркнула Ия, не отрываясь от тетради.

Когда девчонки после репетиции в учебном театре возвращались в интернат, Юльку окликнула из своей комнаты Галина Николаевна и сказала, что ее ждут внизу.

– Кто? – удивилась Юлька.

– Не знаю. Тебе виднее.

Юлька, как была – в купальнике и клетчатой мужской рубашке вместо халата – сбежала в вестибюль и замерла, едва не натолкнувшись на Игоря. Тот ждал около вахты, сунув руки в карманы необъятной кожаной куртки.

– Привет, – улыбаясь, сказал он.

– Здравствуйте. Вам Лену позвать? – не глядя на него, хмуро спросила Юлька.

– Какую еще Лену? Я к тебе.

– Час уже ждет, – подала голос вахтерша. Похоже было, что Игорь времени зря не терял и успел обаять суровую Ольгу Ивановну.

– Зачем? – спросила Юлька.

– Идите погуляйте, – посоветовала вахтерша. – Что же здесь секретничать.

– У меня увольнительной нет.

– Так походи возьми. Или здесь погуляйте, недалеко. Что ты всё одна, не ходит к тебе никто. Как неживая прямо. И мальчик такой симпатичный, вежливый, не то что другие...

Игорь только подмигивал Юльке: слушай, что умные люди говорят.

В вестибюле было полно народу: стояла очередь к двум автоматам, старшие курсы шли в увольнение, младшие возвращались. Юлька, только чтобы скрыться от любопытных глаз, схватила у кого-то из девчонок куртку и, надевая на ходу, выскочила из училища. От свежего морозного воздуха у нее закружилась голова. Она быстро отошла от крыльца в сквер – Игорь едва поспевал следом – и резко обернулась:

– Ну?

– Что?

– Зачем пришли? – Юлька воровато глянула вверх, на окна интерната. Голые деревья просвечивали насквозь, в окнах маячили лица девчонок. Ох, разговоров будет!

– Знаешь, давай на «ты»? – предложил Игорь.

– Давайте. Мне всё равно.

– Вы всегда так поздно заканчиваете? – кивнул Игорь на училище.

– Десятый урок – в шесть. Потом репетиция до восьми.

– А потом?

– Ужин.

– А потом?

– Уроки надо делать.

– Дисциплина... – протянул Игорь. – А в субботу?

– Как обычно.

– Ну воскресенье-то?! – развел руками Игорь.

– Утром спектакль в Кремлёвском. «Тщетная предосторожность».

– Я приду?

– Приходите, – пожала плечами Юлька. – Мне всё равно. Если билет достанете.

– А ты – прима? – улыбнулся Игорь. – Или как это называется?

– Нет. Я вторая, после Светы. Вы ее видели в тот раз.

– Обидно быть второй?

– После Светы – нет. Ей даже завидовать нельзя.

– А Лена?

– А ваша Лена – глухая корда, – с неожиданным злорадством сказала Юлька.

– Что? – не понял Игорь.

– Кордебалет... Ладно, всё. Мне пора. Французский учить надо, – повернулась идти Юлька. Французский, конечно, мог и повременить, но она сгоряча выскочила на улицу с голыми ногами и теперь нещадно мерзла.

– Ну так я подожду после спектакля, – утвердительно сказал Игорь.

– Мне всё равно.

– Тебе действительно всё равно? – спросил Игорь.

Юлька молчала, опустив голову. Исподлобья глянула на него. Игорь ждал, улыбаясь. И чем дольше тянулось молчание, тем больше краснела Юлька сквозь морозный румянец. Досадливо провела ладонью по горящей щеке. Наконец грубовато сказала:

– Ладно.

– Что?

– Ждите. – И она побежала к училищу.

Как нарочно, первой, кого встретила Юлька в интернате, была Ильинская.

– Хо-хо-хо, – вытянув губы трубочкой, ехидно пропела Илья. Юлька резко обернулась к ней, та отскочила и поплыла дальше, виляя бедрами и посмеиваясь. Значит, весь интернат уже в курсе.

Юлька вошла в комнату и воинственно оглядела девчонок. Те сидели на кроватях с учебниками. Юлька переоделась, натянула на ледяные ноги голстые гетры, подчеркнуто деловито, как ни в чём не бывало, убралась.

– Последняя крепость пала, – скорбно сказала Света.

– Что? – вскинулась Юлька.

– А? Историю читаю. – Света невинно продемонстрировала учебник. Девчонки сдерживали улыбки.

– А вообще он ничего... – как бы про себя заметила Ийка.

– Ага...

– А главное – ну оч-чень вежливый! – сказала Нина.

– Не то, что другие, – закончила Света.

Юлька схватила подушку, швырнула в нее и навалилась сверху под визг и хохот девчонок.

Ночью, засыпая, она вдруг физически ощутила, что где-то в огромном городе в это самое время думает о ней человек. Она даже смутно представила его комнату и вид из окна...

Юлька не любила, не знала и боялась Москву почти так же, как и восемь лет назад, когда неожиданно-негаданно оказалась в училище. Для матери развод не прошел даром: вдруг полезла струпьями кожа со щек, и за неделю лицо превратилось в кусок сырого красного мяса. Она заперлась в доме, боясь показаться перед людьми таким чудищем, а летом ей дали отпуск и отправили в Москву, в медицинский институт – лечиться и сидеть на ученых конференциях, демонстрируя редкую форму нейродермита. Зойка и Катя остались в лагере на три смены, а на Юльку не хватило путевки, и матери пришлось взять ее с собой. Месяц Юлька жила в больнице, помогала нянечкам и на кухне, ночевала то в процедурной, то в кладовке – где позволяли дежурные сестры.

В одной палате с матерью лежала плаксивая издерганная тетка с таким же красным мясным лицом – балерина из Большого, которую выжили из театра на пенсию. Она и посоветовала матери показать Юльку в училище. Сама Юлька о балете не мечтала и вообще не думала, просто потому что не видела. Однако все данные – шаг, подъем, выворотность – у нее действительно оказались на редкость. «Хороший материал», – повторили в училище теткины слова, и Юльку приняли. Много позже Юлька поняла, что для матери это было спасение, подарок судьбы: троих детей она не потянула бы.

До первого сентября было еще далеко, но везти Юльку через всю страну домой, а потом обратно было слишком дорого, и мать оставила ее в интернате дожидаться начала занятий – не предполагая, даже в мыслях не имея, что расстанется с ней на все восемь лет. Каждое лето мать пыталась собрать деньги Юльке на билет, и каждый раз денег не хватало, каждый раз Юлька ехала в подмосковный летний лагерь училища.

А тогда, в первую ночь, одна в пустом интернате, Юлька свернулась калачиком под одеялом и тихо заплакала, бездомная, потерянная в глухом дремучем городе... Восемь лет прошло, а это детское ощущение ос-

талось: она жила в бетонном бастионе училища, как в замке посреди заколдованного леса, где на каждом шагу неведомая опасность. Случалось, что неделю не выходила в город, даже в старших классах, когда разрешили увольнения – жила на третьем этаже, занималась на втором, обедала на первом, гуляла во внутреннем дворе.

А оказывается, достаточно одного человека, чтобы огромный город стал живым.

* * *

Оркестр закрывал сцену плотным звуковым занавесом – в зале царила музыка, а на сцене раздавался не слышимый зрителю грохот пуантов, скрип канифоли под туфлями, тяжелое дыхание, короткие фразы, вскрик Светы, неудачно вставшей после прыжка на большую ногу, – шла работа.

Беспечная деревенская девушка Лиза с подружками сбежали в кружок посекретничать. Отвернувшись от зала, Середа болезненно оскалилась, сильно сдвинула пальцами бедро.

– Болит? – сочувственно спросила Юлька, переводя дыхание.

– Терпимо...

Они разбежались к партнерам: Света – к Дёмину, Юлька – к Астахову. Мальчишки встали на колени и посадили их на бедро...

Юлька села чуть глубже, скользнула по влажным лосинам Астахова – и повалилась спиной на пол. Астахов с искаженным от напряжения лицом, как штангист, рвущий вес, удержал ее за талию – у Юльки чуть голова не отлетела от рывка – и усадил на место.

– Куда ж тебя несет, зар-раза! – прошипел он сквозь радужную улыбку в зал.

– А ты чего спишь? Козел колчерукий!

Всё произошло в одно мгновение, в зале никто ничего не заметил.

Друзья и подруги убежали за кулисы.

Девчонки, задрав пышные шопеновские пачки, поправляли купальники, переобувались. Рабочие сцены беззастенчиво пялились на них.

– Опять лосины дырявые. Зашить не могут, что ли? – Астахов задумчиво разглядывал дыру на ляжке. – Интересно, из зала видно?

– Кому ты нужен, смотреть на тебя! – огрызнулась Юлька. Она еще не отошла от пережитого на сцене испуга. Вот была бы картина – громыхнуться затылком об пол, растопырив ноги, как баба зимой у колонки. – Уронил – убила бы!

Она сменила пуанты на другие, помягче, с разбитым носком. Вытерла мокрую шею полотенцем. Спустила бретельки перекрутившегося, прилипшего к телу купальника. Дёмин стоял напротив, смотрел на нее странными, неподвижными глазами.

Юлька вскользь глянула на него, оправляя форму, потом подняла голову, улыбнулась удивленно:

– Ты чего, Ген?..

Дёмин всё не отводил глаз, и Юлька вдруг вспыхнула, торопливо прикрыла грудь руками.

– Не выспался, что ли? – грубо спросила она.

Дёмин наконец отвернулся к сцене.

Медсестра, присев на корточки, замораживала Свете бедро хлорэтилом.

– Быстрее!.. Быстрее!.. – Наталья Сергеевна держала Свету за плечо, чтобы подтолкнуть на сцену. – Всё. Пошла!

Началось па-де-де. У Юльки было еще минут семь, она ушла в коридор за кулисами, где стоял монитор на сцену. Света и Дёмин танцевали коду. Света совсем сдала к концу спектакля, работала вполноги, осторожно, заранее боясь боли. Генка помогал как мог, он был не блестящим солистом, но идеальным партнером.

Из глубины коридора появилась Илья, она успела сбегать в артистический буфет и теперь жевала эклер. Удирающий от приятеля первоклассник едва не врезался в нее. Ленка умело, не глядя, отвесила ему подзатыльник и встала рядом с Юлькой перед монитором, попеременно откусывая от пирожного и облизывая крем с пальцев.

– Твой пришел, – равнодушно сообщила она.

Юлька внимательно смотрела на экран. Не выдержала, спросила не оборачиваясь:

– А ты откуда знаешь?

– Девки видели. Наверху сидит. – Ленка поискала, обо что бы вытереть руки, и вытерла о свою пачку.

– «Подругам» приготовиться к выходу, – послышался голос ведущего из динамиков.

Юлька направилась к сцене. И, стоя за тяжелой кулисой, ощутила уже знакомое: в огромном зале один человек думает о ней и ждет ее выхода.

Юлька со второго класса танцевала в КДС и давно перестала бояться зала. В заигранной до дыр «Тщетной предосторожности», если за кулисами не стоял педагог, они даже развлекались на сцене – скажем, в финале, когда закидывали цветами счастливых влюбленных, можно было вlepить бумажным цветком кому-нибудь из своих в лоб и уворачиваться в толпе от жаждущих мести девчонок. Зал казался Юльке со сцены одним бледно-серым, аморфным существом, неделимым на людей.

И вот теперь она вдруг почувствовала, что зажимается, боится одного человека во всём зале. Тотчас разозлилась на себя и решительно шагнула под свет прожекторов...

После спектакля девчонки отдыхали в уборной, пропахшей потом, как конюшня, смывали грим. Света сидела, бессильно опустив руки, склонив голову. Наталья Сергеевна раздраженно ходила взад и вперед.

– Святых выноси! Дуня из Дома культуры лучше станцует! Что с тобой, лебедь ты моя? – Она наклонилась к самому лицу Светы. – Я с тобой разговариваю!.. Ну скажи, что не можешь, – замену бы дали! Чем вот так позориться!

– Пришел? – шепотом спросила Ия.

Юлька кивнула, быстро снимая тени вокруг глаз.

– Если домой будет звать – не ходи. Родители на даче, музыку включит и сразу под юбку ползет...

– Да отстаньте вы от меня! – не вытерпела Юлька. – Погуляю полчаса и приду!

Ребята и девчонки выходили из служебной двери в нижний коридор Дворца, где курили последние зрители, дожидаясь, пока схлынет толпа в гардеробе.

Неподалеку у зеркальной стены стоял высокий, чуть седоватый мужчи-

– Только идиот может не понимать балет!

Игорь придержал ее за ремень сумки. Юлька изо всех сил тянула сумку к себе. Милиционер у кремлевских ворот давно уже пристально наблюдал за ними, держа наготове рацию.

– Ну, извини, Юль. Я же в первый раз на балете, – осторожно сказал Игорь, сдерживая смех. – Может, чего не понимаю. Ты объяснишь, я врублюсь понемножку. Буду приобщаться к высокому... Пойдем. – Он почти силком повернул ее к выходу.

Юлька шагала с суровым видом, хмуро сведя брови. Игорь искоса поглядывал на нее и улыбался.

– А куда мы идем? – спросила Юлька, когда они вышли наконец из Кремля к Манежу.

– Как куда? Ко мне.

– Зачем? – снова остановилась Юлька.

– Знакомиться с родителями.

– Вот так сразу? – недоверчиво спросила она.

– А чего тянуть? Упадём в ноги. Они нас благословят. Потом все весело танцуют среди картонных берез...

Юлька ожесточенно размахнулась и что было сил огрела его сумкой по спине.

Она глянула на просвет в пустую гостиную и кухню и вошла следом за Игорем в его комнату.

– А где родители?

– Наверное, на дачу свалили... Музыка любишь? «Битлз». – Игорь вытащил диск из стеллажа.

Юлька замерла у дверей. Всё происходило именно так, как говорили девочки: предки на даче, музыка. Сейчас начнется... Но отступить было уже поздно. Юлька сунула кулаки в карманы юбки и прошла в комнату.

– Мне всё равно.

– Опять «всё равно»?

– Ну, поставь, – досадливо сказала Юлька.

Игорь врубил музыку и развалился на диване нога на ногу.

– Садись, – похлопал он по дивану рядом с собой.

– Не хочу.

– Кофе хочешь?

– Нет.

– Слушай, ты сама-то замечаешь, что сначала говоришь «нет!», а потом уже думаешь?

Юлька независимо пожала плечами.

Игорь жил в двух шагах от Кремля, на тихой улице Грановского, но пока они дошли до увешанного мемориальными досками дома, Юлька сто раз готова была плюнуть на всё, повернуться и уйти. В училище она привыкла к простым словам, когда говорится то, что слышится. Тебе могут сказать «ты мне нравишься», тогда можно ответить «ты мне тоже» или «извини», могут сказать гадость, тогда можно ответить тем же или просто дать в морду. А Игорь ни слова не говорил всерьез. То есть наоборот, он всё говорил абсолютно серьезно, а когда Юлька, как дура, верила и начинала объяснять или спорить, всё оборачивалось хохмой. И обижаться было глупо, и терпеть глупо. Надо было разговаривать на его языке, которого Юлька не знала.

И квартира была совсем не похожа на ту, что привиделась Юльке в счастливом полусне. Громадная, пятикомнатная, в лакированном паркете отсвечивает морозное солнце, в гостиной старинная мебель – всякие резные конторки и кресла, гравюры на стенах. А у Игоря, наоборот, всё современное, стеллажи на роликах, низкий плоский диван-«сексодром». А в окнах – купола и звёзды Кремля, как на открытке. Юлька впервые в жизни была в такой квартире и вообще давно не была в нормальном человеческом доме. А Игорь с улыбкой наблюдал, как она ходит по комнате, старательно выдерживая безопасное расстояние от дивана.

– Слушай, ты откуда такая?

– Ты всё равно не знаешь, – с вызовом сказала Юлька.

– А всё-таки?

– От Хабаровска час на самолёте. И там еще автобусом. Поселок Рудник.

– А-а, сибирский характер, – понимающе сказал Игорь. – Есть женщины в русских селеньях...

– Ага. Есть.

– А как в балет занесло?

– А так. Мимоходом... Ну, а ты чем занимаешься?

– Учусь. В университете. Вторая древнейшая профессия – журналист.

– Да? А первая какая?

– Ну-у... – опешил Игорь. – Как бы это тебе объяснить...

Юлька в этот момент подошла слишком близко к дивану. Игорь раскинул руки – «как бы это объяснить?» – и будто невзначай обнял ее за талию. Юлька мгновенно вывернулась и отскочила.

– Что такое? – невинно поднял брови Игорь.

– Ничего, – буркнула Юлька. Она растерянно, двумя руками держалась за «молнию» на бедре и неудержимо краснела.

– Да что случилось? – уже всерьез сказал Игорь.

– У тебя булавка есть? – не глядя на него, спросила Юлька...

В огромной ванной, где можно было поставить гарнитуры и жить, она развернула юбку, которую носила с пятого класса и которая за это время превратилась в мини, «молнией» вперед. От резкого движения старая «молния» лопнула по всей длине. Юлька, как сумела, закрепила ее булавкой. Вышла, поправляя булавку, ногой закрыла за собой дверь и, как шла, склонив голову, так вслепую и наткнулась на стоящего в прихожей мужчину.

– Привет, – поздоровался тот, с интересом разглядывая ее.

– Добрый день, – сказала вошедшая за ним женщина.

Юлька застыла в ужасе, ни жива ни мертва. Она представила, как выгладит сейчас, этакий замученный цыпленок с куцом хвостиком на резинке, в застиранном свитере и шерстяных колготках, вышедшая из ванной в задранной под грудь юбке.

– Здрасьте... – пролепетала она, пытаясь незаметно, сзади стащить юбку на место.

– А-а, давно не виделись! Какими судьбами? – появился в дверях комнаты Игорь. – А вот и предки, – пояснил он Юльке.

– Ты понимаешь, старый, – виновато сказал отец. – Ты будешь смеяться, но билетов нет. Воскресенье. Народ припал к живительному роднику.

– Давайте обедать, – сказала мать. – Этот обормот ведь вас голодом заморит.

Родители прошли на кухню.

– Я не пойду, – отчаянно зашептала Юлька. – Ты представляешь, что они подумали?

– Поздно боржом пить, когда желудок вырезали, – развел руками Игорь.

Пока мать разогревала суп, а Игорь с отцом выставляли на стол восьмиугольные стеклянные тарелки с закуской из холодильника, разнокалиберные приправы в бутылочках и резали хлеб, Юлька сидела за столом, деловито сложив руки на коленях.

– Познакомил бы с девушкой, – сказал отец.

Они были очень похожи с Игорем, даже говорили с одной интонацией – абсолютно серьезно.

– Это – Юля! – торжественно сказал Игорь. – Юля – балерина!

– Интересно... Первый раз вижу рядом живую балерину. С президентами общался, а тут – пробел...

– Я не буду, – замотала головой Юлька, когда мать поставила перед ней тарелку с супом.

– Диета? – понимающе спросила та.

– Нет. Просто не хочу.

Отец тем временем достал бутылку вина и рюмки. Юлька накрыла свою ладонью.

– Сухое. – Отец продемонстрировал этикетку с генеральским набором медалей. – Вам запрещают?

– Не люблю.

– Ну, за гостью! – Все, кроме Юльки, выпили и принялись за первое.

– Был сегодня на балете, – сообщил Игорь.

– Не может быть!

– Может! – кивнул Игорь, дожевывая. – Юля потрясающе танцевала. Просто... душой исполненный полет... Сюжет – животрепещущий. Твои, па, международные дела – детский лепет. Пересказываю: дело происходит во Франции. Или в Германии. Семнадцатый век. Или восемнадцатый. А может, девятнадцатый – всё равно... Итак, – Игорь таинственно понизил голос и протер руку, – юный пейзажник любит юную пейзажку...

Юлька пнула его под столом так, что Игорь затих, склонившись над тарелкой – то ли от боли, то ли от смеха.

– Я как раз в Англии был, когда Григорович приехал, – сказал отец. – Это даже не провал – хуже, чем провал: они с юмором о гастролях писали. Похоже, у них наш классический балет ассоциируется с эпохой Брежневца – та же степень окаменелости.

– Кто-то должен сохранять традиции, – ответила Юлька.

– Я не о традициях, а об уровне. Как раз у них традиции сохранились в чистом виде, еще со времен Павловой и Нижинского. И, кстати, «Всемирная школа русского балета» – в Вашингтоне, а не в Москве. Что абсолютно закономерно. Потому что нынешний Большой – это действительно из области черного юмора.

– Большой есть Большой, – упрямо сказала Юлька. – И останется Большим.

Юлька и без них знала, что от Большого осталось одно название, последние приличные танцовщики разбегаются, а лучшие давно сбежали на Запад. Да и о каком уровне можно говорить, если одновременно двенадцать трупп – и все под маркой Большого – гастролируют по миру, заколачивают валюту, а в театре эти коллективы, наполовину состоящие из пен-

сионеров, называют «группы здоровья». И если в Таиланде или Лаосе Большой еще котируется, то в приличных странах спектакли идут на сценах провинциальных кинотеатров. Всё это Юлька знала, но мгновенно заводилась, когда «чайники» начинали рассуждать о балете. Она же не сует нос в их дурацкие дела!

– Что вы пристали к девушке, – сказала мать. – Ешьте, Юля. – Она поставила перед ней второе. – А правда, что балеринам два часа после еды нельзя сидеть?

– Почему? – пожала плечами Юлька. – Кто как хочет.

– А вы, простите, сколько весите?

– Сорок четыре триста.

– О господи! Вам, наверное, всё время есть хочется? Столько ограничений...

– Да никаких ограничений, – досадливо сказала Юлька. – Не объедайся и работай в полную ногу.

– Правду писали: Кириллова родила? – спросил отец.

Юлька кивнула.

– А от кого? Кириллов-то давно в Америке.

– Не знаю.

– А правда, Мельникова пыталась газом отравиться...

– Не знаю.

– ...потому что застала мужа с мальчиком?

– Да! – сказала Юлька. – Правда! Балерины всегда голодные! Все со всеми трахаются! Все балетные мужики – педики!

За столом стало тихо. Юлька сидела красная, упрямо склонив голову. Игорь ухмылялся. Отец с матерью переглядывались.

– Там в семнадцать тридцать сеанс? – Отец деловито посмотрел на часы.

– Кажется, так.

– Может, на лишний билетик нарвемся...

– Не надо. – Юлька вскочила. – Спасибо. Мне пора.

Игорь догнал ее в прихожей, поймал за руку, затащил в свою комнату.

– Что случилось? – участливо спросил он.

– Ты зачем меня сюда привел?!

– Да тише ты.

– Нет, ты что им сказал про меня?

– Не ори! – Игорь врубил магнитофон, и дальше они общались, перебивая друг друга и вопящего нечеловеческим голосом певца.

– А мне наплевать! Пусть слушают!

– Да что они тебе сделали?

– В кино они пошли – сынуля девочку привел! Что одна, что другая – всё равно! Девочка на два часа, да?!

– На три.

– Что? – опешила Юлька.

– Фильм двухсерийный.

– Ну, знаешь!.. – Юлька выбежала из комнаты, на ходу подхватила в прихожей куртку.

Игорь снова догнал ее уже на лестничной клетке, когда Юлька изо всех сил давила кнопку лифта, нетерпеливо поглядывая вниз.

– Да подожди! Послушай! Тебя что, трогает, как они на тебя смотрят?

– Представь себе, трогает!

– Ты... ты потрясающе краснеешь, – вдруг улыбнувшись, сказал он. – Девятнадцатый век!

Юлька уже набрала воздуха, чтоб достойно ответить, но растерялась от неожиданного поворота. Глянула в зеркало, висящее напротив лифта, потрогала пылающие щеки.

– Просто сосуды близко, – ворчливо сказала она. Тут же спохватилась: – Ты мне зубы не заговаривай! Всё равно больше не приду. Можешь других баб сюда водить! Спасибо за кормежку!

Открылись створки лифта, Юлька шагнула внутрь и тут же нажала кнопку.

Игорь наткнулся на закрывающуюся дверь и заорал вслед уходящему лифту:

– Слушай, у вас там все такие ненормальные?..

У подъезда училища маячила знакомая фигура.

– Илья! – Юлька замедлила шаг. – Ты чего тут?

– Гуляю! – воинственно ответила та.

– Ты что... напилась, что ли? – Юлька подошла ближе.

– Ну и... что дальше?.. – Ленка высокомерно вскинула голову. Она была пьяна в дым, едва держалась на ногах. Надо думать, Эрдель доставил ее к училищу, потому что иначе Ленку забрали бы на первом же перекрестке.

– Хорошо погуляла? – зло спросила Юлька. – Генерала нашла?

– Не... Он женатый, козел... Во такой мэн! Х-художник... Меня будет рисовать. У меня фигура – полный отпад, поняла? Культура тела, блин! А натурщицы у них – коровы!.. Хочешь, познакомлю? Мне не жалко для тебя. Их трое там, х-художники... Всё честно – пятерка в час... Обнаженка...

От нее несло за версту. Юлька затаивала дыхание, отворачивалась. Сама она не пила совсем, даже от запаха мутило. В последнюю зиму в Руднике она однажды нашла бутылку водки, припрятанную матерью, и выпила почти всю – наверное, чтобы матери меньше осталось. Зойка и Катя сидели напротив и внимательно смотрели, когда сестра начнет петь или плакать. Потом у Юльки стал синеть лоб, и они помчались в контору за матерью. Юлька ничего этого уже не помнила, позже узнала, что была в реанимации в райцентре. Мать ночевала на кушетке в приемной, а вернувшись домой, бросила пить, как отрезала...

Илья всё болтала, раскачиваясь. На счастье, в конце аллеи появилась Света.

– Привет! – сказала Илья. – Тебя тоже... познакомлю...

– Чего она? – удивилась Света.

– Нарезалась. Подержи-ка ее. – Юлька зачерпнула горсть снега и принялась растирать физиономию Ильинской. Света, смеясь, крепко держала ее сзади за руки. – Вот так. – Юлька деловито вытерла ей лицо ее же шарфом. – Пошли.

Придерживая с двух сторон, они повели Ленку в училище. На вахте Света сразу подскочила к столу.

– Здрасьте, Ольга Ивановна, ой, Ольга Ивановна, тут ко мне прийти должны были – никто не приходил? Мальчик такой – ну, вы его знаете... – затараторила она, закрывая подруг спиной от вахтерши.

Юлька, подталкивая в спину, быстро провела Ильинскую к лестнице.

– А что ты, собственно, толкаешься? – уперлась вдруг та.

– Иди-иди!

– Нет, я спрашиваю, в чём дело? – надменно спросила Илья.

Юлька размахнулась и от души влепила ей звучный подзатыльник. Илья возражать не стала и скоренько пошла по лестнице, боязливо оглядываясь.

Света догнала их в холле интерната и нырнула в комнату воспитателя.

– Я распишусь за всех, Галина Николаевна? – Она придвинула к себе журнал увольнений.

Но провести тем же приемом воспитательницу не удалось. Она откинулась на стуле, глядя в коридор, отстранила Свету и встала.

– Эй... Ильинская! Это что за вынос тела? Азарова! Ну-ка, обе сюда!

Девчонки замерли. Галина Николаевна взяла Ильинскую за подбородок, морщась от перегара.

– Хороша-а, – протянула она. – Сколько выпила?

– Кр..жку пива... – с трудом выговорила Илья, глядя честными глазами.

– Хороша-а! – Галина Николаевна брезгливо, двумя пальцами ухватила ее за плечо и повела обратно по коридору. – Ну-ка, пойдём. В изоляторе проспишься.

– Она нечаянно, Галина Николаевна... она не хотела, так получилось... Мы ее тихо отведем, никто не заметит... Простите ее, Галина Николаевна... – уговаривали Света и Юлька, поспевая за ними с двух сторон.

– А ну, брысь в комнату! С вами я тоже поговорю! – Галина Николаевна повела дальше несчастную, протрезвевшую от ужаса Илью.

На ночь Ленку заперли в изолятор.

Ия, конечно, уже спала, как сурок. Раздеваясь, Юлька и Света вполголоса рассказали Нине, как по-крупному влипла Илья. Надо же было ей нарваться именно на Галину – та ее не любит и наверняка напишет докладную. А отчисляли из училища и за меньшие грехи: за курение, за опоздание с каникул и вовсе без видимых причин, чтобы освободить место блатным. Это помимо ежегодных отчислений за форму и неуспеваемость. За восемь лет курс сократился наполовину. Ленке до сих пор везло, хотя за свои приключения она раз десять могла вылететь из училища. Но теперь уж ей точно конец.

– Ну и отчислят. Ну и правильно сделают, – буркнула Нина. – Я плакать не буду.

– Не каркай, – оборвала ее Юлька.

– Подожди, а ты чего молчишь! – вдруг вспомнила, улыбнулась Света. – У тебя как?

– Никак. – Юлька легла и накрылась с головой, чтобы поскорее забыть несчастливый день.

* * *

На следующий день, наскоро переодевшись после занятий, старшекурсники торопились в холл, занимать места перед телевизором. В начале года Большой подарил своему училищу видак. Смотрели по десять раз то, что давали москвичи, иногда Галина Николаевна брала за свои деньги что-нибудь в прокате. А сегодня молодая секретарша принесла Свете давно обещанные «Белые ночи» с Барышниковым.

Мрачная Илья направлялась в учебную часть – получать, что причиталось.

– Ну что, Илья, «на ковер»? – сочувственно спросил Дёмин.

– Угу.

– Ни пуха!

– Да пошел ты... – Ленка скрылась в коридоре.

Дёмин шуганул с кресла малыша:

– Уступи дяде место! Молодец, вежливый мальчик. – Он развалился в

кресле, заняв место и Юльке. Следом мчались остальные – наперегонки, с визгом и хохотом, – сгоняли малышню, втискивались по двое и по трое, кого-то спихнули на пол. Опоздавшие рассаживались в ногах.

Последним неторопливо подошел Астахов.

– Хаким! – Он деловито оглядел сидящих. – Хаким здесь?

– Здесь я.

– Тебя к телефону. Межгород.

Хаким встал, и Астахов тотчас юркнул на его место.

– Э! Ты меня обманул, да? – Хаким вцепился в рукав его халата. – Хит-

рый очень, да?

– Свободен!

На экране появились титры.

– Ну, желей себя! – решительно сказал Хаким и разлегся у Астахова на коленях.

Подбежала запыхавшаяся Ильинская.

– Ну что, Илья?

– Ничего. – Ленка радостно развела руками. – Им не до меня там! Там

такое... Свет! Середа! Тебя к завучу!

В ответ раздался дружный хохот.

– Поновой чего придумай!

– Может, сразу к Григоровичу?

– Свет, завуч зовет, – сказала Ильинская.

– Зачем? – громче всех смеялась Света.

– Отчисляют тебя...

Смех разом оборвался.

– Глупые шутки, Илья, – сказала Юлька.

– Да не шучу я!

– Ты что?.. – Света, всё еще неуверенно улыбаясь, смотрела на Ильин-

скую. – За что? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Откуда я знаю!

В тишине под напряженными взглядами ребят Середа медленно под-
нилась. Ильинская устроилась на ее месте. Света с надеждой оглянулась
на нее, ожидая, что Ленка расколется, засмеется, и всё обернется злой
шуткой. Та не улыбнулась, и Света вышла.

– Илья, правда? За что?

– Чего пристали? – обозлилась Ильинская. – Меня послали передать –
и передала!

Юлька рассеянно глянула на экран. Там танцевал Барышников – за-
росший щетиной, с воспаленными глазами метался по тесной комнате,
ждал свидания, молил о любви девушку в белой тунике. А девушка-Смерть
то манила, то с холодной улыбкой отбрасывала его, как надоевшую вещь,
и всё ближе подталкивала к петле, к петле, к петле...

– Я... буду лечиться... – чуть слышно сказала Света. Она потерянно
сжалась в кресле перед столом завуча.

Завуч смотрела в окно, постукивая пальцами по столу. Наталья Сергеевна, подняв трубку, крутила диск телефона.

– Пойми, Света, – мягко сказал врач. – Это хронический процесс. Можно лечиться годами без всякого результата.

– Пусть операция!..

– Какая операция? Тебе новый сустав приделают? – Врач поднял со стола черный рентгеновский снимок. – Видишь, вот здесь темно? Идет нагноение. И дальше будет хуже... Да пойми, если ты будешь жить нормальной жизнью – даже лечиться не нужно, обострений не будет. Будешь танцевать – через год станешь инвалидом.

– Пускай!

– Что – пускай? Пускай – всю жизнь на костылях?

Света с надеждой посмотрела на Наталью Сергеевну. Та, досадливо морщась, нажала на рычаг и снова стала набирать номер.

– Не выгоняйте меня! Пожалуйста! – жалко крикнула Света. – Как я жить буду?!

– Только без истерики! – резко сказала завуч. – Будешь жить, как все живут! В общем, говорить здесь не о чем. Я звонила твоим родителям. В пятницу за тобой приедет отец.

Завуч открыла какой-то журнал. В кабинете стало тихо, только пощелкивал диск телефона. Света пусто смотрела перед собой.

– Иди к себе.

Света не шевельнулась, даже, кажется, не услышала.

Завуч переглянулась с врачом.

– Иди, Света, – мягко сказал врач, коснувшись ее руки. – Здесь уже ничего не поделаешь.

Света поднялась и, не взглянув на них, вышла. Наталья Сергеевна с силой опустила трубку на рычаг.

– Почему именно она... – сказала завуч. И то ли спросила, то ли добавила утвердительно: – «Жизель» отменяется. Опять «Тщетную» гонять будем...

– Кто сказал? – холодно вскинула брови Наталья Сергеевна.

– А кто танцевать будет?

Наталья Сергеевна не ответила.

– Два месяца до выпускного, – предостерегающе покачала головой завуч.

В кабинет заглянула секретарша, молча замахала врачу. Тот выбежал. В коридоре началась тихая возня.

– Я же всё понимаю, Наташа, – сказала завуч. – Первый выпуск – и сразу «Жизель»! Другие такой материал, – кивнула она на дверь, – годами ждут, а тебе с неба в руки свалилось... Но что ж теперь делать? Танцевать ведь никому! На нее ведь ставили... – Она со вздохом поднялась. – Себя пожалей! Ты что, первый год в балете? Провалишь «Жизель» – сожрут! И на костях попляшут! Все налетят, кто близко с тобой на сцене не стоял. Это в Большом ты была Наталья Карева, а здесь – молодой педагог...

Завуч неторопливо подошла к двери, приоткрыла. Врач и секретарша уже подняли Свету, усадили спиной к стене, врач тихонько шлепал ее по щекам, приводя в чувство.

Завуч вернулась к столу.

– В общем, твое дело, – добавила она себе. – А я считаю, рисковать не

надо. Прогоним «Тщетную» или «Коппелию». Чикваидзе станцует... – Она деловито придвинула к себе телефон. – Надо, чтоб присмотрели, пока отец приедет. Кто там с ней живет?..

Света неподвижно лежала на кровати, отвернувшись лицом к стене. Девчонки двигались по комнате осторожно, почти на цыпочках, разговаривали шепотом.

– Света... ты ужинать пойдешь? – наклонилась над ней Ия.

Юлька тронула ее за плечо: не надо.

– Принеси, – тихо сказала она.

– А ты?

– Не хочу.

Ия и Титова вышли. Тотчас в комнату заглянула Ильинская, громко зашептала:

– Арза, а тебя зачем вызывали? Не знаешь, кто вместо нее поедет?

Юлька стремительно вытолкнула ее в коридор, выскочила следом, прикрыв за собой дверь:

– Совсем спятила?

– А чего? – удивленно захлопала ресницами Ленка. – Ей-то уже всё равно.

– Слушай, Илья... – сквозь зубы сказала Юлька, глядя в ее кукольное личико, но только махнула рукой и ушла в комнату.

Села на кровать напротив Светланы, подперла голову кулаками...

* * *

Утром и на большой перемене, когда Юлька заглянула в интернат, Света так же безжизненно-неподвижно лежала лицом к стене.

Об отчислении уже знало всё училище, рядом с расписанием уроков висел приказ, подписанный директрисой. В раздевалках спорили, кто будет танцевать Лизу в «Тщетной» в выпускном спектакле – после Светы на курсе не осталось явной солистки, сразу несколько девчонок имели примерно равные возможности: Юлька, Ия, острохарактерная Чолпан, старательная, с прекрасными данными Ольга Сергиенко...

Класс и народный прошли как обычно, девчонки на средней палке сомкнулись, заполняя пустующее место. Педагоги будто не замечали отсутствия Середы.

Перед дуэтом в зал вместе с педагогом вошла Наталья Сергеевна.

– Середка отчислена по болезни, – спокойно объявила она.

Было так тихо, что отчетливо слышалась дробь каблучков в соседнем зале.

– Мирту танцует Азарова, – так же, без всякого выражения, продолжала Наталья Сергеевна.

По залу пронесся удивленный вздох. Юлька растерянно смотрела на невозмутимую педагогиню. Оглянулась на разинувших рот девчонок, еще не веря в реальность происходящего.

– В двойку виллис вместо Азаровой, – даже не взглянув на нее, продолжала Наталья Сергеевна, – Нефёдова...

Кто-то чуть слышно присвистнул. Нефёдова, дочка солистов Большого театра, была, в общем, неплохой – по крайней мере, не такой сволочной, как другие блатные – девчонкой, только абсолютно неспособной к балету.

Но по мере того, как курс сокращался после каждых экзаменов, она незаметно оказалась в первом составе, а теперь даже получила «двойку» – афишную партию. Она никак не отреагировала на слова Натальи – похоже, заранее знала весь расклад.

– На место Нефёдовой из резерва...

Нина Титова внимательно смотрела в пол, влажный, только что политый...

– ...Ильинская.

Ленка восторженно пискнула, даже подпрыгнула столбиком.

Нина не шевельнулась, только бессильно опустила плечи.

Наталья Сергеевна вышла. Педагог по дуэту, лысоватый, мощный, упер руки в пояс.

– Так, теперь слушаем сюда! Азарова работает с Дёминым. Астахов – с Нефёдовой.

Юлька, по-прежнему ничего не понимая, перешла к Дёмину. Значит, она полностью заняла место Светланы, даже лучший партнер в наследство достался.

– Так. Начали!

Поклон педагогу, поклон концертмейстеру...

«Здравствуй, Зойка-Зойчонок! Второй листок отдашь маме, а это – только для тебя. Больше мне и пожаловаться некому. Плохо мне, Зойчонок! Устаю, как собака. Никогда так не уставала. Раньше ждала каждого урока, теперь не дождусь, когда кончится. За ночь не успеваю отдохнуть, утром ноги, как ватные...»

Юлька работала всё с той же растерянной улыбкой. Отдыхающие у станка девчонки перешептывались, искоса поглядывая на нее.

«...Отчислили Свету Середу, самого близкого мне здесь человека. Какое-то дурацкое воспаление сустава. Это как под машину попасть – и глупо, и с каждым может случиться. Но почему именно с ней – самой лучшей, самой единственной? Теперь я репетирую Мирту. Сколько мечтала об этом, но не так, не вместо нее. Стыдно девчонкам в глаза смотреть...»

– Сто-оп! Астахов!

Все остановились, мальчишки вытирали мокрые от пота партнерш ладони.

– А чего я, тяжеловоз? – буркнул Астахов. – Отьелась, как корова...

– Ну, ты!.. – взвилась Нефёдова. Она действительно отъелась до безобразия, весила пятьдесят три кило, и после легкой Юльки работать с ней было непросто.

– Я же велел всем штангой заниматься!

– Я занимаюсь...

– Что у тебя с руками? – вполголоса сердито спросила Юлька, обращаясь к Дёмину. – Нормально держи!

– Я нормально держу.

– Я вижу, как ты занимаешься! Это что такое? – Педагог тряхнул Астахова за руку так, что тот едва устоял на ногах. – Это мужская рука? Это тряпка половая!

– Я же чувствую – не так! – раздраженно сказала Юлька.

– Штанга каждый день! Понял?

– Понял, – буркнул Астахов.

– Студент твой тебя как надо держит? – усмехнулся Дёмин.

Юлька вспыхнула, мгновенно развернулась и съездила ему по физиономии.

Вокруг остолбенели, кто-то выразительно присвистнул.

– Азарова! Это еще что?!

– Ах, негодяй! Вот тебе! Вот тебе! – Дёмин дурашливо шлепнул себя по рукам, по губам, по шее.

– Ничего. Всё в порядке, – спокойно ответила Юлька.

– Еще раз увижу – пулей отсюда вылетишь! Прима зеленая!.. Продолжаем! Внимание! Ильинская, на меня внимание, а не на Дёмина!..

«...А самое главное, Зойчонок, – я, кажется, влюбилась! Никогда не думала, что это может со мной случиться. И вот – встретила необыкновенного человека. Ты спросишь, чем он необыкновенный? Не знаю. Просто не такой, как наши... Хочется быть гордой – не получается. Легко быть гордой, когда у тебя никого нет. Уже поссорились, а я теперь каждый день часы до дыр просматриваю – неужели не придет больше?..»

Повторяли поддержки. Юлька легко толкнулась, Дёмин подхватил ее сзади за талию и поднял на вытянутых руках над головой. Еще никто ничего не заметил, а педагог вдруг заорал не своим голосом:

– Держать!!

Дёмин мучительно прогнулся, пытаясь удержать Юльку, но уже слишком далеко занес ее за спину. Юлька опрокинулась и полетела вниз головой, судорожно, как кошка, вывернулась в воздухе и упала на плечо, ударившись лицом в пол.

Девчонки запоздало взвизгнули. Дёмин кинулся было к Юльке, педагог оттолкнул его, повернул Юльку к себе, больно сдавил ей плечо, руку:

– Ключица на месте... Ничего страшного. – Он поднял ее под мышки, поставил на ноги. – Иди в медчасть. Продолжаем!..

Юлька, закрыв лицо руками, покачиваясь, вышла из зала. Боли она почти не чувствовала, только кружилась голова. В общем, она легко отделалась – срываясь с этой поддержки за спину партнеру, балерины ломали позвоночник.

Молодой веселый доктор, любитель пощупать девчонок под видом осмотра (чем те активно пользовались – потом, перед проверкой на форму, можно было уговорить его списать килограмм-полтора в личном деле), протер ей ссадину на скуле перекисью, поднял палец:

– Смотри сюда... сюда... Не тошнит?

Юлька помотала головой, следя за пальцем.

– У нас на кафедре онкологии был профессор Рабинович. Он говорил: «Вы пока не наш»... Гуляй! – Он повернул Юльку к двери и шлепнул по заднице. – Кости целы, остальное заживет.

Но Юльке было не до шуток, глаз быстро заплывал синевой. В кабинете химии она просидела весь урок, прижавшись скулой к холодному никелированному крану, торчащему из стола.

Одноклассники, как обычно, дремали, шили или валяли дурака. Ильинская от безделья терроризировала соседку, тихую кудрявую Ольгу Сергиенко.

– Вот смотрю я на тебя, Олька, и думаю, – подперев пятерней щеку, рассуждала Илья, – как это с тебя мужики не соскальзывают?

Ольга имела идеальный балетный верх – у нее вообще не было груди, даже намека, над чем каждый день хохмили девчонки в раздевалке. Ее шпыняли, тискали, щипали все, кому не лень, и ребята и девчонки, а безответная Ольга только хлопала длинными ресницами и жалобно тянула: «Ну от-ста-аньте от меня, пожа-а-луйста...» Педагоги мордовали ее больше остальных, Наталью она своей тупой рабской покорностью доводила до бешенства.

– Какая ты мягкая, Олька... – Илья, паскудно улыбаясь, запустила руку под стол. – Давай с тобой спать?

– Ну отста-ань, Лен...

– Ведь надоели мужики, правда? Ну их к свиньям!

– Ну, Ле-ен...

Нина сидела одна – место Середы было свободно – и сосредоточенно смотрела на крепко сцепленные на столе пальцы. Потом вдруг встала и пошла из класса.

– Титова... – растерялась прерванная на полуслове химичка. – Десять минут до конца урока!

Нина молча вышла.

Перед дверью учебной части она постояла немного, опустив голову, собираясь с силами. Глубоко вздохнула, решительно постучала и открыла дверь. В кабинете, кроме завуча и Натальи Сергеевны, сидели несколько педагогов.

– В чём дело? – спросила завуч недовольно, отрываясь от расписания на следующую неделю.

Отступить было поздно.

– Наталья Сергеевна, – четко сказала Нина, глядя той прямо в лицо. – Меня отчислят?

В кабинете стало тихо. Педагоги удивленно обернулись, брови Натальи Сергеевны поползли вверх. Завуч покачала головой. Секретарша сжалась за машинкой в ожидании грозы.

– Я... – Голос Нины предательски дрогнул. – Я не могу так... как приговоренная...

Лицо Натальи Сергеевны чуть смягчилось.

– Даже если мы допустим тебя до экзаменов – ты получишь двойку за форму, – сказала она. – В конце концов, в каждой профессии есть свои условия. Профессиональная пригодность... Балет – не только техника, это создание образа – это тебе не нужно объяснять? – Она, не вставая, взяла с полки личное дело и показала Нине ее снимок на клеточках – черный силуэт без лица. – Полюбуйся! Какой образ ты можешь создать с такой формой? С такими формами!.. Доярки Дуни?... В общем, два месяца у тебя. Если не войдешь в форму... – Она выразительно развела руками.

– Спасибо... Извините... – Нина тихо вышла.

– Совсем обнаглела, – сказала завуч.

– Какая форма! – усмехнулась народница. – Порода! Я ее мать видела – такая же корова.

– А поступала... – Кто-то показал мизинец. – Ветер ее носил. Покупаем kota в мешке... Помните Петрову? В пятом классе метр девяносто, а родители нормальные.

– Петрова в баскетбол играет за сборную, по телевизору видел, – сказал педагог по дуэту.

– Раньше надо было отчислять, – сказала Наталья Сергеевна. – Только время теряли.

– А прыжок был – дай бог! – с сожалением сказала народница.

– Так. Наталья Сергеевна, значит, во вторник дополнительно два часа, – вернулась завуч к расписанию.

Нина, обмякшая, подавленная, брела по коридору. Неожиданно открылась директорская дверь, вышла директриса и представительная дама в колье под небрежно распахнутой норковой шубой. За дверью виден был огромный кабинет с картинами на стенах, бронзовыми статуэтками на массивном столе.

Движение в коридоре тотчас прекратилось, все замерли, обернувшись к директрисе, почтительно наклоня головы.

– Здравствуйте... здравс...с-с-с... – негромко полетело вдаль по коридору.

Директриса под руку с гостьей прошли мимо отступившей к стене Нины, глядя куда-то вверх голов.

Нина вдруг вспомнила «Капитанскую дочку» – как Маша поехала в Петербург бросаться в ноги императрице. Просто им жилось тогда, с царями. Ей самой не так страшно было шагнуть с двадцатого этажа, как навстречу директрисе...

С того момента, как Наталья объявила новое распределение, Юлька почувствовала, что между нею и девчонками возникло непонятное отчуждение. Девчонки будто заново присматривались к ней. Еще вчера, грохнувшись она так с поддержки, замучили бы ахами и охами, а сегодня никто не подошел. На ужине в столовой Чолпан шутовски распахнула перед ней дверь: «Наша прима!» Вроде бы шутка, но с такой неприязнью...

Юлька задолго до отбоя ушла в комнату, но здесь было, как на кладбище: Света по-прежнему не вставала, на тумбочке рядом с ее талисманом – большим музыкальным ванькой-встанькой – остывал принесенный ужин, Нина, вернувшись после уроков, швырнула одежду на стул и упала лицом в подушку, Ия, как обычно, заснула, едва добравшись до кровати. Юлька тоже легла. Ворочалась под одеялом, слышала, как выгоняет Галина Николаевна мальчишек на свое крыло. Потом голоса и шум стихли...

Стукнула оконная рама, Юлька подняла голову, охнула, увидев темный силуэт за окном.

– Ну, ты у меня... – Она решительно привстала и вдруг узнала в темноте Дёмина. – Генка? Ты куда?

– К тебе. – Тот бесшумно спрыгнул с подоконника.

– У тебя что, крыша поехала? А ну, вали отсюда! – шепотом сказала она.

– Да не бойся. Я не это... – Дёмин присел на край кровати. – Чёрт, замерз... Холодно там... – Он дрожал всем телом, обняв себя за плечи.

Юлька отодвинулась и села, завернувшись в одеяло.

– Чего тебе? – сердито спросила она.

– Сейчас... Погоди... – Он всё не мог согреться, зябко ежил. – Ты извини, Юль. Я не нарочно, честное слово. Понимаешь, за спину закинул...

– Ты для этого приперся?

– Нет. Не для этого. – Генка опустил голову, помолчал. – Понимаешь, Юль, я объяснить хотел...

– Днем ты не мог? – обозлилась Юлька. – А если Галина придет?

– Да когда днем?.. Понимаешь, Юль, я хочу сказать... Это не случайно сегодня. Я же работать не мог... Понимаешь, я... в общем... – Он наконец решил: – Я тебя люблю, Юль...

– Всё? – насмешливо спросила Юлька. – Ну, иди.

Генка покорно встал и двинулся к окну.

– Подожди... Сядь. – Юлька удивленно, недоверчиво заглянула ему в лицо. – Ты что, Ген... серьезно?

Генка молчал.

– Давно? – упавшим голосом спросила Юлька. Она еще надеялась, что все это очередная Дёминская хохма.

– Давно. Еще с пятого класса.

Юлька растерянно засмеялась.

– Смешно, да? – спросил Дёмин.

– Да нет... что ты... Извини... – Юлька хотела что-то сказать, не нашла что, снова засмеялась, торопливо прикусила палец. Ей никогда еще не объяснялись в любви, она не знала, как это должно происходить, но, наверное, не так неожиданно и глупо. – Я тоже тебя очень люблю, Ген. Подружески... Бред какой-то. – Юлька совсем растерялась. – Всё не как у людей...

Ия вдруг со вскриком поднялась на кровати и в ужасе уставилась на Середу.

– Она не дышит! Она не дышит!

Юлька вскочила, Титова сбросила одеяло и подбежала, Ия встала на колени, перегнувшись через спинку своей кровати. Они склонились над Середой, прислушиваясь.

– Слышишь?..

– Нет... А ты?

– Не пойму...

– Толкни ее.

– Сама толкни.

– Я боюсь...

Юлька осторожно тронула подругу за плечо, с замершим сердцем ожидая, что безжизненное тело легко поддастся под рукой.

– Света...

Светлана равнодушно глянула на подруг и снова отвернулась к стене.

– Чего ты орешь! – напустилась Юлька на Ию.

– Мне показалось, она не дышит...

– Жрать надо меньше на ночь, дура! – крикнула Нина. – Казаться не будет! – Она легла и накрылась одеялом с головой.

– Между прочим, я совсем не ужинала, – оскорбленно сказала Ия. Она вдруг заметила в темноте Дёмина. – Ой! – Нырнула под одеяло. – А вы чего там делаете?

– Ничего. Спи! – прикрикнула Юлька.

Ия послушно положила голову на подушку и тотчас уснула.

– Понимаешь, Ген, – чуть слышно зашептала Юлька. – Мы восемь лет вместе. Каждый день. Я за всю жизнь сестер меньше видела, чем тебя. Ты мне как брат. Я люблю тебя как брата. А по-другому... Я даже представить себе не могу. Ты извини... – Она потерянно замолкла.

– Что же мне делать, Юль? – тоскливо спросил Дёмин.

– Не знаю...

– А потом?.. Когда-нибудь?..

– Не знаю...

Они сидели рядом, глядя на светлые лунные квадраты на полу.

– А я знаю, – вдруг весело сказал Дёмин. – Я ведь у тебя не был. Всё по-прежнему. – Он вскочил с кровати и попятился к окну, гипнотически поводя руками: – Я тебе приснился... приснился... приснился...

Он запрыгнул на подоконник. Неожиданно качнулся, взмахнул руками... Юлька бросилась к нему – схватить, удержать. Дёмин тотчас обнял ее, уткнувшись носом в макушку. Она замерла, боясь шевельнуться, чтобы не столкнуться его вниз.

– Не надо, Ген, – тихо сказала она.

Дёмин отпустил ее, усмехнулся:

– Спокойной ночи, сестричка. – И быстро, рискованно пошел по заснеженному карнизу.

Юлька следила за ним, пока Генка не исчез в своем окне. Снова забралась в постель.

Ее слегка знобило – наверное, выстудило комнату. А может, слишком много событий было для одного дня. Раньше, если и случалось что-то из ряда вон, то было достаточно времени вспомнить, подумать, разобраться. И вдруг всё понеслось кувырком.

Только этой любви еще не хватало! Как теперь вместе работать? Света со своим предыдущим партнером, влюбленным в нее по уши здоровенным прыщавым малым, на всякий случай закрутила роман, старательно улыбалась, даже целовалась на лестнице. «Ну и что? Зато знаю, что сам упадет, но не бросит».

Завтра Юлька встретится с Дёминым, и они сделают вид, что ничего не было. И послезавтра, и еще два месяца они будут вместе каждый день, с утра до вечера, – и не разбежаться по сторонам, и не помочь как-то друг другу... И на каждой поддержке недоверчиво прислушиваться к рукам партнера...

Юлька подумала, что уже наверняка не сумеет заснуть этой ночью, – и через минуту спала.

Лунные квадраты, меняя форму, вытягиваясь, медленно плыли по комнате, добрались до Юлькиной постели. Она спала, подложив ладонь под щеку. Глубокие тени скрыли разбитую скулу. Юлька была удивительно красива сейчас, с почти прозрачным в лунном свете лицом.

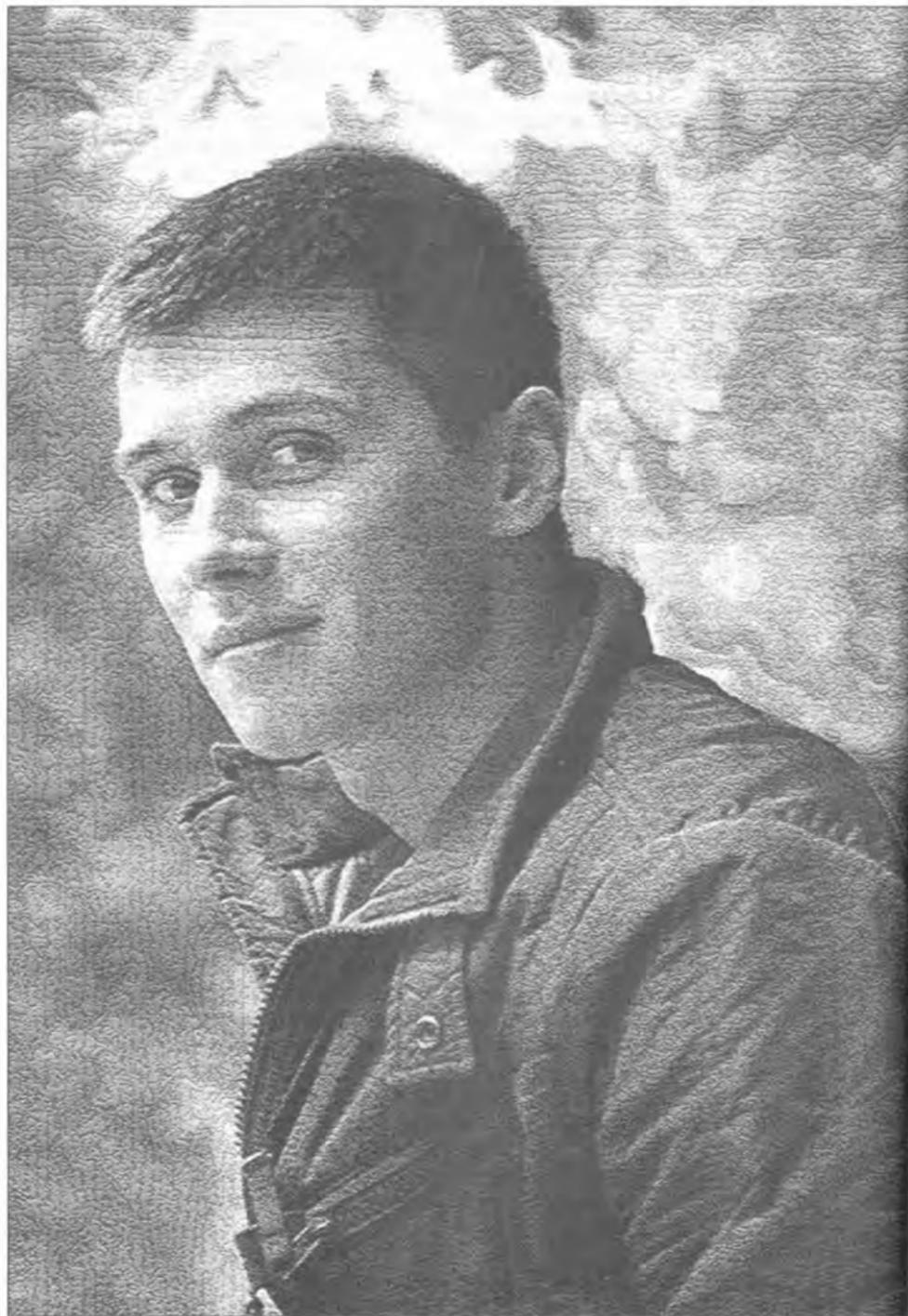
Под одеялом угадывалось узкое, гибкое, детское еще тело. Сбившийся край одеяла обнажил тонкие лодыжки и грубые, изуродованные ступни, окостеневшие от мозолей, местами покрытые запекшейся коркой сукровицы и стрептоцида. Время от времени Юлька вздрагивала во сне и судорожно тянула носок, выгибая крутой подъем.

Света безучастно смотрела в темноту широко открытыми глазами.

Нина тихо плакала, уткнувшись в подушку.

* * *

Игорь появился именно в тот день, когда Юлька про себя твердо решила больше не ждать.

У Юльки чуть сердце не выпрыгнуло от радости, когда в интернат причалась запыхавшаяся первоклассница с известием, что к «Азаговой мальчик пгишел». Однако она не побежала тут же вниз, а не спеша переоделась в комнате, полистала учебник, выдерживая характер, и только потом неторопливо, с достоинством спустилась в вестибюль.

Царственно глянула по сторонам. Еще раз огляделась, уже с тревогой – Игоря не было.

– Ушел, – сказала Ольга Ивановна. – Сколько ж тебя ждать?

– Давно?

– Да только что.

Юлька вылетела на крыльцо, растерянно озираясь, не зная, куда бежать – в какую сторону он мог пойти и далеко ли ушел...

– Привет.

Юлька обернулась – Игорь стоял сзади, привалившись спиной к стене, и с интересом наблюдал за ней. Юлька покраснела и опустила глаза, с досадой сжимая губы.

– Мириться будем? – улыбаясь, спросил Игорь.

– Нет! – упрямо ответила она.

– Куда мы идем? – сварливо спросила Юлька, когда они миновали Крымский мост. Игорь быстро шагал впереди, Юлька с недовольным видом плелась сзади. Время от времени Игорь поддегивал ее за руку, перебегая улицу.

– Как куда? – удивился он. – В загс! У предков отметились, пора оформлять отношения. Паспорт взяла?

– Нет.

– Как нет?! – схватился за голову Игорь. – Ну вот! Так гибнут прекрасные порывы. Всё, жизнь не сложилась, сердце разбито – меняем программу! Тогда загс в другой раз, а пока – свадебное фото! – Он указал на огоороженный пятачок перед воротами Парка культуры.

Здесь теснились огромные, в человеческий рост, куклы: Волк и Заяц, Винни-Пух, Гном, Обезьяна на пальме. Бородатый фотограф снимал дорогой камерой двух близнецов в обнимку с Гномом, родители ждали за кадром. Рядом на мольберте висели рекламные снимки.

– Вот! – Игорь взял один, показал Юлке. – Весомо, грубо, зримо! Искусство должно нести радость народу. А не кучке хилых балетоманов... Уважаемые москвичи и гости столицы! – заорал он. – Цветное фото на фоне памятника архитектуры сталинского периода! Память на всю жизнь! Из настоящего – в будущее!

– Да хватит орать, клиентов распугаешь, – сказал фотограф, подходя и пожимая ему руку. Достал из «дипломата» видеокассеты, отдал Игорю, тот вытащил из сумки другие. – Последний Блиер. Вторая копия, но посмотреть стоит. Остальное развлекуха... У тебя что?

– «Город женщин»...

– Забирай сразу, я Феллини всего на экране смотрел,

– Это Рассел... Лилиана Кавани... Тут бельмондятина какая-то...

– Паркер не появлялся?

– Нет пока. Появится – свистну... Это Юля, – сказал Игорь, когда быстрый, привычный обмен кассетами закончился. – Юля – балерина.

Фотограф кивнул, глядя на молодых родителей с малышом, который со слезами рвался к Винни-Пуху.

– Увековечишь, мастер? – спросил Игорь.
– Сейчас, подожди. – Фотограф направился к клиентам.
– Фото свадебного кортежа. – Игорь взгромоздился на фанерный автомобиль, покрутил руль. – Потом, – он простер руку в сторону парка, – мороженое, пирожное, качели, карусели, кегельбан...

– У меня увольнение на два часа, – сказала Юлька.
– Как два часа? – насторожился Игорь. – Погоди, какое увольнение? Вас что, просто так в город не выпускают?

Юлька покачала головой.
– Идиотизм какой-то... – растерялся Игорь. – А если опоздаешь?
– Замечание.
– И что дальше?
– Три замечания – выгоняют.
– Кадетский корпус... Так, жизнь не складывается – меняем программу!
– Игорь схватил Юльку за руку и побежал, машина свободному такси.
– Эй! – развел руками вслед фотографу. – А увековечить?
– Халтурщик! – закричал на бегу Игорь. – Ты променял свой талант на деньги! Ты потакаешь низменным вкусам! Мы – за высокое искусство!
– Куда? – упиралась Юлька.
– Там хорошо. – Игорь почти насильно запихнул ее в такси. – Вперед, шеф! На Патриаршие!..

В старом доме у Патриарших прудов с обвалившейся лепниной и вензелем владельца на фасаде они поднялись на второй этаж. Двери здесь, видимо, никогда не запирались. Игорь втащил Юльку в прихожую, заваленную куртками, шубами, дубленками, и повел по огромной, запутанной, как лабиринт, коммуналке. Всюду были толпы пестрого народа, в вечерних туалетах и затрапезных свитерах вперемешку, откуда-то слышалась английская речь, кругом лежали холсты, стояли подрамники и гипсовые головы.

– Жильцов выперли... Привет! Женька тут?... Ремонт, под какую-то контору, а его леваки заняли. Такой вертеп советского авангарда... – объяснял на ходу Игорь, одновременно с кем-то здороваясь, кивая, пожимая руки. – «Бубновый валет» такой... Здорово! Женька здесь?... Весь дом... Менты их штурмовали – ничего не могут сделать... Женьку не видел?..

У Юльки уже кружилась голова в этом водовороте.

Они наконец очутились в большой проходной зале, обставленной старой мебелью, где в креслах, на диване и прямо на полу сидели люди, пили вино, говорили все разом, нисколько не мешая друг другу. С Игорем поздоровались, но особого внимания на них с Юлькой никто не обратил, видно было, что свои люди здесь приходят и уходят, когда посчитают нужным.

– А-а! – истошно завопил вдруг долговязый стриженный парень. – Звезда советского балета! – Тянуться было далеко, он залез коленями на журнальный столик и громко чмокнул ее в щеку.

– Это Валерка. Вы уже знакомы, – усмехнулся Игорь, отталкивая его.

– А где моя Лена? – спросил Валерка.

– Дома. То есть в интернате, – ответила Юлька.

– В следующий раз приходи с Леной.

Игорь усадил ее в продавленное кресло, сам сел на подлокотник. Им налили два стакана вина.

– Я не буду, – сказала Юлька.

– Ты действительно балерина? – спросил парень, сидящий на полу у стены в обнимку с гитарой.

– Учусь еще.

– Ноги специально выворачиваете? – спросил парень с гитарой. – Знак касты?

Юлька сидела, привычно развалив колени под широким шерстяным платьем и разведя носки в стороны. Она покраснела и сжала колени.

– Вам удобно вот так? – сердито спросила она, скосив носки вовнутрь.

А мне неудобно, как вы. Суставы же развернуты.

– «Ах, эти ножки, ножки, ножки балерин, – негромко запел тот, подыгрывая на гитаре, – без вас бы я не смог прожить и день один...»

– А что, вам пить нельзя? – спросил другой.

– Просто не люблю.

– «...Ах, если бы я только, братцы, мог – я жизнь бы положил у этих ног!»

Парень с гитарой неожиданно перешел на мелодию «маленьких лебедей».

– А правда, все балетные мужики – педики? – спросил другой.

– Все! Отстань! – торопливо сказал Игорь на секунду раньше, чем Юлька собралась ответить. – Женька, покажи, что еще натворил?

Женька, длинноволосый парень со смуглым, резким лицом, встал и направился в смежную комнату. Игорь повел Юльку следом.

В комнате-мастерской, где на всей небогатой мебели – стульях, столе, чайнике – пестрели следы засохшей краски, Женька, не выпуская сигарету изо рта, порылся в сваленных у стены холстах, выудил один, поставил на подрамник. Подождал, пока Юлька с Игорем оценят, поставил другой, третий.

Юлька осторожно склонила голову, пытаясь разобраться, где верх, где низ.

– Как?

Юлька неопределенно пожала плечами.

– Не нравится?

Юлька помедлила и решительно покачала головой.

– Почему?

– Непонятно.

– А что здесь понимать? Настроение... Вечер... Сумерки... А ты считаешь, всё должно быть понятно, как «летайте самолетами Аэрофлота»?

– Но вы же это рисовали для кого-то?

– Конечно, – улыбнулся Женька. – Для себя, любимого.

Для себя – это не искусство, это самодеятельность, – заученно сказала Юлька.

– Да? – Женька почесал нос и глянул на Игоря. Тот не вмешивался в разговор и ухмылялся. – А-а... что такое искусство?

– Это десять процентов способностей и девяносто процентов работы, упрямо сказала Юлька.

– Ну вот, уже и проценты пошли, – засмеялся Женька. – Это не искусство, это плановое хозяйство. Если бы я знал, что мне надо завтра встать к мольберту и отработать столько-то часов, я бы удавился... Понимаешь, это совдеповская идея – искусство для кого-то. Насильно осчастливить народ. А у меня нет мании величия, слава богу. Нравится кому-то – хорошо, не нравится – это дела не меняет...

Он говорил с тем терпеливым, доброжелательным участием, с кото-

рым объясняют ребенку очевидные вещи – например, почему днем светло, а ночью темно.

– Я в Бразилии был на карнавале: люди с утра до вечера танцевали на улице. Для себя. Вот это и есть искусство. А от звонка до звонка – это служба. Я не прав?

Юлька молчала.

– Ну вот я получаю удовольствие от того, что я делаю. А ты?.. Не от результата – на сцене, перед зрителем, – а от работы?..

Юлька по-прежнему молчала. Она никогда не думала, получает ли она удовольствие, пересиливая каждый день чугунную усталость под гестаповским взглядом Натальи.

– Значит, не нравится? – весело спросил Женька.

– Нет, – угрюмо сказала она.

– Ну, что ж делать...

Женька взял аэрозоль с краской и наискось перечеркнул картину жирной белой полосой.

– Зачем? – вскрикнула Юлька.

– Другую напишу. – Женька засмеялся, хлопнул Игоря по плечу и ушел в залу.

– У него картины в галереях по всему миру, – сказал Игорь. – В Штаты приглашали работать – мастерская, машина, квартира – не поехал. Живет как хочет... Пойдем, покажу шикарную картину. – Он потащил Юльку к дальний конец коридора. – Главное – абсолютно понятная. Называется «Вечерний город». Гениально! Ты такого еще не видела!

Они вошли в темную комнату. Юлька обернулась, ища выключатель.

– Ее без света надо смотреть. Иди сюда... Вот! – Игорь подвел ее к окну.

– Где?

– Да вот же! – Игорь указал на окно, за которым светились фонари в голых ветвях и разноцветные гирлянды над замерзшим прудом, скользили на коньках по льду Патриарших люди. – Вечерний город. Правда, здорово?

– Знаешь что... – Юлька повернулась идти, но Игорь удержал ее и обнял.

Юлька тотчас уперла ему в грудь острый кулак.

– Между прочим, нас каратэ учили!

– Только не надо меня бить, ладно? – улыбнулся Игорь.

Юлька беспомощно отвела лицо.

– Тебе только это от меня надо?

– Нет, почему же? – абсолютно серьезно сказал Игорь. – Меня интересует твой богатый внутренний мир...

В глубине комнаты засмеялись. На диване лежала парочка и с любопытством наблюдала за ними.

Юлька оттолкнула Игоря и выбежала.

– Вы закрывались бы, что ли! – в сердцах сказал Игорь.

Он догнал Юльку в коридоре:

– Подожди... – Толкнулся в одну комнату – заперто, в другую – шум и смех.

Навстречу им попался Валерка, он поманил Игоря в сторону, что-то сказал вполголоса, указывая в другой конец коридора.

Игорь в ответ покрутил пальцем у виска.

– О тебе же забочусь, – обиделся тот, – Там диван есть. Заодно и помыться можно.

Игорь досадливо оглянулся – не слышит ли Юлька – и что-то тихо, но резко ответил.

Валерка пожал плечами.

– Да брось ты из нее мадонну делать, – расслышала Юлька. – Их мужики каждый день лапают с десяти лет...

Юлька вспыхнула и бросилась вон из квартиры. Игорь догнал ее уже за дверью.

– Слушай, ты всегда уходишь по-английски?

– Пусти!

– Ну что опять случилось? Человек неудачно пошутил. У него с чувством юмора туго. Тяжелое детство...

Юлька молча вырвалась и пошла вниз по лестнице.

Вечером, когда Юлька сидела на кровати и угрюмо смотрела в учебник, в комнату вошла Галина Николаевна. Следом втянулись несколько девочек, остальные столпились у дверей. Юлька, Ия и Нина разом вскинули головы к воспитательнице и тоже зачем-то встали, глядя на Свету.

Середа всё так же неподвижно лежала лицом к стене. Галина Николаевна склонилась над ней.

– Света... – позвала она негромко. – Света, за тобой приехали.

Середа поднялась на руках и села. Лицо ее, потемневшее, с глубоко запавшими глазами, было совершенно спокойно, будто потеряло способность выражать хоть какое-то живое чувство. Она равнодушно оглядела подруг, воспитательницу, чуть свела брови, пытаясь понять, чего от нее ждут, что надо делать. Потом встала, вынула из шкафа большую спортивную сумку и принялась складывать в нее вещи.

В гробовой тишине раздавались только ее шаги и странный, едва слышимый высокий звук: все девочки молча плакали. Под этот бесконечно тянущийся на одной ноте плач Света медленно двигалась между замерших, будто окаменевших девочек, аккуратно складывала блузки, свитер, халат, юбку. Хитон оставила на плечиках в шкафу, попавшиеся под руку пуанты, не глядя, уронила на пол. Последний раз огляделась в комнате – не забыто ли что, взяла с тумбочки ваньку-встаньку.

– До свидания, Света, – сказала Галина Николаевна.

Середа обернулась на голос, пусто посмотрела на воспитательницу и пошла по коридору. В тишине тилибомкал на каждом шагу ванька-встанька у нее в руках.

Подруги двинулись следом. Вдоль всего коридора стояли, с жадным любопытством глядя на процессию, младшие девочки.

В вестибюле Светин отец – растерянный, виновато улыбающийся маленький человек – суетливо подхватил сумку. За стеклянной дверью у крыльца светились красные стоп-сигналы такси.

Середа по очереди обнялась и расцеловалась с одноклассницами, равнодушно глядя за спину им неживыми глазами, повернулась и вышла за отцом.

Подруги высыпали на крыльцо, кто-то махнул рукой, но Света, не оглянувшись, села в машину, и такси тронулось.

– Чего ревете, дуры! – вдруг зло сказала сквозь слёзы Ильинская. – Завидовать надо! Как нормальный человек жить будет!

Девчонки постояли еще на крыльце, зябко обняв себя за плечи, вытерли слёзы и вернулись в интернат – за учебники, к телевизору, в музыкальные классы...

Только Нина не могла успокоиться, лежала на кровати, подтянув колени к груди, уткнувшись в подушку, всхлипывала уже без слёз.

В комнату заглянула Ольга Сергиенко, виновато сказала, глядя в сторону:

– Понимаешь, Юль... это... балетки порвала совсем. И денег нет... – Как доказательство, она держала в руках рваные балетки. – Мы со Светкой одного размера... Ты только не подумай...

Юлька молча сунула ей Светины туфли и закрыла дверь. Присела рядом с Ниной.

– Ну что ты, Нин... Не надо...

– Я следующая... – с трудом выговорила Нина. – Я следующая буду...

– Что ты! – Юлька погладила ее по голове. – Никто тебя не выгонит. С чего ты взяла?

– Разве это справедливо... – всхлипывала Нина. – Почему всё так несправедливо?.. Разве она виновата?..

– Конечно, не виновата. Никто не виноват... Ты попробуй заснуть, давай я тебя накрою, – уговаривала Юлька, гладила ее, пыталась убаюкать.

– Разве я виновата, что я такая? Я в сто раз лучше тебя танцую!..

– Конечно, лучше.

– У меня прыжок лучший в училище!

– Конечно, лучший, все знают, – торопливо соглашалась Юлька.

– Разве я виновата? – У Титовой начиналась истерика. – А кто виноват?!

Кто-то должен быть виноват! Ненавижу! Ненавижу! – Она замолотила кулаками по бедрам, по животу, по груди. – Ненавижу этот мешок!

– Не надо, Нин, перестань, не надо. – Юлька поймала ее руки, навалилась всем телом, крепко сжав запястья, зашептала на ухо: – Всё будет хорошо... Вот увидишь... Честное слово, я обещаю... Ты похудеешь, все будет хорошо...

Титова наконец обмякла и расплакалась, уткнувшись ей в колени, как ребенок.

* * *

К выпускному спектаклю заказали новые костюмы – Наталья пробила со своими связями, обычно же училищу доставались обноски Большого. Еще недавно Юлька ездила со Светой на последнюю примерку, и вот теперь, когда привезли из мастерской готовые костюмы – белоснежные, даже пахнущие снегом, – Светы уже не было, а ее костюм наскоро ушили на Ильинскую...

«...Как глупо, Зойчонок, как несправедливо всё в этой жизни! Уехала Света... В восемнадцать лет – снова в десятый класс, потому что с нашей программой для дебилов в нормальной школе даже аттестат не получишь. Она могла стать первой балериной России, выступать на самых знаменитых сценах мира, а кем она будет там – второгодницей? Самое страшное, что она даже не плакала, – всё равно. Можно выходить замуж, рожать детей, учиться, работать где-то кем-то – всё равно. Девчонки присматривали за ней, спрятали все бритвы и таблетки, а я сразу поняла, что

ничего не случится – для того, чтобы покончить с собой, надо захотеть умереть, а ей было всё равно: жить дальше или нет...»

Юлька медленно, вяло одевалась в шумной примерке учебного театра, натягивала холодный атласный трэсс с маленькими крылышками на спине, длинную шопеновскую пачку. Огляделась – Ийки рядом не было – и сама, неловко вывернув руки за спину, стала застегивать костюм. Просить никого не хотелось. Отношения с девчонками окончательно испортились, ве будто вытолкнули из круга. Поначалу Юлька пыталась вести себя как ни в чём не бывало, но стоило ей подойти к девчонкам, как разговор затихал, девчонки подчеркнуто-нетерпеливо ждали, когда она отойдет. В классе перед контрольной могли долго и нудно искать лишнюю ручку, выпрашивать у кого-то, хотя на столе перед Юлькой лежали три. Однажды перед репетицией у Юльки пропал пакет с пуантами. Потом нашелся в старых декорациях за сценой, но Юльке влетело от Натальи за опоздание.

Говорят, раньше в училище подкладывали лезвие в пуанты. Встанешь на пальцы, подошва выгибается и – прощай, балет...

Свете никто никогда не завидовал, она была слишком высоко. А Юлька – одна из многих, выскочка.

В конце концов Юлька начала злиться, огрызаться на девок. Она-то чем виновата? Она не напрашивалась и сама до сих пор не понимала, почему Наталья выбрала именно ее. И пахала она теперь вдвое больше остальных, еле ковыляла после репетиции, всё свободное время лежала, закинув гудящие ноги на спинку кровати. Не успевала читать, шить, стирать, даже помыться иногда не хватало сил. Не успевала учить уроки, но учителя, даже если изредка и вызывали ее к доске, тут же, не слушая, ставили пятерку под понимающие, неприязненные усмешки девчонок.

Оказавшись на месте Светы, Юлька всё больше удивлялась ей: та и после двух репетиций кряду, осунувшаяся, улыбалась так же безоблачно, как всегда...

– Азарова! Это балет, а не трудовая повинность! Ты же актриса, чёрт тебя возьми! Лучше наври, но улыбнись! – крикнул балетмейстер.

Юлька вяло кивнула, прикидывая, сколько осталось до конца репетиции – полчаса? Минут сорок? Господи, продержаться бы, не упасть прямо здесь, на сцене.

– Еще раз! Начали!

Репетировали расправу виллис с Гансом. Ганс-Астахов, безответный воздыхатель Жизели, пришел ночью на кладбище положить цветы на могилу любимой. Виллисы белой невесомой стаей, будто с дуновением ветра вылетали на сцену, кружили его в смертельном танце. Ганс бросался к ногам Мирты, моля о пощаде. Юлька надменно отворачивалась, и снова его подхватывали, передавая друг другу, жестокие нежные руки виллис, и снова Ганс полз на коленях к Мирте. И тогда Юлька с холодной улыбкой одним властным жестом объявляла приговор: смерть.

«...Игорь сказал недавно – я слово в слово записала в дневнике: "Вас обманули. Вас заперли в четырех зеркальных стенах, и вы думаете, что балет – это весь мир, что человечество делится на тех, кто на сцене, и тех, кто в зале..."»

Сил нет. Работаю по инерции, сама не понимаю, что делаю и зачем...»

– Стоп! – Балетмейстер устало вздохнул. – Это не балет! Это... художественная гимнастика! – придумал он наконец самое страшное ругательство, отвернулся и ушел к краю сцены.

Все молча ждали на своих местах, расслабившись, пользуясь передышкой.

Балетмейстер прошелся по авансцене. Махнул Астахову, чтобы тот оставил его с девчонками.

– Анна Павлова: «Балет – это...» – требовательно начал он.

– «...не техника, это душа», – вразнобой закончили девчонки.

– Так где у вас душа? Одни мускулы! Не сломать бы линию, да прыжок не смазать!.. Свет! – вдруг крикнул он, обернувшись к световому пульту. – Свет ко второму акту!

Прожектора погасли, затем включился свет второго акта «Жизели» – мертво-голубое лунное сияние. Белые костюмы девчонок вспыхнули в полутьме холодным фосфорическим светом, на безжизненно-голубых лицах легли глубокие синие тени.

– Это древняя легенда. Вы – виллисы. Невесты, не дожившие до своей свадьбы. До своего счастья... – Балетмейстер медленно двигался между замерших девчонок. – В этих белых свадебных платьях вас опустили в могилы... Жизнь где-то там, наверху, там кто-то смеется, кто-то плачет, кто-то любит, а вы лежите в тесных сырых гробах под землей... Земля давит... Ночью виллисы встают из могил и убивают одиноких путников. Всех. Без пощады. Но только мужчин!.. Вы когда-нибудь думали – как виллисы их убивают?

– Кружат в смертельном танце, – сказала Ййка.

– Первоклассникам расскажешь, – отмахнулся балетмейстер.

Кто-то неуверенно засмеялся.

– Совершенно верно, – поднял палец балетмейстер. – Получить хотя бы подобие любви, которой вы, невесты, не успели насладиться там, наверху... А ты, Мирта, – обернулся он к Юльке, – ты поднимаешь виллис на эти смертные игрища, и ты обрекаешь путников на смерть. За что?

Юлька пожала плечами.

– Подумай, какое чувство так же сладко, как любовь? И так же, как любовь, способно смести любые преграды?

Балетмейстер близко наклонился к ее лицу. Он был похож на злого колдуна – с длинными прядями седых волос, узко и глубоко посаженными глазами.

– Это – месть! Праведная месть!.. Виллисы не убийцы, они несут праведную месть мужской половине рода человеческого. За себя и за всех будущих виллис... За всех тех, кого каждый день убивают мужчины своим эгоизмом, ложью, похотью... И когда на ваше кладбище приходят Ганс и Альберт, лесничий и граф, которые, не поделив, лишили рассудка и жизни чистую наивную девочку, – разве смеют они безнаказанно топтать землю, которая давит на вас? И пусть эта деревенская дура Жизель лопочет о любви и пытается защитить Альберта – разве достоин он чего-нибудь, кроме презрения и смерти?

– Не достоин, – сказала Юлька.

– А теперь расскажи всё это мне. Только без слов... – Балетмейстер, пяясь, отошел на авансцену. – Свет!

Юлька зажмурилась от ослепительного света прожекторов.

– Начали!

* * *

Грнула рваная, громкая музыка. Полыхали разноцветные мигалки, вращался под потолком зеркальный шар, разбрасывая по залу зайчики, над танцующей толпой на подиуме извивались трое девчонок – ритм-группа в сверкающих комбинезонах, с черными большими, как карнавальные маски, тенями вокруг глаз. Самовлюбленный диск-жокей кокетничал с залом.

Игорь и Юлька сидели на высоких стульчиках у стойки бара. Игорь потягивал через соломинку коктейль, перед Юлькой стоял такой же нетронутый.

– Попробуй.

– Не хочу. – У Юльки болела голова от шума, трескучей однообразной музыки, мигалок, мельтешения лиц.

– Слабенький ведь. Ну, чуть-чуть – за папу, за маму...

– Я тебе сто раз говорила: я не пью! Ни чуть-чуть, ни много! Ни слабого, ни сильного! Ничего!

Игорь помолчал. Они большую часть времени молчали сегодня. Нехорошее было молчание. Похоронное.

– Как они? – спросил Игорь, указывая на девиц в комбинезонах. – С точки зрения профессионала?

Юлька нехотя, мельком оглянулась через плечо.

– Никак. Спины нет. Ноги деревянные.

– Ты бы, конечно, лучше станцевала.

– Меня бы под пулеметом не заставили.

– Ну, конечно! – ехидно сказал Игорь. – Профанация великого искусства!

Теперь Юлька сдержалась, промолчала.

– Может, всё-таки потанцуем? – снова начал Игорь.

– Я устала.

– Ну для меня ты можешь?

– Ты понимаешь, что я – устала?!

– Здесь тебе тоже не нравится?

– Нет.

– Почему?

– Я не знаю, зачем ты меня таскаешь по всем этим... притонам! Ты меня хочешь видеть или заодно и меня?

– А куда идти? – взвился наконец Игорь. – Ко мне ты не хочешь, к моим друзьям ты не хочешь, к тебе не пускают, пить ты не хочешь, танцевать не хочешь, через час двадцать тебе обратно! Как с тобой общаться?

– Ну и не общайся... – чуть слышно буркнула Юлька.

– А-а! Звезда российского балета! – К ним проталкивался Валерка. – А где моя Лена?

– Лена в интернате, – сжав зубы, сказала Юлька.

– В следующий раз приходи с Леной... Что так скучно? – спросил он, оглядываясь. – Сидите, как седалища!.. Слушай! – обернулся он к Юльке. – Правда, Игореха говорил, вы там по пять часов пляшете?

– Бывает и больше.

– Это лажа всё! Порхать на цыпочках и я смогу. А рок выдержишь? Нон-стоп! Погоди... – Он стал проталкиваться к подиуму.

– Чего он? – подозрительно спросила Юлька.

Игорь пожал плечами.

Валерка уже договорился о чём-то с диск-жокеем.

– Внимание, друзья! А теперь – страничка в стиле ретро. Наш добрый старый рок-н-ролл! – объявил диск-жокей. – Но это не просто танец, это конкурс. У нас в гостях балерина из Большого театра. Вот она... да-да, в голубом свитере... Прошу любить и жаловать, ее зовут Юля. Улыбнитесь, Юля!..

Толпа отхлынула от нее, образовав круг. Юлька стояла ни жива ни мертва, такого поворота событий она никак не ожидала.

– Юля вызывает любую желающую. Урок рок-н-ролла – сорок пять минут! Нон-стоп! Условия просты: танцуем в полную силу, партнеры меняются через каждые десять минут! Победителя ждет сюрприз. Итак, начинаем! Матч века! Профи против любителей!

Растерянная, с пунцовыми щеками, Юлька готова была провалиться сквозь землю. Валерка за руку тащил ее в круг, она изо всех сил упиралась. Толпа, радостно ждущая развлечения, возмущенно загудела.

– Как же так, Юля? – укоризненно кричал диск-жокей. – Завлекла и бросила? Ну, смелее, смелее! Ну-ка все, дружно: Ю-ля! Ю-ля! Шай-бу! Шай-бу!

Юлька беспомощно оглянулась на Игоря. Тот мстительно усмехнулся. Юлька отвернулась, грубым рывком освободилась от Валерки и сама вышла в центр круга. Рядом встали еще три девицы.

– Итак, засекаем время... Пять! Четыре! Три! Два! Один! Начали!..

– Пари! – заорал Валерка. – Ставлю часы против червонца! Ну! – Он стащил часы и помахал над головой. – «Кассио» с калькулятором! – Он ударил с кем-то по рукам. Кругом возбужденно галдели, спорили на коктейли, лезли на подоконники, на банкетки, чтобы лучше видеть. С подиума снисходительно смотрели девицы в комбинезонах.

Юльке достался опытный партнер, он уверенно крутил ее в ту и в другую сторону, в четыре оборота с перехватом руки. Юлька танцевала с каменным лицом, стараясь фиксировать взгляд в одной точке. В прошлом году у них был экспериментальный курс современного танца, классический рок она знала.

– Смена партнера! – крикнул диск-жокей.

Одна девчонка сошла минут через пятнадцать – видно было, что она танцует себе в удовольствие и не будет уродоваться на потеху публике.

– Смена партнера!

Вторая девчонка, пущенная неумелой, но сильной рукой, не устояла на ногах и врезалась в толпу. Третья – Юлька сразу ее отметила – то ли гимнастка, то ли из спортивного рок-н-ролла, работала просто, экономно, на выигрыш. Юлька не видела, когда и куда она исчезла из круга.

– Тридцать минут! Смена партнера!

Лица партнеров мелькали у Юльки перед глазами, всё остальное слилось в одну пеструю полосу. В дискотеке было душно, свитер набух от пота, туфли скользили по полу.

– Давай-давай, крути! – орали те, кто ставил против нее.

– Нормально танцуйте! Так кого хочешь загонишь! – кричали те, кто поставил на Юльку.

Ноги горели в тесных туфлях. Юлька держалась из последних сил, она уже «поплыла» от усталости и бесконечного вращения.

– Готова! – радостно завопил кто-то.

Последний партнер подхватил ее почти на лету. Мелькнуло лицо Игоря, он прорывался к Юльке сквозь толпу, его отталкивали.

– Пять минут!

– Три!

– Одна минута!!

– Победа!!!

Круг исчез, заполненный ликующей толпой, выигравшие орали и подбавляли друг друга.

– Приз королеве вечера! – надрываясь, кричал диск-жокей, потрясая каким-то плакатом с патлатыми мордами. – Юля, где вы? Все дружно ищем королеву вечера!..

Юлька, покачиваясь, брела по коридору. Гул дискотеки остался позади. Она села на банкетку, сняла туфли. Пальцы и пятки были стерты, колготки пропитались сукровицей. Она сжала горящие ступни ладонями, морщась от боли. Подбежал взъерошенный, запыхавшийся Игорь.

– Юлька!.. – Он увидел ее сожженные ноги, кровь на ладони, сел напротив у стены и крепко несколько раз ударил себя кулаком в лоб. – Дурак! Ох, дурак!

– Видеть тебя не могу! – сквозь зубы сказала Юлька. – Я не хочу тебя больше видеть! – Она встала и, держа туфли в руках, пошла к двери.

Опираясь на перила, Юлька поднялась в интернат. Мальчишеское крыло было уже заперто, свет в коридорах выключен.

Она молча расписалась в журнале увольнений. Галина Николаевна выразительно посмотрела на часы.

– Что происходит, Юля?

Юлька хмуро глядела в сторону.

– То есть я понимаю, что происходит. Я хочу спросить – о чём ты думаешь? Месяц до выпускного!.. До лета не могла дотерпеть, надо было сейчас влюбиться?

Юлька усмехнулась:

– А что, можно выбирать – когда?

– Не можно, а нужно! И всю жизнь тебе придется думать – что можно, чего нельзя и в какое время. – Галина Николаевна придвинула к себе раскрытую книгу и сухо сказала: – Замечание. Еще раз опоздаешь – не обижайся...

Девчонки уже спали. С кровати Середы было снято белье, голая кровать смотрелась сиротливо, как могила.

Юлька включила свою лампу, пригнула вниз, стала раздеваться. Замерла, взглянула на Титову. Та лежала, уткнувшись лицом в подушку, поджав колени к груди. Юлька погасила свет, забралась под одеяло.

Через минуту ей снова почудился странный звук. Юлька села, прислушалась. Тихо позвала:

– Нина...

Титова не ответила. Юлька включила и приподняла лампу, подошла к подруге.

– Нина...

Та вдруг застонала сквозь зубы, мучительно выгибаясь всем телом. Юлька с трудом повернула ее к себе – и отшатнулась. Лицо Титовой блело от пота, тусклые глаза закатывались под веки, подушка и простыня были в мокрых желтых пятнах.

– Не надо... – простонала она. – Не зови... пожалуйста...
– Галина Николаевна! – Юлька в ужасе бросилась к двери. – Галина Николаевна!!

– Не надо...

Воспитательница уже бежала по коридору.

– Там... – Юлька указывала рукой. – Там...

Ия стояла в ночной рубашке, издали испуганно заглядывая в лицо подруге. Галина Николаевна включила верхний свет.

– Нина, что с тобой? – Она склонилась над постелью. – Врача! Живо!

Ийка метнулась в дверь.

– Нина... Ты меня слышишь?.. – Галина Николаевна встряхивала ее за плечи. – Посмотри на меня...

В комнату заглядывали встревоженные девчонки. Растолкав их, вбежал врач, присел на кровать.

– От света! – скомандовал он. Оттянув веки, заглянул Нине в глаза. – Ты пила что-нибудь?

– Я не нарочно... честное слово...

– Что ты выпила?!

– Я не нарочно... – Нина снова судорожно выгнулась, ее рвало желчью.

Врач заметил блестящую упаковку в тумбочке, выдвинул ящик – вперемешку с заколками, письмами, косметикой на пол посыпались голубые капсулы.

– Сколько ты выпила? – Он поднес лекарство к глазам Нины.

– Только Наталье Сергеевне не говорите... пожалуйста...

– «Скорую!» – крикнул врач. – А вы куда смотрели, лебеди? – обернулся он к Юльке. – Только в зеркало пялитесь, вокруг ни черта не видите!

Доктор из «скорой помощи» выгнал девчонок в коридор. В полуоткрытую дверь было видно, как он колдует с длинным резиновым зондом. Потом в интернат поднялся небритый, хмурый шофер с носилками, и Нину, укутанную по горло одеялом, пронесли к лестнице.

Вдоль всего коридора стояли у дверей своих комнат девчонки, старшие и малыши. Сквозь запертую стеклянную дверь смотрели со своего крыла ребята.

– Спать! – крикнула Галина Николаевна. – Всем спать!..

В комнате тошнотворно пахло желчью. Ия тихо всхлипывала на своей кровати.

– Юль... – позвала она. – Юль, можно, я к тебе? Я боюсь...

Она перебралась к Юльке, прижалась мокрой щекой к ее плечу.

– С тобой не страшно... Ты сильная...

Юлька молча смотрела в темноту широко открытыми глазами.

* * *

– И-и, легко... За рукой... Азарова, не умирай!

Наталья Сергеевна, как всегда подтянутая, гладко – волосок к волоску – причесанная, в garnитуре тяжелого старинного серебра, раздраженно ходила по залу. Урок начался с долгой, томительной паузы, потом Наталья очень спокойно спросила, кто еще принимает таблетки. Девчонки промолчали, хотя перед проверкой на форму многие пили мочегонные

лекарства. Работали особенно старательно, чтобы ничем не выделяться среди других – все понимали, что сегодня кому-то сильно достанется.

– Сергиенко, я тебя в первый класс отправлю, арабеск учить!..

Юлька работала вяло, через силу, повторяла заученные до автоматизма движения, глядя перед собой пустыми глазами.

– Сергиенко!.. Я кому говорю! – Наталья Сергеевна вдруг бросилась к Ольге, с размаху ударила ее по лицу раз, другой. – Дура! Дура! Дура!.. Оторвать?! – заорала она. – Оторвать руку? Мешает?!

Ольга растерянно улыбалась дрожащими губами, не понимая, что надо делать. Наталья Сергеевна рванула ее за плечи, как куклу, и, не сдержавшись, пнула по опорной ноге, под колено:

– Кор-р-рова!

Бить Наталья умела, удар пришелся в надкостницу – Ольга охнула и начала сгибаться.

– Стой!!

Сергиенко медленно, пересиливая боль, выпрямилась и встала в прежнюю позу, заученно улыбаясь. В длинных ресницах копилась слеза.

– Не смей. Выгоню, – тихо, угрожающе сказала Наталья.

Девчонки замерли у станка, боясь шелохнуться.

– Я сказала, не смей!

Ольга изо всех сил распахивала глаза, поднимала лицо, чтобы слезы не выкатились на щеки.

Наталья наконец отошла от нее и медленно двинулась вдоль станка. Девчонки стояли в арабеске, глядя в затылок друг другу, ноги уже тряслись от напряжения.

– Я не прошу ничего сверхъестественного. Я объясняю элементарные вещи! Как можно не понимать!.. Дуры тряпичные! В Австралию вас таких везти? Со стыда сдохнуть!.. Зла на вас не хватает! С начала!..

«...Я сама не знаю, Зойчонок, что со мной. Перестала понимать главное – зачем это всё?.. Вчера увезли в больницу Нину Титову. Оказывается, она уже три месяца пила самые сильные лекарства, всё больше и больше, чтобы похудеть перед экзаменом. Врач сказал, что у нее отказали почки. Сейчас она в реанимации, потом, если выживет, будет долго лежать в больнице – может, год, может, дольше, потом дадут инвалидность. Ради чего это, Зойчонок? Я не понимаю...»

– Стоп!.. Азарова, что происходит? На тебе что, воду возили?!

– Не надо на меня орать.

– Что-о?.. – Наталья Сергеевна повернулась к ней, изумленно вскинув брови.

– Я тоже человек. Такой же, как и вы, – тихо, но твердо сказала Юлька.

Это была небывалая, неслыханная наглость. Девчонки обмерли от ужаса. Наталья резко шагнула к ней. Юлька напряглась, но глаз не отвела, смотрела в упор исподлобья, ожидая удара и отчетливо понимая, что, если Наталья ударит ее сейчас, она уйдет из зала – и пропади всё пропадом, все восемь лет непрерывного, на пределе сил труда...

Наталья Сергеевна некоторое время мерила Юльку взглядом, потом размахнулась и ударила Нефёдову по спине:

– Плечи брось!

И отошла, нервно, зло сжимая губы.

– Юль, не зли ее, – чуть слышно прошептала сзади Ийка. – Ты же видишь...

– Встали на прыжки!..

«...Игорь назвал нашу учебу добровольной каторгой. Я обиделась, и теперь сама чувствую себя каторжанкой. Сил больше нет. Пытаюсь сжать зубы – не получается, потому что не понимаю – ради чего?..»

– Сто-оп! – Наталья Сергеевна досадливо хлопнула в ладоши. – Азарова, что такое, в конце концов! Прямой себя почувствовала – в полноги работаешь? Ты понимаешь, что ты чужое место заняла?

– Я не виновата! – крикнула Юлька. – Я не просила!

– Иди сюда, – велела Наталья Сергеевна.

Юлька подошла, остановилась напротив. Педагогиня холодно смотрела на нее сверху вниз, уперев руки в пояс.

– Что-то ты разговаривалась, девочка. Голос прорезался? – сказала она

– Все к станку, Азарова продолжает.

Девчонки отошли к станку. Юлька осталась одна посреди зала.

– Начали! – зло, отрывисто скомандовала Наталья Сергеевна. – Не то! Еще раз... – Она подождала, пока Юлька вернется к ней. – Начали... Стоп! Еще раз!..

Концертмейстер долбил по клавишам одну и ту же мелодию.

Юлька начинала комбинацию и снова по команде возвращалась в центр зала, с трудом переступая на чугунных ногах. В ушах стоял густой звон. Ее мучило, то ли от усталости, то ли от запаха дорогой косметики Натальи Сергеевны.

– Не то! Еще раз! Начали!..

Носки туфель пропитались кровью, на влажном полу за Юлькой оставались бледные розовые следы.

– Еще раз!..

Наконец Юлька упала. Наталья стояла над ней, нетерпеливо постукивая каблучком по полу. Юлька поднялась и снова встала перед педагогом, сдувая пот с верхней губы, с ненавистью глядя сквозь багровые вспышки в глазах в холодное, холеное лицо Натальи Сергеевны.

Та молча смотрела на Юльку. Под облепившим тело мокрым хитонном видно было, как бешено колотится Юлькино сердце.

– Когда будешь работать, как она, когда станцуешь, как она, тогда скажешь, что не виновата, – негромко сказала Наталья Сергеевна. Обошла ее и обратилась ко всем: – С завтрашнего дня меняется расписание. Вместо пятого урока – дополнительный класс. Репетиции каждый день и в субботу. Для Азаровой – и в воскресенье...

Юлька побрела за девчонками в раздевалку. Опираясь рукой, села на скамейку. Наклонилась развязать туфли – с подбородка сорвались тяжелые капли пота.

– Иди сюда, я сказала! – Ольга Сергиенко ударила кулаком по лицу младшую девчонку. Та качнулась, чуть не упала – и опять покорно встала напротив, опустив голову.

– Чего воюешь? – спросила Ильинская, проходя мимо.

– Нажрались, суки, весь душ в интернате заблевали! Нет, ты представляешь! – Ольга снова ударила девчонку. – Я в четвертом классе первый раз выпила! Стой, я сказала!..

– Завтра покупатели из Кремлёвского, – подбежала Ийка. – На классе будут и на репетиции!

– Ты что, правда? – оживились старшеклассницы.

– Ну! В учебке говорили, я слышала.

– Теперь косяком пойдут, – сказала Нефёдова.

– Юль, слышишь? – Ия подошла к Юльке. – Покупатели... Юль...

Юлька сидела неподвижно, наклонившись вперед, тоскливо глядя перед собой. Она слышала голоса вокруг, гулкие, как из космоса, но с трудом разбирала слова.

Чолпан заглянула снизу ей в лицо.

– Отрубилась, – удовлетворенно сказала она. – Помнишь, в том выпуске у девки крыша поехала?

– А-а, Медведева, – вспомнила Илья. – Москвичка.

– Ну! На нее педагог наорал. После класса домой пошла. На автопилоте. Всё нормально. А в раздевалку забыла зайти. Представляешь, картинка март месяц, снег еще, а она в купальнике пилит! В метро уже взяли...

– Юль, ты в душ пойдешь? – спросила Ийка. – Опоздаем же.

Юлька представила дорогу до душевой – в конец раздевалки, и две ступеньки вверх, потом обратно. Она, не вставая, сняла с вешалки школьную форму и стала натягивать ее сидя, прямо на мокрый хитон.

...Историк что-то рассказывал у доски, увлеченно размахивая руками. Ильинская прицепила громадную клипсу-кольцо к носу и изображала иную африканку. Нефёдова строила глазки Дёмину. Ия рядом писала письмо.

Юлька тоскливо смотрела в окно. Там было солнце, в школе напротив кончились уроки, по тротуару шли мальчишки и девчонки в такой же синей форме под распахнутыми куртками.

Впереди был дуэт и народный, репетиция, гастроль, выпускной и двадцать лет каторги.

* * *

Репетиции теперь были каждый день, а в воскресенье Наталья Сергеевна занималась с Юлькой – вдвоем в пустом гулком зале. Юлька потеряла счет времени, засыпала, стоя под душем, в раздевалке, на уроках. Игорь несколько раз приходил в училище, но Юлька выползала к нему абсолютно мертвая, с глубокой синевой вокруг глаз. Они сидели в вестибюле под фикусом, о чём-то говорили – Юлька туго соображала, переспрашивала каждое слово, улыбалась и старалась не заснуть.

Выходные дали только на майские праздники, накануне вылета. Юлька проспала почти сутки, до вечера, вечером взяла увольнение, позвонила Игорю и попросила забрать ее из интерната куда-нибудь.

– А чья это квартира? – спросила Юлька. Она бродила по комнате, разглядывая непонятные карты на стенах, ледоруб, страховочный пояс, расклеванный от времени желтый бивень, разбросанную по полкам коллекцию разноцветных минералов.

– Наша! Всё наше! – раскинул руки Игорь. – Хочешь – на стуле сиди. – Он уселся на стул, тотчас вскочил. – Хочешь – на столе танцуй! Хочешь, – он распахнул дверь ванной, – мойся целый день!

– Не хочу.

– Не хочешь – не мойся! Хочешь, – он широким жестом указал в сторону крошечной кухни, – суп вари!

– Да я готовить не умею! – засмеялась Юлька. – Только яйца в стакане с кипятильником!

– А хочешь... – Игорь осторожно обнял Юльку сзади за плечи.

Она так же осторожно освободилась, потянувшись за малахитовым камешком.

– А правда, чье это?

– Мужика одного. Вон он. – Игорь кивнул на большую фотографию бодротого смеющегося парня в поднятых на лоб темных очках. – Альпинист. Такой же повернутый, как ты. Года три назад на Памире сорвался – по частям склеили.

– А где он сейчас?

– В Непале. На горе Джомолунгме. Или где-то поблизости.

– Он не спрашивал, зачем тебе ключ? – подозрительно спросила Юлька.

– Нет. Здесь всегда кто-то живет, когда он в горах. Теперь мы с тобой.

– Мы недолго.

– Ты когда улетаешь?

– Третьего. Послезавтра.

– Ты же вернешься.

– Потом экзамены... – Юлька встала на колени на диван и оперлась на подоконник, подняв, как крылышки, острые плечи. – «Вечерний город» Самая лучшая картина. А главное – абсолютно понятная...

С двадцатого этажа, насколько хватало глаз, до горизонта, видны были огни огромного города, праздничная иллюминация, желтое зарево фонарей над уходящими вдаль проспектами. Вот чего не хватало ей все восемь лет в Москве, такой мелочи: этой тихой маленькой квартиры, где можно хоть ненадолго спрятаться от всех и просто смотреть в окно на огни вечернего города.

Игорь повернул ее к себе.

– Подожди... А чего он подглядывает? – пожаловалась Юлька на портрет хозяина.

– Кто?.. Это же фотография.

– Нет, а чего он смеется?..

...На стене белел изнанкой портрет. На полках в ряд стояли чьи-то гипсовые бюстики, каспийский чёрт, человечки из моржовой кости, африканские куклы – все лицом к стене.

Игорь лежал под пледом, закинув руку за голову. Юлька уткнулась ему в плечо.

– У тебя никого раньше не было? – спросил Игорь.

– Я что-то делаю не так?

– Нет, что ты? Извини... – Игорь поцеловал ее в макушку. – Можно, я задам один вопрос? Только ты не обижайся, ладно?

– Угу.

– Вот когда вы танцуете там, каждый день... тебя ведь тоже... мужики обнимают...

– Ты что? – Юлька приподнялась на локте. – Это не мужики, это партнеры.

– Разговор был недавно... смешной... – Игорь смущенно потер нос. –

Парень один говорил, что балетные мужики перед спектаклем специальные таблетки принимают... ну... чтобы не реагировать на женское тело...

– А-а! – Юлька со смехом повалилась на спину. – А ты что-нибудь чувствуешь, когда к тебе в метро прижимаются?

– Ну... смотря кто прижимается, – нашелся Игорь. Он обнял Юльку, она снова уткнулась ему в плечо.

– Вот так прирасту к тебе, как сиамский близнец, – жалобно сказала она. – И чтобы все от меня отстали... И чтоб никогда никуда не уходить...

– А я тебя всё равно не отпущу.

– Нельзя... – Юлька вздохнула и подняла голову. – А сколько времени?

– Не знаю. Часов десять.

– Сколько?! – Юлька дотянулась до часов на подоконнике, глянула на утратки. – Ты что, нарочно, да? Нарочно? Ты же знаешь, во сколько мне надо! – Она вскочила.

Игорь тоже приподнялся.

– Да почему я должен всё время об этом думать? Ну хотя бы сегодня ты можешь опоздать? Первое мая! Завтра тоже выходной!

– Отвернись! – Юлька, путаясь в рукавах, натягивала свитер. – Обязательно надо всё испортить!

– Я что, по часам должен жить?! – взорвался Игорь. – Сейчас репетиции, потом экзамены, потом стажировка – еще год, да?.. Слушай, если ты сейчас уйдешь...

– То что? – Юлька, уже одетая, напряженно обернулась к нему.

– Во сколько завтра? – сдался Игорь.

– Завтра я не могу.

– Что у вас там, концлагерь, что ли! Если захочешь – сможешь! В общем, завтра я жду тебя здесь!

– Ты мне приказываешь? – Юлька повернулась и пошла к двери.

– Прошу! – крикнул Игорь. – Ну подожди, я провожу!..

Юлька изо всех сил хлопнула дверью.

Выскочив на улицу, она растерянно огляделась – она весьма приблизительно представляла, где находится, сюда Игорь вез ее на такси, – увидела невдалеке подсвеченный прожекторами университет и побежала к нему. Рядом пристроилась пестрая, как новогодняя игрушка, «Лада». В салоне гремела музыка, на заднем сиденье хохотали ярко накрашенные девицы, из переднего окна высунулся чуть не по пояс парень в темных очках, с надрывом, под Озерова, комментировал:

– Итак, дорогие друзья, мы с вами видим финал марафонского забега. Позади долгий, трудный путь, но посмотрите, как легко, как красиво бежит лидер! Последние метры дистанции...

Юлька метнулась через дорогу перед самым носом машины. «Лада» взвизгнула тормозами, комментатор ударился головой в боковую стойку.

– Жить надоело?! – крикнул водитель. – Идиотка!

Смотровая площадка перед университетом была запружена праздничной толпой. Компания молодых ребят попыталась остановить Юльку, она вырвалась и побежала дальше. Дорогу преградил милиционер:

– Куда, девушка! Обходите!

Юлька бросилась вдоль натянутого между деревьев каната с флажками. За канатом вдруг полыхнуло пламя, грохнул оглушительный залп. Юлька шархнула в сторону, едва не сбив кого-то с ног. Площадку залил яркий красный свет.

– Ура-а-а!! – равногласно закричала ликующая толпа.
Над Москвой тут и там взлетали гроздья салюта...

Галина Николаевна читала под настольной лампой. Юлька остановилась рядом, с трудом переводя дыхание. Коридоры были темны. За ближайшей дверью слышался приглушенный смех.

Юлька расписалась в журнале, положила ручку. Воспитательница дочитала страницу, перелистнула.

– Галина Николаевна...

– Иди спать, – сухо сказала та, не отрываясь от книги.

Юлька сидела на подоконнике в темной комнате, курила в форточку. В комнате были уже две голые кровати, отчего вид у нее стал еще неприкаzanнее. Юлька сосредоточенно, подробно разглядывала бледно-салатовые пустые стены (вешать что-либо на стены категорически запрещалось, чтобы не портить краску), четыре одинаковые тумбочки у изголовья кроватей, четыре стула, два шкафа, узкое окошко в коридор над дверью, матовые плафоны под низким потолком, желтые шторы, такие же, как во всех комнатах, коридорах, классах и кабинетах училища.

В интернате было тихо. Тишина стояла в комнате глухая и плотная, как бетонный куб.

Юлька стряхнула пепел, задумчиво повертела сигарету в пальцах. Медленно опустила к открытому коробку спичек. Спички с шумом вспыхнули, на мгновение ярко осветив комнату.

Ийка подпрыгнула на кровати:

– Ты что, с ума сошла?

– Салют, – пояснила Юлька. – Праздник. Ура-а-а...

– Совсем спятила. – Ийка повернулась на другой бок.

* * *

Надевая на ходу куртку, Юлька заглянула в комнату воспитателя.

– Я до десяти, Галина Николаевна.

– Нет, – коротко ответила та.

– Я вовремя, честное слово.

– Ты лишена увольнения.

Юлька остолбенела, растерянно глядя на воспитательницу.

– За что?

– За опоздания. Я тебя предупреждала.

– Галина Николаевна, миленькая, пожалуйста! – в отчаянии сложила Юлька руки. – Потом хоть месяц буду сидеть! Честное слово! Хотите, вот здесь сяду и буду сидеть. Только сегодня, Галина Николаевна! Хоть на час. Мы улетаем завтра! Мне очень нужно, очень, очень!..

– Сядь. – Галина Николаевна указала на стул. – Садись, садись.

Юлька присела на краешек, готовая тотчас вскочить и бежать.

– Я тебе расскажу одну очень интересную историю. – Галина Николаевна коротко усмехнулась. – Видишь ли... – На столе зазвонил телефон, она сняла трубку. – Интернат... Добрый... Не зовем. Это служебный телефон. – Она повесила трубку и сплела пальцы. – Так вот... Я представляю, что это за час, который стоит месяца. И знаю, чем это кончается... В общем, послушай. Училась здесь девочка из Смоленска. Давно. Ты не роди-

лись еще. Способная была девочка, конкурс в Праге выиграла. Большой впереди светил. И работала, работала... И устала... И встретился ей в этот момент необыкновенный, а может, наоборот – обыкновенный, нормальный человек, который взял ее за руку и повернул в другую сторону. И увидела девочка, что есть, оказывается, совсем другая жизнь. Другая – без вонючих потных раздевалок, без кровавых тряпок на ногах – где не надо каждый день «через не могу». Кое-как доучилась, вышла замуж, родила, кончила институт, жила легко и счастливо. Нормально... А через много лет, когда дети выросли, девочка вдруг огляделась и увидела, что пусто кругом, холодно. Жизнь-то не получилась, а если и было что-то, то там, в начале... А кто виноват? Кто-то ведь должен быть виноват? Сама виновата, и муж виноват, и дети. И тот, кого рядом не оказалось вовремя, кто бы за волосы к станку подтащил и носом ткнул: здесь твое... Вот такая невеселая история...

Галина Николаевна помолчала.

– Я всё вижу, Юля, и всё понимаю. И я тебя не отпущу. Я не хочу, чтобы когда-нибудь, через много лет, ты плакала в зале, глядя, как танцуют твои подруги. Я тебя не отдам... Ты просто устала, Юля. Это надо пережить. Перетерпеть. Всё будет хорошо... Ну, что молчишь? – мягко улыбнулась она. – Скажи что-нибудь...

– Дайте увольнение, – сказала Юлька.

– Не дам!

– Я сама уйду!

– Иди, – спокойно разрешила Галина Николаевна. – Ты взрослый человек. Ты знаешь, что за это будет.

– Ну и пусть! – крикнула Юлька. – Я не в тюрьме! Вы не воспитатель, вы надзиратель!

Галина Николаевна отвернулась...

Юлька сбегала с лестницы, двумя руками толкнула тяжелую стеклянную дверь.

– Азарова, а увольнительную? – крикнула вслед вахтерша.

Юлька решительно шагала по центральной аллее, зная, что Галина Николаевна видит ее сейчас из окна. Свернула к Комсомольскому проспекту. Но чем дальше уходила она от училища, тем медленнее шла, труднее передвигала ноги, будто натягивалась невидимая нить. Был яркий, по-настоящему майский день, по проспекту непрерывным потоком неслись машины, неторопливо гуляли или спешили куда-то по своим делам люди. Можно было добежать до метро, можно было просто поднять руку – среди машин мелькали зеленые огоньки такси, а в кармане у Юльки был трояк с мелочью.

Она сделала еще шаг. Толкнула носком камешек на меловых «классах». Повернулась и побрела обратно.

* * *

Юлька ждала у входа в Шереметьево-2, глядя в людей, выходящих из машин и рейсовых автобусов. Радостно возбужденные сокурсники носились взад и вперед, Дёмин нащупал луч фотозлемента, открывающего двери аэропорта, шутовски кланялся входящим, широко поводил рукой – и двери распахивались.

– Нет? – сочувственно спросила Ия, подходя.

Юлька покачала головой...

– Привет из-за бугра! – махал Дёмин из-за таможенного барьера. Круглолицый, румяный пограничник пролистал Юлькин паспорт, взглянул на фотографию.

– Повернитесь ко мне, пожалуйста... Девушка!

– Что? – обернулась на мгновение Юлька и снова уставилась на толпу за барьером, торопливо обшаривая глазами лица провожающих.

Пограничник звучно шлепнул печатью по странице и бросил паспорт на стойку.

– Следующий!

Юлька последний раз оглянулась, пересекла границу и пошла за своими.

* * *

Весь бесконечный – почти сутки – томительный перелет Юлька провела в полусне, не в силах ни всерьез заснуть, ни окончательно проснуться. В памяти остались лишь отдельные картинки – то ли реальность, то ли обрывки сна: огни взлетной полосы, мчащиеся навстречу и круто уходящие вниз... компьютерная карта на экране в конце салона, маленький зеленый самолетик движется на юг... посадка в Дубае – «Боинг» снижается над черным ночным морем, в аэропорту арабы в бедуинских платках покупают видеокамеры и кухонные комбайны, пограничница в форменной зеленой шапочке, с пистолетом на ремне быстро, деловито ощупывает грудь и задницу в поисках тайника с наркотиками... гроза над Индийским океаном – кажется, что у самого крыла бьют молнии, громадные столбы прозрачного голубого огня... Сингапурский аэропорт Чанги, похожий на город за стеклянными стенами, с водопадом, улицами и площадями, магазинами и офисами, неоновыми рекламными... красная пустыня в разрывах облаков – это уже Австралия... ослепительная улыбка стюардессы, «экипаж извиняется за задержку с посадкой, индонезийский лайнер под нами имеет проблемы»... девки, мокрые в своих теплых весенних куртках, тащат сумки к автобусу под жгущим солнцем, солнце плавится в зеркальных стенах небоскребов, солнце всюду, от солнца устают и слезятся глаза... огромный прохладный холл отеля с кроваво-красной ковровой дорожкой на мраморных ступенях и золочеными светильниками, скоростной лифт на двадцать четвертый этаж... только бы не упасть, не заснуть прямо в стеклянной душевой кабинке... и наконец волшебная, чудесная, глупая, вкусно пахнущая, без единой складочки белоснежная подушка...

Проснувшись на следующее утро, Юлька долго соображала, где находится, разглядывала просторный, залитый солнцем номер с пушистым паласом на полу, раздвижной стенкой, отделяющей спальню с двумя широкими кроватями от комнаты с ампирными креслами, журнальным столиком и сервантом. Рядом спала Ийка, ее одежда валялась на полу – куртка в гостиной, джинсы на пороге спальни, колготки и свитер у кровати – наверное, раздевалась на ходу из последних сил.

Юлька вскочила и подбежала к окну. За окном был открыточный, нереальный пейзаж: васильковое небо, теснящиеся вокруг небоскребы, далеко внизу сплошным потоком ползли по улице машины, справа на берегу залива виден был Опера-Хаус – Юлька сразу узнала знаменитый австралийский театр, три его высоких бетонных гребня, похожих на полные вет-

ром паруса, – слева просвечивали ажурные стальные кружева Харбор-Бридж – громадного моста, пересекающего залив, под ним качались на волнах яхты, и со всех сторон, насколько хватало глаз, спускались к голубой глади залива красные черепичные крыши особняков, утонувших в густой тропической зелени.

Юлька перевела стрелки на восемь часов вперед. Она никак не могла до конца осознать, что находится за тридевять земель от дома, в другой части света, в другом полушарии, в другом мире, даже в другом времени года, – слишком уж всё было похоже на цветной счастливый сон.

Это ощущение нереальности не покидало ее и в автобусе, когда добродушный толстяк Волли вез девчонок на урок в местную балетную школу. Полли крутил руль и что-то рассказывал по-английски, указывая то налево, то направо, нимало не заботясь, понимают его или нет. Илья, немного ображаящая в английском, сидела рядом с ним и переводила, половину причиня от себя. Про тонкую, как игла, телебашню она сообщила, что это памятник солистке Опера-Хаус, умершей от диеты.

Балетная школа была не хуже и не лучше московской – такой же примерно зал, только пол ровный, без наклона, такая же пропахшая потом раздевалка. Переодевались девчонки вместе с австралийками, объяснялись с ними жестами и громко между собой обсуждая их. Австралийки были «не фонтан»: две-три классические фигуры, остальные «коряги» с неважными ногами, плохонькими стопами. Но убила всех вкатившаяся в раздевалку веселая толстуха килограмм под семьдесят.

– А этот бомбовоз тоже балетный? – изумилась Илья.

– Она платит – она учится, – неожиданно ответила высокая зеленоглазая австралийка, переодевавшаяся рядом с Юлькой. – Это ее право.

Девчонки разом затихли, Илью аж в жар бросило.

– Говоришь по-русски? – спросила Юлька.

– Очень плохо. Но очень хорошо понимаю, – усмехнулась та. – Меня зовут Тамми. – Она протянула Юльке руку.

Показательный урок походил на спектакль – заботливый педагог, примерные ученицы. Девчонки стояли у станка через одну – наши в розовых житонах, австралийки в зеленых купальниках. За спиной у Натальи Сергеевны припали к своим камерам телевизионщики, под зеркалом на скамейках и прямо на полу сидели младшие девчонки. Наталья сбавила нагрузку – австралийки были заметно слабее физически, – не орала и не ругалась, замечания делала с улыбкой, и девчонки подыгрывали ей, старались.

Юлька занималась с удовольствием, мышцы, уставшие от долгой неподвижности, требовали работы, а за окном было солнце, почти забытое и пасмурной Москве, а впереди был целый день, полный чудес...

Поклон педагогу, поклон концертмейстеру – и девчонки гурьбой двинулись к выходу. К Наталье Сергеевне тотчас подскочил репортер с микрофоном, она на мгновение обернулась, крикнула:

– Азарова!

Юлька задержалась у дверей.

Наталья по-английски отвечала на вопросы репортера, в конце даже, наверное, пошутила, потому что оба засмеялись, потом обратилась к администратору-австралийцу. Юлька нетерпеливо переминалась у двери, она хотела еще поговорить с Тамми.

Когда все вышли, Наталья Сергеевна подошла к Юльке.

– А ты куда собралась, лебедь ты моя? – уже другим, знакомым, без

тени улыбки голосом спросила она. – Ты что думала – на экскурсию приехала? Австралия – для корды. А у тебя премьера двадцать пятого. Работаем!

И Юлька вдруг с ужасом поняла, что не видать ей ни Австралии, ни солнца, ни чудес – ничего, кроме этого зала, так похожего на московский. Она медленно, обреченно сняла халат и вышла на середину пустого, гулкового зала.

– Ах, какая злая! – удовлетворенно сказала Наталья. – Это хорошо. Очень хорошо. Вот если я разозлюсь – это будет плохо. Начали!..

Белый «Мерседес» мчался по вечерним улицам Сиднея. Наталья Сергеевна курила на переднем сиденье, рядом с водителем. Юлька одна сидела сзади, безвольно покачиваясь всем телом на поворотах, смотрела на мелькающие за окном огни реклам.

Еще из коридора она услышала многоголосый смех в своем номере. На кроватях раскиданы были обновки – пестрые футболки, трусы «недельки», купальники, кепки с длинным козырьком. Ильинская, держа в руке механический массажер весьма недвусмысленной формы, гонялась за Ольгой Сергиенко. Догнала, повалила на кровать, задирая юбку. Та визжа, отбивалась. Девчонки, набившиеся в номер, хохотали.

Юлька остановилась у двери, с каменным лицом наблюдая за общим весельем, чувствуя, как поднимается в груди глухая злоба на девок. Уж они-то своего не упустили – болтались по городу в свое удовольствие, пока она пахала в зале, как проклятая. Теперь Юлька поняла, почему девчонки, попав в Большой, не рвались в солистки. Корда незаменима, корда всегда нарахват. Солисты дерутся за роли, а корда катается по свету, почти не выезжая в Россию. Отстояла «Лебединое» или «Жизель» и – гуляй, рыскай по распродажам, валяйся на пляже.

– Юльке покажи, Лен! – заметила наконец ее Ийка.

– Ей нельзя. Она еще живого не видела, – ухмыляясь, ответила Илья.

– Выметайтесь все отсюда, – негромко сказала Юлька.

Смех затих, девчонки удивленно уставились на нее.

– Пошли вон отсюда все, я сказала! – крикнула Юлька. – Шмотье свое забирайте!

– Ты чего, Юль? – неуверенно улыбаясь, спросила Сергиенко.

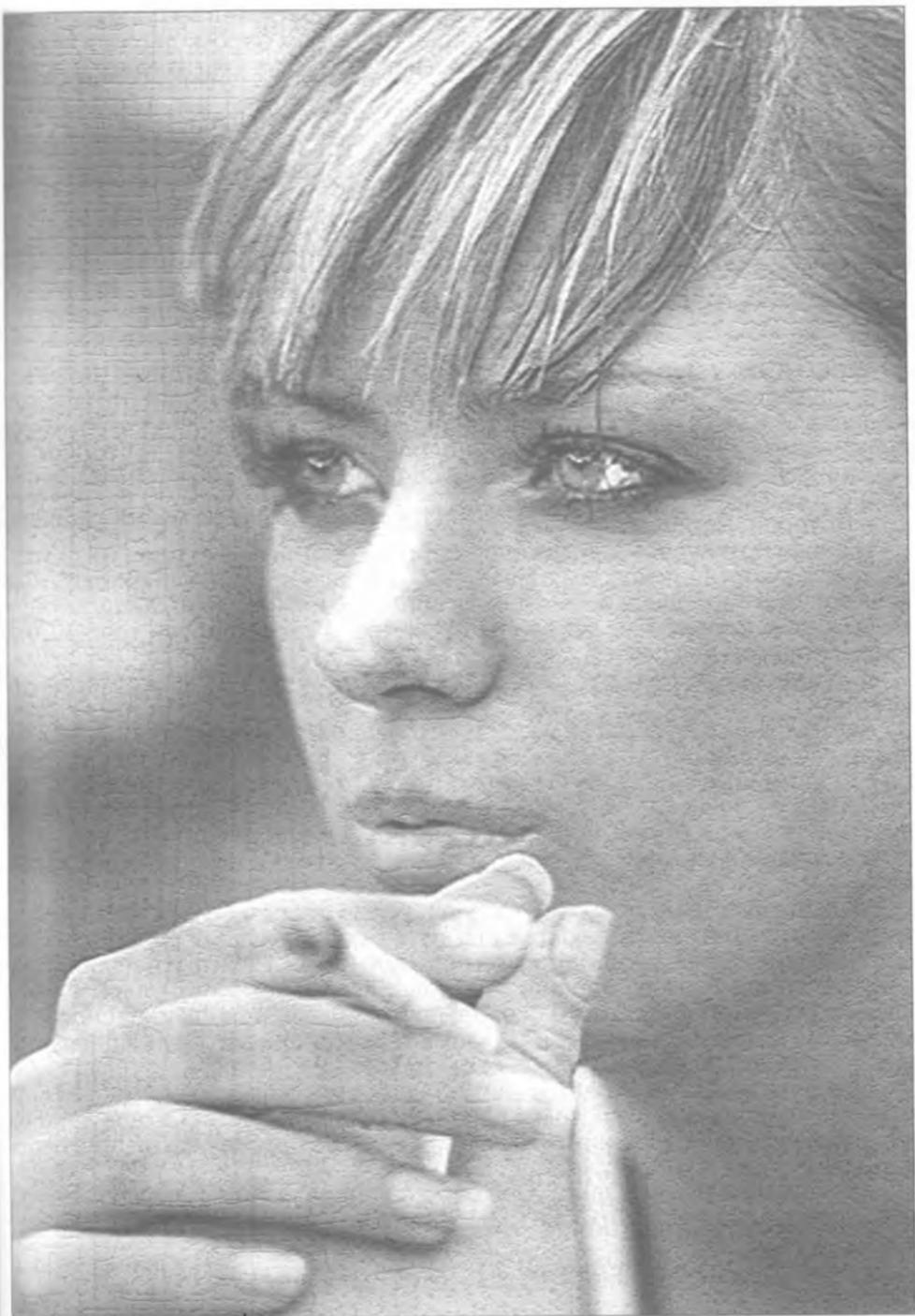
– И чтоб я бардака больше в моем номере не видела!

Юлька уверена была, что кто-нибудь из девчонок ответит, ну хоть Илья фыркнет, что, мол, не больно-то и хотелось, но присмирившие девчонки послушно разобрав свои покупки, тихо одна за другой вышли.

– Юль, что-нибудь случилось? – растерянно спросила Ийка.

– Нечего сюда корду таскать. – Юлька наконец прошла в номер, швырнула сумку на кровать. – Сама к ним ходи, если жить без них не можешь!

Обиженная Ийка скоро легла спать. Юлька постирала хитон и лосины, разделась, погасила свет и забралась с ногами на подоконник, как в Москве, в интернате. Курила, глядя вниз, на белый теплоход, плывущий под мостом, на публику, расходящуюся с вечернего спектакля в Опера-Хаус на гирлянды в темной зелени ботанического сада. Прошлась босиком по мягкому пружинящему ковру. Включила телевизор, одну программу, другую, третью... Бесцельно открыла холодильник. Там стояли маленькие разнокалиберные бутылочки. Юлька зажала сигарету в губах, присела и стала разглядывать яркие этикетки, пытаюсь прочитать названия...

Когда Ийка проснулась среди ночи, телевизор гремел на полную громкость, а Юлька сидела по-турецки перед открытым баром, держа в одной руке сигарету, в другой очередную бутылочку. Пустые она аккуратно, рядком, выстраивала на полу.

– Юль... – приподнялась Ийка. – Юль, ты что делаешь?!

– Х-хочешь?.. – с трудом выговорила Юлька, широким жестом указывая на бар. – Здесь еще много... «Камус»... А х-хочешь... «Кем... белл»?.. А шампанское я всё выпила – нету...

– Ты знаешь, сколько это стоит?! Там же на бумажке написано!

– А-а! – Юлька махнула рукой и отпила еще глоток. – Пускай Наталья разбирается. А я по-английски не умею. Я неграмотная...

* * *

Утром Юльку мутило и качало, от нее разило на весь автобус. Девчонки шушукались, ухмылялись и злорадно ждали, как влетит ей от Натальи в классе. А Юлька нагло дохнула той перегаром прямо в лицо, отчетливо понимая, что ничего Наталья ей не сделает, даже пальцем не тронет. И действительно, педагогиня только досадливо поморщилась и отошла, а после урока сказала:

– Потерпи. Перед выпускным отдохнешь.

И снова потянулись дни тяжелой работы, неотличимые один от другого: класс, репетиция вдвоем с Натальей, общая репетиция, спектакль или концерт. Всё свободное время Юлька спала у себя в номере, лишь изредка выходя в ближайшие магазины посмотреть какие-нибудь тряпки для себя и подарки для сестер.

В воскресенье Наталья Сергеевна отпустила ее на пляж вместе со всеми.

Автобус долго выбирался из забитого машинами центра города, потом вырвался на широкую набережную и покатил вдоль океана, то взбираясь по серпантину на заросшие соснами хребты, то спускаясь к самому берегу. Ребята и девчонки уже успели, видимо, подружиться с толстяком Волли, пели песни, и Волли, нещадно коверкая русские слова, подпевал. По пути остановились у магазинчика, и Волли загрузил в автобус ящик кокалы.

Мэнли, курортный пригород Сиднея, уютно расположился между двух зеленых хребтов, закрывающих его от ветра. Вычурные разноцветные особняки теснились вдоль широкой округлой бухты. Ребята и девчонки, на ходу скидывая одежду, бросились к воде. Юлька тоже окунулась в прохладную соленую воду Тихого океана, побродила по ровному красноватому песку в кружевах пены и спряталась в тень – среди загорелых девчонок она одна была белая, синюшная, как мороженный цыпленок.

Девчонки и ребята играли в футбол на берегу большим надувным мячом, азартно, весело, с визгом и воплями. Девчонки бегали в одних плавках – уже переняли здешние пляжные манеры, не стеснялись ни прохожих на набережной, ни своих ребят.

– Ольга! – крикнула Юлька. Она сама не знала, зачем ей нужна Сергиенко, просто хотелось хоть как-то нарушить это щенячье беспечное веселье.

Ольга подбежала, остановилась перед ней, тяжело дыша, вытирая потный лоб.

– Воды принеси, – велела Юлька. Пить она не хотела, интересно было принесет или нет. Но Сергиенко без звука помчалась к автобусу, принесла запотевшую холодную банку кока-колы и вернулась в игру.

– Хай! – окликнула Юльку высокая австралийка в цветастых шортах и свободной майке, спускаясь с набережной на пляж.

– Тамми? Привет! – обрадовалась Юлька. – Ты откуда здесь?

– Еду в Мэнли, вижу ваш автобус, пошла посмотреть вас. Хай! – помахала Тамми девочкам. – Я работаю там, недалеко.

– Ты уже работаешь?

– Конечно. Надо платить за учебу. Если бы я училась бизнесу, как хотел отец, он платит, я хочу балет – я плачу.

– А где работаешь? В театре?

– Нет, – засмеялась Тамми. – Хочешь посмотреть мою работу? Поехали, это реально недалеко.

– Я с нашими, – неуверенно сказала Юлька.

– А, ерунда. Я тебя верну в отель. Поехали!

Синий двухместный «форд» Тамми стоял на набережной. Юлька усеелась в глубокое кожаное кресло – сиденьем его даже назвать было неловко. Тамми включила передачу и с места набрала скорость, уверенно вклинившись в поток машин. В салоне было прохладно, тихо журчал кондиционер. Тамми не глядя вытащила из сумки кассету, вставила в магнитофон.

– Это твоя машина? – спросила Юлька.

– Да, мой отец подарил, чтобы везде не опоздать. У тебя пока нет машины?

Юлька усмехнулась и покачала головой.

– Тамми, я хотела спросить: откуда ты знаешь русский?

– О, моя первая педагог была русская. Баронесса Орлова. Она танцевала в России, в Большом. Очень старая. Я тоже хотела в Большой, даже пошла учить русский на специальный курс... Но потом я стала более умной. Я поняла, что это была мечта, которую нельзя... догнать, дойти... Большой – это слишком высоко, – показала она рукой. – Я знаю, тебя уже пригласили после колледжа в Большой?

Юлька кивнула.

– Сколько ты будешь получать там в первое время?

– Сто долларов.

– О-о! – Тамми удовлетворенно покачала головой. – В день?

– В месяц.

Тамми удивленно глянула на нее – не шутит ли.

– Но как ты будешь жить?

– Как все живут, – пожала плечами Юлька. – А ты сколько в Опера-Хаус?

– Первый год немного. Пятьдесят тысяч долларов в год. – Тамми развернулась и остановила машину около невзрачного серого здания. – Приехали. – Она выключила мотор и задумчиво сказала: – Ты знаешь, я согласилась бы танцевать в Большом даже бесплатно, даже если быть совсем бедной и совсем голодной. Но потом я вернулась бы сюда как балерина из Большого и получила бы сто тысяч в год...

В сером здании был, наверное, дешевый спортзал со станком на одной стене и небольшим зеркалом на другой. Полтора десятка девочек-дошколят в купальниках и балетках, увидев Тамми, выстроились у станка.

– Вот здесь я работаю, – сказала Тамми. Она громко заговорила что-то по-английски, указывая на Юльку – та разобрала только волшебное слово «Большой». Малыши разом, разинув рты, уставились на нее восторженными глазами.

– Я сказала, что сегодня у них праздник, – хитро улыбаясь, пояснила Тамми. – Сегодня у них будет вести урок балерина из Большого. Начинай.

– Как? – растерялась Юлька. – Я же не умею.

– Как в России. Как в Австралии. Как во всем мире.

Юлька вышла вперед.

– Плие. – Она показала первое движение.

И поймала себя на том, что каждым жестом, даже голосом копирует Наталью Сергеевну.

* * *

В последний день гастролей организаторы устроили прием а-ля фуршет. После первых тостов Наталья куда-то исчезла, и девчонки, не таясь, курили и пили шампанское. Юлька жутко устала после спектакля, но в зале не было ни одного стула, и она стояла со своим бокалом, привалившись к колонне в дальнем углу.

Вскоре к ней подошел австралиец-администратор и передал, что ее ждет Наталья Сергеевна для разговора. Он провел Юльку по лабиринту коридоров и открыл дверь кабинета, где за низким столиком сидели трое фирмачей и Наталья. Все смотрели на Юльку, неуверенно остановившуюся на пороге.

– Садись, – кивнула Наталья Сергеевна.

Юлька села напротив нее, утонув в мягком кожаном кресле.

– Господин Макферсон – руководитель балетного театра в Мельбурне. – Наталья неторопливо стряхнула пепел с сигареты. – Он предлагает тебе работу в своем театре. Контракт на три года. Зарплата – тысяча долларов в неделю, то есть пятьдесят тысяч в год... Что там еще?... Квартира и машина оплачиваются театром... – Она, непонятно улыбаясь, внимательно смотрела на Юльку. – Господин Макферсон спрашивает: согласна ли ты на этих условиях работать в его театре?

Юлька сидела, плотно сжав колени, глядя в пол перед собой. Осторожно глянула на педагогиню.

Фирмачи, вежливо улыбаясь, ждали.

– Не знаю... Я не думала...

– Ну, ты хотела бы танцевать в Австралии?

– Конечно... Но ведь у меня стажировка в Большом.

– Значит, – медленно сказала Наталья Сергеевна, – я перевожу, что ты благодаришь за лестное предложение, что ты была бы счастлива и так далее, но имеет смысл вернуться к этому разговору через год. Ты именно это хотела сказать?

– Да, – кивнула Юлька.

Наталья Сергеевна обратилась к фирмачам по-английски.

– О, Бол-шой! – Те понимающе закивали, улыбаясь, разводя руками.

Все встали. Фирмачи пожали Юльке руку.

– Господин Макферсон говорит, – переводила Наталья Сергеевна, – что его представитель прилетит в Москву следующей весной и просит в течение этого года не подписывать другие контракты без согласования с ним.

– Да, хорошо.

– Кроме того, он хотел бы, чтобы этот разговор остался между нами.

– Конечно.

Юлька и Наталья Сергеевна вернулись в зал.

– Что там, Юль? – шепотом спросила Ийка.

– Да так, ерунда... – не глядя, ответила Юлька, с трудом сдерживая победную улыбку.

На прощание девочкам подарили по большому игрушечному медвежонку-коале. Юлька получила своего и снова встала рядом с Натальей Сергеевной.

– Ну, как настроение? – спросила та.

Юлька засмеялась, пожала плечами.

– Еще бы, – усмехнулась Наталья Сергеевна. – Я, честно говоря, боялась, что ты, как услышишь про Австралию, забудешь и про Большой, и про всё на свете.

– Я просто подумала, что если они хотят меня пригласить, то пригласят и через год.

Юлька потерлась щекой о мягкую мордочку коалы.

– А покупать девочку из училища и балерину из Большого – это разные вещи.

Наталья, поднесшая было зажигалку к сигарете, изумленно глянула на Юльку. Медленно покачала головой:

– А ты молодец, девочка...

В отель Наталья Сергеевна поехала со всеми вместе на автобусе. Юлька сидела рядом, держа на коленях медвежонка и рассыпающийся букет бархатных гвоздик.

Наталья долго молча смотрела в окно, на мозаику ночных огней.

– Я договорилась на фирме, – не оборачиваясь, негромко сказала она.

– Тебе поменяли билет. Полетишь обратно через Японию. Оттуда рейс на Хабаровск. Двадцатого вернешься в Москву. Поняла?

– Спасибо... – Такого подарка Юлька не ожидала.

– Давно дома не была? – по-прежнему глядя в окно, спросила Наталья Сергеевна.

– Восемь лет.

Педагогиня помолчала.

– Я, когда начинала в театре, три года мать не видела. Полтора часа на самолете. Некогда было... Если хочешь чего-то добиться, приходится переступать через людей... Сначала через себя. Потом через самых родных и близких... Сначала тяжело. Потом ожесточаешься.

– Я так не хочу, – тихо сказала Юлька.

Наталья Сергеевна усмехнулась.

– Однако танцуешь вместо лучшей подруги – и ничего, уже не болит, верно?.. И у Титовой ни разу в больнице не была? Времени нет, правда?

Юлька опустила голову.

– А если честно, то и домой не очень хочется, – добавила Наталья.

– Очень... – шепотом сказала Юлька.

Педагогиня посмотрела на нее, снова усмехнулась и бросила ей на колени журнал:

– На, дома покажешь. – И отвернулась.

С яркой глянцевой обложки ослепительно улыбалась Юлька.

Кроме Юльки, в «кукурузнике» из Хабаровска летело человек шесть солидный дядька в шляпе баюкал на коленях пухлый портфель – наверное, начальство из краевого управления; работяги с рудника, не дожидаясь взлета, начали резаться в карты; бабка гордо обнимала свой бесценный рюкзак, набитый буханками хлеба и сгущенкой. На входной двери красовалась строгая надпись: «Открывать дверь во время полета категорически запрещается!» Дверца кабины была распахнута и привязана проволокой. Второй пилот, парень чуть старше Юльки, поглядывал на нее явно нездешнюю – в белой куртке, свитере с австралийским звездным флагом, бордовых джинсах и новеньких кроссовках. Поймав ее взгляд, он подмигнул и похлопал ладонью по штурвалу: хочешь порулить?

Юлька засмеялась и кивнула, приняв за шутку, но парень затащил ее кабину и усадил в кресло вместо себя. Первый пилот, пожилой мужик улыбнулся, указал на правый штурвал:

– Держи! – крикнул он сквозь грохот мотора.

– Я не умею!

– Научим!

Юлька взялась за ребристые рукояти штурвала.

– Москвичка? – крикнул парень. – Я москвичей за километр узнаю! Гимнастка?

– Балерина!

– Ну-у! Не из Большого, случаем?

Юлька утвердительно кивнула. Парень присвистнул.

– Когда обратно?

– Двадцатого!

– Давай двадцать первого! Со мной полетишь!

Понятно было, что самолет ведет первый пилот, но всё равно здорово было держать штурвал и видеть перед собой огромный горизонт. Внизу под крыльями биплана, проплывала тайга, ползли по раскисшему зимнику лесовозы, вдалеке пестрели крыши райцентра.

Самолет вдруг клюнул вниз, Юлька в ужасе вцепилась в штурвал, не зная, что делать. Летчики добродушно засмеялись:

– Проверка реакции!

Юльке повезло – прямо с самолета она успела на автобус, два раза в день идущий до Рудника. Старый раздрызганный «пазик», завывая мотором, полз по ступицу в грязи. Юлька сидела на продавленном кожаном сиденье, держась двумя руками, чтобы не слететь на пол от качки. Пассажиры искоса разглядывали яркую гостью.

– Не пойму что-то, – сказала наконец пожилая тетка, – ты Азаровых, чья дочь?

– Да.

– Так это ж Азаровых старшая! Москвичка! – оживился автобус.

– Юлька Азарова! Балерина!

– А я смотрю, вроде лицо знакомое, а вроде б и нет, – радостно запричитала тетка. – Дай, думаю, спрошу! Что ж ты так редко к матери? Сколько ж тебя не было?

– Восемь лет почти, – ответила другая. – Она уехала – тем летом заваляла на шахте б.л.л.

Сумасшедшая карусель гастролей, расцвеченные рекламой чужие го

рода, международные аэропорты, зеркальные стены учебных залов, ровные хитоны и атласные ленты пуантов – всё осталось в каком-то ином, перереальном мире, а здесь, в настоящем, осязаемом, гнулись под ногами скользкие дощатые мостки, переброшенные через весеннюю бездонную яблябь, неторопливо шагали люди в ватниках и резиновых сапогах, и возмущался за поселком рыжий дымящийся террикон.

Юлька поднялась на крыльцо. Навстречу ей выскочила Зойка – и с разбегу, как мчалась куда-то по своим делам, так и бросилась на шею.

– Юлька! Ты? Нет, правда, ты? Надолго?

– На три дня. – Юлька расцеловалась с сестрой. – Мать дома?

– Дома... – Зойка вдруг замялась.

Юлька шагнула в дом, удивляясь тому, каким он стал низким и тесным, – будто усох и в землю ушел, что ли? Весело, широко распахнула дверь в комнату – и застыла на пороге.

Мать сидела у стола, кормила грудью ребенка. Большой выпуклый лоб, темно-карие живые глаза, неистребимая азаровская порода. Сколько ему – месяца три? Значит, только после родов мать решила написать ей об отце...

Так они и замерли все – Юлька, Зоя у нее за плечом, Катя, вышедшая из другой комнаты, мать. Даже младенец вдруг затих. И это – пропахший стиркой дом, пеленки, висящие крест-накрест по комнате, осунувшееся от недосыпания лицо матери и ее виноватый взгляд, и красные пятна диатеза на пухлых детских щеках – тоже было из реального, настоящего мира.

Юлька наконец очнулась, прошла в комнату, поцеловала мать, кивнула:

– Брат?

– Сестричка. – Мать облегченно улыбнулась. – Мария.

Сестры бросились распаковывать Юлькину сумку, доставать подарки.

К вечеру в доме стали собираться соседи: кто мимо проходил, кто за солью заглянул – вскоре «проходивших мимо» было уже человек двадцать, на столе появилась водка и закуска. Юлька сидела во главе, рядом Зойка и Катя, похожие на сестру, как матрешки, – обе в новых австралийских футболках. Четвертая сестра болтала ногами в своей кровати, тараторчила вокруг, ошалев от невиданного наплыва людей.

– Ты что ж, видела всё это или так купила? – спросил тощий дед в очках, разглядывая снимки.

– Конечно, видела. Это же фотографии, не открытки. Просто на «Кодак» напечатаны, краски яркие. Вот это из моего номера, из окна сняли. Я в «Интерконтинентале» на двадцать четвертом этаже жила... – начала было Юлька.

– Ты главное скажи, – перебил какой-то мужик. – Кенгуру видела?

– Видела. Мы в национальный парк...

– Карман есть? – снова перебил мужик.

– Есть, – озадаченно ответила Юлька.

– Значит, всё в порядке! Можно жить!.. У меня червонец за подкладку завалился, – обернулся он к соседу: – Гадюка говорит: заначил!..

– Да расскажи толком про Австралию-то! – не унимался дед.

– Как другая планета, – начала Юлька. – Всё наоборот. Даже машины по другой стороне ездят. Я на переходе во все стороны смотрела – не поймешь, откуда появится. Один раз идем с девчонками по Пит-стрит – это центральная улица в Сити...

– Да что тебе Австралия, дед! – крикнул здоровенный усатый мальчик, уже изрядно набравшийся. – Что она есть, что нет! Ты в Хабаровске-то когда последний раз был?.. Ты вот скажи лучше, – прищурился он на Юльку, – правда, что народное звание не присвоят, если пяти мужей не было? – Он захохотал.

– Уймись, кобель! – замахнулась на него соседка.

Юлька досадливо сжала губы. Она не так представляла себе встречу с земляками, когда летела сюда через полмира. Собрались послушать про Австралию – так слушайте о том, чего сами никогда в жизни не увидите.

А ей рта не давали открыть, говорили все разом – о талонах на сахар, о раскаде, Ельцине и ценах. Обновы для матери и сестер обсудили и не одобрили: «Пестровато будет». Фрукты тоже не произвели впечатления: авокадо – «паштет в кожуре», киви – «ничего, но яблоки не хуже будут», папайя и вовсе – «мыло земляничное».

– Юль! Юль! – давно пыталась докричаться до нее через стол конопатая девчонка. – Ты скажи – носят-то там чо?

– Да тебе-то что? Ты всё равно здесь такого не купишь, – грубовато ответила Юлька.

– А вас по какой диете кормят там? – спросила другая.

– А?.. – Юлька глянула в окно и поднялась, стала проталкиваться к двери.

Мать попыталась остановить ее, махнула рукой и крикнула:

– Чего стаканы пустые? Витька, осталось там чего? Наливай...

Никто не обратил особого внимания на Юлькин уход.

Она вышла на крыльцо, притворила за собой дверь и встала, уперев кулаки в пояс. От калитки размашисто шагал молодежавый красивый мужик, держа на отлете букет невесты откуда взявшихся в Руднике гвоздик. Он остановился перед Юлькой.

– Чего надо? – спросила она.

– Чего надо? – улыбнулся он. – На старшую вот пришел посмотреть. Имею право?

– Не имеешь, – отрезала Юлька. – Вали к своей бухгалтерше.

– Что ж ты такая суровая, Юлька? Сто лет уж...

– Вали, я сказала! И не ходи сюда больше, всё равно ничего не выходишь. Даже если мать разжалобишь – всё равно приеду и выгоню!

– Ну, пусть, Юлька, – улыбнулся отец. – Не позорь перед людьми-то!

– Перебьешься. Мать вытерпела... Иди, говорю! Полено сейчас возьми – на всю жизнь опозоришься!

Отец засмеялся, покачал головой.

– В кого ж ты уродилась такая?.. – Он пошел к калитке. Внезапно обернулся и весело крикнул: – Как там у вас: браво-о-о! – И метнул цветы в Юльку.

Гвоздики широко рассыпались по крыльцу, на ступеньках, в грязи...

В маленькой комнатухе сестер было жарко натоплено. Юлька и Зоя сидели с ногами на кровати под ковриком с оленями, шептались, чтобы не будить спящую рядом Катю.

– Не пойму я чего-то, Юль, – хрипловатым баском говорила Зоя. – Письма твои читаю... Любишь – люби. Чем он тебе мешает-то?

– Не так всё просто, Зойчонок. – Юлька задумчиво отвернулась к темному окну, положив сигарету на край блюдца. – Если бы это не было так

серьезно – всё так легко было бы: хочешь – люби, не хочешь – не люби...
Понимаешь, он слишком много места занимает у меня в жизни...

Сестра вытащила сигарету из красивой пачки, прикурила от Юлькиной, затянулась, повертела в пальцах, разглядывая золотой ободок.

– Света была – от бога, а мне пахать надо и больше не думать ни о чём. Будто в метро бежишь вверх по эскалатору, который вниз. И так всю жизнь... – Юлька обернулась. – Ты что это делаешь?

Она хотела выхватить сигарету у сестры, но та спокойно отвела руку.

– Да брось ты, Юль, – улыбнулась она. – Ты что думаешь, я всё маленькая девочка? Я уж работаю давно.

– Где?

– На швейной. В райцентре.

– А школа?

– Вечернюю кончу... Осенью замуж пойду.

– За кого? – совсем растерялась Юлька.

– Да был сегодня, усатый, Витька. – Она тихо засмеялась. – Напился опять... И с отцом ты зря. Он уж два года с нами. Мать тебе всё сказать боялась... К соседям ушел, чтоб праздник не портить.

– Что же ты, – сказала Юлька. – Ты же старшая осталась!

– А что я? Мы без него не прожили бы, – спокойно сказала Зойка. – Зря ты, Юль. Не лезь. Только-только по-человечески жить стали... И в Хабаровск тебе не надо. Если в Москве оставят – оставайся. А мы к тебе приезжать будем, когда выберемся.

Юлька подавленно молчала, не глядя на нее.

– Сколько там времени? – Нажала подсветку на часах. – У-у, спать пора... – Помолчала еще, сказала: – Поеду завтра.

– Ты ж говорила – на три дня? – удивилась Зойка.

– Премьера скоро. Работать надо.

* * *

Тесный дощатый аэропорт райцентра был переполнен. Люди спали, сидя на скамьях плечом к плечу, на полу на расстеленных ватниках, на чемоданах. Юлька с трудом разомкнула опухшие веки, подняла голову с унылого, мятого коала, который служил ей подушкой. Подошла к девушке в голубой форме, одной на три окошка: «Касса», «Почта», «Диспетчер».

– Сегодня тоже не будет? – сдерживаясь, спросила она.

– Ну что я могу сделать? – устало ответила та.

– Не знаю! Спецрейсы у вас какие-нибудь должны быть? Начальство у вас летает? Райком, милиция, пожарники, санитары!

– Нет ничего, девушка...

– У меня премьера в Большом театре! – заорала Юлька. – Вы понимаете, что вам будет? Где начальник?

– Да чем вам начальник поможет? Он же не господь бог!

– Привет российскому балету! – Улыбаясь, к ним подошел мокрый с ног до фуражки молодой летчик, который дал Юлке порулить в «кукурузнике». – А я так и знал, что вместе полетим!

– Когда?! Когда-нибудь вообще можно улететь из вашей мухосрани?

– Тоже мне, столица! – обиделся летчик. – Не видишь – циклон идет, – кивнул он за окно.

– Летуны... хреновы! – Юлька поняла, что сорвется сейчас на истерику,

и выскочила на крыльцо, изо всех сил грохнув дверью. Сигареты кончились – и «Данхилл», и московская «Ява», она стрельнула у мужика папиросу. Тот чиркнул спичкой, собираясь завести разговор про жизнь, но Юлька прикурила от своей зажигалки и облокотилась на перила спиной к нему, сплевывая липнувший к губам табак, тоскливо глядя в серую пелену дождя.

Дождь лил стеной, с навеса над крыльцом хлестали мутные потоки. На летнем поле, раскисшем, как перестоявший на столе студень, выстроились друг против друга «кукурузники» и вертолеты. Юлька безнадежно глянула в небо – ни просвета...

Она вторые сутки сидела в райцентре, изнывая от тоски, тесноты и неподвижности, от ненависти к сгрудившимся вокруг людям, терпеливым и покорным судьбе, как стадо баранов. Можно было переночевать дома – попутки на Рудник шли одна за другой, но возвращаться Юлька не хотела. Восемь лет жила мечтой о доме, от письма до письма, собиралась работать в Хабаровске, а выяснилось, что дома-то она давно чужая – хоть дорогая, но гостя, что и без нее жизнь худо-бедно наладилась. Самое удивительное, что Юлька теперь понимала отца: думал переломить судьбу, сбегать от этого убогого, тусклого существования, где всё безнадежно и неизменно до гробовой доски. Но не сумел, вернулся. А Юлька уже не вернется.

А ведь Наталья Сергеевна всё это знала заранее, когда отпускала ее домой. Может, потому и отпустила.

Юлька вдруг почувствовала, что смертельно соскучилась по своей комнате в интернате, раздевалке и гримерке, по каждой половине в каждом зале. Господи, когда же кончится этот дождь? Неужели на свете бывает солнце?..

Она вернулась в аэропорт;

– Хоть позвонить от вас в Москву можно?

– Можно. Только долго ждать.

Юлька стояла в одинокой переговорной кабине, прижимая трубку к уху, закрыв другое ладонью.

– Связь по радио... – оповестил космический голос.

– Алло!.. Алло!.. Наталья Сергеевна! Это Азарова! Наталья Сергеевна, я опаздываю. Здесь погода нелетняя, вторые сутки уже!

– Двадцать пятого «Жизель»! Ты что, с ума сошла?!

– Я и так, и так пробовала – никто не летает! Циклон какой-то. Говорят, еще дня на три.

– Циклон, – раздраженно повторила Наталья Сергеевна. – Где ты находишься?

– Алексеевский район, аэропорт Алексеевка. Триста километров от Хабаровска.

– Хорошо. Позвони через два часа.

Юлька повесила трубку. Она не сомневалась, что Наталья сегодня же вытащит ее отсюда – хоть на ракете. В крайнем случае, отменит циклон.

Она вышла из кабины.

– Всё? – удивилась девушка. – У вас четыре минуты еще.

– А можно другой номер набрать? – неуверенно спросила Юлька.

– Давайте быстрее, пока линия свободна. Какой номер?..

– ...Связь по радио, – напомнил космический голос.

– Да, – сказал Игорьь.

Юлька молчала, у нее бешено колотилось сердце. Трудно было говорить вот так – неожиданно, не собравшись, через всю страну, из переполненного зала, за оставшиеся четыре минуты...

– Алло!.. Слушаю!

Девушка вопросительно кивала за стеклом: не слышно?

– Привет, – сказала наконец Юлька.

– Здравствуй.

Теперь они молчали вдвоем.

– Что же ты не пришел меня проводить? – спросила Юлька. – Я тебя ждала.

– Я тебя тоже ждал... в тот вечер...

– Меня не отпустили. Но это уже не важно, – торопливо сказала Юлька.

– Это действительно уже не важно. Юлька! Я хочу сказать тебе одну вещь, только это долго и не по телефону...

– Я тоже должна тебе сказать...

– Алло! – вклинулась хабаровская телефонистка. – Заканчиваем!

– Ты когда прилетишь? – закричал Игорьь.

– Не знаю. У меня двадцать пятого спектакль, ты подожди меня потом.

– Конечно! Я обязательно приду! Юлька...

– Разъединяю, – равнодушно сказала телефонистка.

* * *

Яркое солнце било в окна автобуса, квадрига Аполлона рвалась с портика Большого в высокое чистое небо, и первые зрители уже толпились у колонн.

«Икарус» остановился перед служебным входом. Первым на нижнюю ступеньку автобуса соскочил Генка Дёмин и уперся руками, сдерживая остальных.

– Дёмин! – прикрикнула Галина Николаевна. – Детский сад, честное слово!

Дёмина выпихнули из двери, следом начали выходить старшеклассники.

– Не вижу репортеров. – Астахов в модных черных очках с лейблом в половину одного стекла огляделся и скорбно поджал губы.

– Этикетку сдери – может, увидишь.

– А цветов корзину не хочешь?

– А вон цветы. И кому бы это?

Поодаль стоял с цветами в опущенной руке Игорьь.

– Илья – фас!

– Это Азаровой мальчик, – равнодушно сказала Ленка.

– Смотри. – Ийка показала глазами на Игоря. Юлька кивнула.

– Иди. Я догоню. – Она отдала Ие сумку, сунула руки в карманы куртки и медленно пошла к Игорю.

– Азарова, после спектакля наговоришься! – крикнула Галина Николаевна.

– Я сейчас, – не оборачиваясь, сказала Юлька. Она подошла к Игорю, остановилась напротив, глядя под ноги. – Я же просила после...

– Долго ждать. Понимаешь, я всё это время думал, – быстро, сосредоточенно заговорил он. – Мне было очень плохо без тебя...

– Подожди, – торопливо сказала Юлька. – Не надо. Я должна тебе сказать.

– Не перебивай. Сначала я... Я долго думал и понял одну простую вещь: я тебя люблю. Пусть будем редко видеться – всё равно. Я буду ждать, сколько надо, сколько скажешь. Понимаешь; я тебя люблю!

Юлька молчала. Она не ожидала этого, и говорить теперь было еще труднее.

– Я тоже... хочу сказать тебе одну простую вещь... – начала она. Тоскливо глянула вслед уходящим одноклассникам, коротко вздохнула, собираясь с силами. – Я тебя не люблю... – Она подняла глаза и улыбнулась. – Понимаешь, я просто устала. Надо было отвлечься. У нас так бывает. Советуют даже... А теперь всё нормально. Ты извини... Ты не приходи больше, ладно? Ни сюда, ни в интернат. Я всё равно не выйду.

– А обо мне ты подумала? – тихо спросил Игорь.

– У меня времени нет думать, работать надо, – засмеялась Юлька. – Извини, мне пора.

Она повернулась и пошла к дверям с застывшей, будто приклеенной к лицу улыбкой.

Она знала, что Игорь смотрит вслед, и всё быстрее шагала, чтобы не остановиться, не обернуться и не заплакать.

В белом подвенечном платье Юлька лежала на гробовой плите с безжизненно скрещенными на груди руками, вместо глаз темнели глубокие синие тени.

– Всё в порядке? – негромко спросила Наталья Сергеевна.

Юлька чуть заметно кивнула.

Заработал подъемник, и Юлька, как привидение, встала среди крестов и надгробий. Она открыла глаза, холодно, надменно глянула в зал и шагнула вперед, чтобы властным жестом вызвать из могил прекрасных и жестоких виллис на полночный танец.

* * *

«...Напрасно ты волнуешься, Зойчонок. У меня всё в порядке. То, о чём мы говорили, давно позади. Я даже не сразу поняла – какой еще Игорь?»

Извини, что так долго не писала, – нет времени. Я удачно станцевала Мирту на выпускном, и меня пригласили в Большой, не стажером, а сразу в основной состав. Осенью ездила с театром на гастроли: Франция, Италия, Испания. Сейчас репетирую партии в двух спектаклях. Познакомилась с массой интересных людей, но подробно писать не буду – это всё пока проходные варианты. В общем, сонная интернатская жизнь закончилась.

Девчонок не вижу, только Нефёдова торчит у нас в корде. Чолпанка и Дёмин в «Классическом балете», Сергиенко в Центральном детском, Ийка вернулась в Тбилиси. Ильинская, говорят, звезда мюзик-холла, не вылезит из загранки. Неожиданно объявилась Света – она родила, разъехалась, как бочка, и стала невыносимо скучной, приезжала из Киева искать детское питание. Нина, кажется, до сих пор в больнице.

А теперь самое главное: я подписала контракт на три года и скоро улетаю в Австралию. Так что долго не увидимся. Ждите привет из солнечного Мельбурна. Целую. Ваша Юля».

ПРОБА ПЕРА

Алиса ГАЛАЕВА
22 года, Санкт-Петербург

ПЛЯС СНЕЖИНОК

* * *
Октября так пронзителен плач!
Меж ветвями сквозящая синь
Всё звенит. И узорчатый плащ
Стелет осень листьями осин.
В золотистый сбивает их круг
И к земле прижимает нагой.
Как древесных протянутых рук
В синеву безнадежен покой!
Сердцу кто-то нашептывал: «Пой!».
И, куда-то боясь не успеть,
По листве мы шагали с тобой,
Не признавшись, что хочется петь.
Но октябрь всё знал наперед:
Он в глазах увидел невзначай
Песню ту, что за душу берет,
Где любви нашей свет и печаль.

* * *
Пусть льется в душу снега талость
И неба сизого бездонье.
Уж ничего мне не осталось –
Тянусь холодной ладонью.
Всё отдавая безвозвратно,
Всё принимая безответно,
Я не вернусь теперь обратно,
Не заслонюсь уже от ветра.
И всё, чем жизнь предстала ныне –
Смотреть на пляс снежинок блеклых,
Дыханьем растопляя иней,
Намерзший на трамвайных стеклах.

* * *
А самолет распишет поперек
Всю даль небес молочною чертой,
И, расплескав всё то, что не сберег,
Опустится в ладони вечер той,
Которая тянулась к синеве
Рукою, что нежна и холодна,
Не веря прошептавшему: «Не верь»
И не приняв, что всё-таки одна.

* * *
А тогда еще у пристани
Все дремали корабли.
Где же взгляд тот ясно-пристальный
И небес рассветный блик?
Корабли огнями сонными
Все мигали. У моста
Ветер что-то невесомое
Над волною распластал.
И невысказанно-мудрое
Пролилось в Невы узор.
...Только где же это утро и
Тот далеко-близкий взор?

СНЕГ

Снег. И белый-белый воротник.
Пятна синеватые теней.
А фонарный свет к земле приник,
Чтобы небо сделалось темней.
Снег. Такие черные глаза.
Сизой лентой убегает след.
Кто-то взгляд бросает бегло за
Даль стихов, следов, снегов и лет.
Снег. Такая теплая ладонь.
Вьются нити в ответах огней.
И небес заснеженная донь
Всё молчит о них: о нём, о ней...

* * *
Я разучилась говорить стихами,
А по-другому сразу не умела.
Но дни рождались так же и стихали,
И где-то пела музыка несмело.
Так нежно пела музыка ночами,
Всё вторя, замирая, сердца бою.
Была такая тихая вначале,
Но скоро оглушила нас с тобою.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОДИН ЗИМНИЙ ДЕНЬ

А мы с тобой вернулись в никуда
И вот теперь остались без ответа.
Ведь, кажется, зима была тогда,
Но то зима совсем не та, чем эта.
Ты ищешь наши прежние следы,
Что белыми стихами по странице,
Но время ведь стирает даже лица
И даже лица превращает в дым...
И мы с тобой одни среди зимы.
Нас от земли поднимет и закружит,

Но мы попросим у зимы займы
Березовых иссиня-белых кружев
И в белизною вытканную шаль
Закутаем истоптанные души
Затем, чтоб в сердце отдавалось глуше
Всё то, чего теперь безумно жаль.

* * *

А вечерами здесь такая тишь,
Как будто город навсегда замолк.
И я гляжу, как над одной из крыш
Полоской сизой тянется дымок.
Из мягкой и бездонной синевы
Выходите к оранжевым огням
Походкою знакомою не вы
И ищите, конечно, не меня.
А я иду в вечерней темноте.
Ну отчего, скажите, в горле ком?
Вот на снегу как будто ваша тень,
Хотя я знаю, как вы далеко.

ПОДЪЕЗЖАЯ К ПЕТЕРБУРГУ

Вижу сизого дыма знакомую вязь,
И все дни без тебя превращаются в небыль.
Слишком многим далекой опять становясь,
Под твоё возвращаюсь печальное небо,
Что сегодня, склонившись почти к куполам,
Разрисовано белыми крыльями чаек.
И любовь, и судьба – всё с тобой пополам.
Ты всё знал и теперь нашептал мне, встречая.
Оттого, что частица разбитого «я»
Над волнами балтийским развеяна ветром,
Ты меня не ревнуешь к далеким краям,
Из которых опять привожу я приветы,
Из которых везу золотые лучи,
Что прольют по земле бирюзовые своды:
Ты ведь знаешь – того бесполезно лечить,
Кто глядится в бездонные невские воды.
Оттого-то всегда беспокойны глаза,
Раз осмелилась кануть вот так безвозвратно.
И такая судьба. Вновь московский вокзал.
И опять два билета. Туда и обратно.

* * *

Распылил закат остатки дня
Снегопада поступью неспешной.
Если кто-то позабыл меня
Так бесповоротно, неизбежно,
То наперекор самой весне,
Той, что ожидать не надо боле,

Обращусь однажды в тихий снег,
Чтоб к земле припасть в завьюжном поле.

* * *

По весне шагала я одна
И по талым водам зимних дней.
Там, искрясь, дрожало вместо дна
То же небо, только чуть бледней.
И трамвая прозвеневший бег,
И задорный воробьиный гам...
Я сегодня тороплюсь к тебе
По апрельским тающим снегам.
Будет восемнадцатой весна,
Догорит и превратится в дым.
...Я бегу по облаку и снам
В бликах серебрящейся воды.

* * *

Нам подарили этот день так просто,
Его облили солнечным елеем,
И мы идем, как будто выше ростом
И, может быть, серьезней и взрослее.
И мы идем, как будто бы впервые,
Дороги под ногой не замечая,
А облака над нами – перьевые
От белых распростертых крыльев чаек.
Казалась высота такой глубокой,
Так странно отражалась в водной глади,
А мне бы впору стать голубоокой:
Она глаза луча ладонью гладит.
Нам этот день отдали, не жалея,
Должно быть, за улыбок наших стаи,
Что разбросали как-то по аллее
И почему-то собирать не стали.
И мы его растратим, мы заплатим
За то, что в май все двери нараспашку,
А для меня – березовое платье,
А для тебя – небесная рубашка.
Мы этот день с тобой до дна исходим
И ничего на завтра не оставим,
И пусть тоскливо будет на восходе,
И пусть закрыты будут мая ставни:
Еще большее будет лить по капле
Ту синеву, что падала в ладони.
Запутавшись в ночного ветерка плед,
Мы этот день чудесный не догоним.
Так будем делать вид, что мы не ищем
В небытие ушедшие моменты.
И, может быть, сердцам, весною нищим,
Протянут снова майские монеты.

* * *
Эта жизнь – от моста до моста,
А потом – с остановки трамвайной
Убегает. Рукой не достать
Ее тень за чертой перевальной.
Эта жизнь – от руки до руки,
От пожатья ее до разлуки
И от берега этой реки
До ее серебристой излуки.
Эта жизнь – от лица твоего
До мгновенья его узнаванья
Через гон перебивчатых волн,
Что стирают слова и названья.
Эта жизнь – от моста до моста,
От истоков своих и до устья
Отчего-то до боли проста
Простотой, неизбежной до грусти.

* * *
Как часто кажется под вечер мне, что скоро
Всё обернется и понятным, и простым,
И разлетится никому не нужный ворох
Моих листов. Какие белые листы!
Какие белые! Как гаснут под ногами
Все те стихи, что я тогда писала вам.
Они – как ноты не доигранные в гамме,
Мои слова. Какие глупые слова!
Я буду прятать пустоту руки в кармане.
Ну что теперь... Мне не больнее, чем другим.
И только гаснут под ногами, как в тумане
Мои шаги. Какие тихие шаги...

* * *
И просто дождь. И просто зонт.
А от него – бледнее лица.
Печально-белый горизонт
С землей намокшей хочет слиться
В дали, откуда голоса
Чужих дождей приносят на дом.
И просто серые глаза.
Но только так – смотреть не надо.
Неверный жест. Неверный шаг.
А под ногами – лужи, лужи...
Когда-нибудь моя душа
Весь этот день сполна отслужит:
И то, что дождь не загасил
Всего огня тех слов немногих,
И то, что не хватило сил
Молчать в ответ, смотреть под ноги.

Великолепие церковных куполов не может не очаровывать – что красиво, то красиво. Верующий и даже неверующий хотя бы просто из любопытства не преминет зайти в храм – поставить свечку, поприсутствовать на крестинах, венчании, полюбоваться его убранством... Здесь наше прошлое – и христианства, и православной Руси, святыни, которым принято поклоняться. А уж церковные праздники, во всяком случае Рождество и Пасху, знают и любят все. Однако далеко не каждый знает, что такое истинная вера в Бога. Именно поэтому вы можете довериться красивым словам приезжих проповедников, которые завлекут вас в секту, обещая

РАЙ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ АДОМ

Снедавних пор государство, общество и церковь оказались перед лицом серьезной угрозы. Эта угроза – религиозные секты. Сегодня это понятие из почти абстрактного, отвлеченного превратилось в один из зловещих символов нашей взбалмошной жизни. По данным аналитиков, в различные культовые новообразования уже вовлечено от трех до пяти миллионов человек, семьдесят процентов из них – молодежь от восемнадцати до двадцати семи лет, студентов – около одного миллиона человек, из них тридцать процентов бросили учебу. Кроме того, разрушено около двухсот пятидесяти тысяч семей, в результате чего появилось много беспризорных детей, оставленных родителями, ушедшими в секту. Выйти самому оттуда практически невозможно, а вернувшиеся домой – полуинвалиды, уже не способные работать, учиться, найти свое место в жизни и обществе. Около ста тысяч наших сограждан под внушением тоталитарных сект продали свои городские квартиры и, отдав полученные деньги так называемым «учителям», «богоподобным» лидерам религиозных организаций, уехали на поселение в глухие места, получив при этом запрет обращаться за медицинской помощью.

Со всей остротой эта проблема привлекла внимание общества в начале девяностых годов после громких скандалов, связанных с деятельностью «Белого братства» и религиозно-экстремистских сект вроде «Аум Синрикё», чей лидер был приговорен в 2004 году к смертной казни за руководство террористическими актами в токийском метро, где в результате отравления ядовитым газом «зорино» погибли невинные люди.

Так что не всякая религия ведет к добру, а не во зло общества.

Женевский центр по правам человека отметил, что многочисленные религии и псевдорелигии эксплуатируют своих приверженцев в России, полностью подчиняют себе, подавляя у людей волю.

Так, когда шел процесс по делу «Аум Синрикё», пострадавшие рассказывали, что японские монахи давали им таблетки, которые вызывали у сектантов рвоту. Их заставляли собирать эти рвотные массы с пола и заглатывать обратно. А юный прихожанин «Богородичного центра» писал в своем дневнике, что он хочет убить своих мать и бабушку за то, что они «ведьмы и вампиры», высасывающие его кровь.

История проникновения этой печально известной секты в Россию началась в 1991 году. Ее появление сопровождалось мощной рекламной кампанией – в считанные месяцы на рекламу, теле- и радиопередачи было потрачено более одного миллиона долларов, а всего на разного рода рекламу и подношения было потрачено около пятидесяти миллионов долларов. Секта была зарегистрирована Минюстом и получила право официально развернуть свою деятельность в нашей стране. В Москве было создано шесть центров секты, проводились испытания «зорино» на людях, которые продолжались до закрытия организации и арестов ее лидеров в Японии.

Между тем эта секта не смогла бы столь успешно развернуться, если бы, как бы это ни казалось странным, ее не поддерживали на высоком правительственном уровне. Помог японцам бывший секретарь Совбеза Олег Лобов. Он вместе с замдиректора Рос-

сийско-японского университета Александром Муравьевым, подполковником КГБ в отставке, помогал японцам во всех начинаниях: еще бы, глава секты отвалил им огромные инвестиции. Только любовский университет получил около пяти миллионов долларов. Именно благодаря этой дружбе боевики секты тренировались на полигонах Кантемировской дивизии и одного из военных учебных заведений.

В то же самое время всерьез заявили о себе сайентологи, пятидесятники, кришнаиты, молодежная секта «Церковь объединения Муна», причем не всегда это были «заморочки» так называемой продвинутой молодежи и мятущейся интеллигенции. На высшем уровне первым принял Муна – «горячего поборника общечеловеческих ценностей» – человек с клеймом на лысине, «перестройщик» Горбачев. Его примеру последовали высокопоставленные столичные госчиновники и их коллеги из многих областных центров, предоставлявшие сектантам, чаще всего иностранцам, здания и налоговые льготы. Причем более чем в двух тысячах российских школ преподавали предмет «Мой мир и я» по мунистским учебникам. А почему бы и нет, если Муна усердно поддерживал сам Горбачев?

...Собственно секты, состоящие из групп фанатиков, следующие за неким харизматическим лидером, существовали всегда и во всех странах. Россия – не исключение. В конце девятнадцатого – начале двадцатого веков лондонская официальная церковь покинуло двадцать миллионов верующих, утративших доверие как к православию, так и к православному царю (разве не православные рушили храмы и подвергали го-

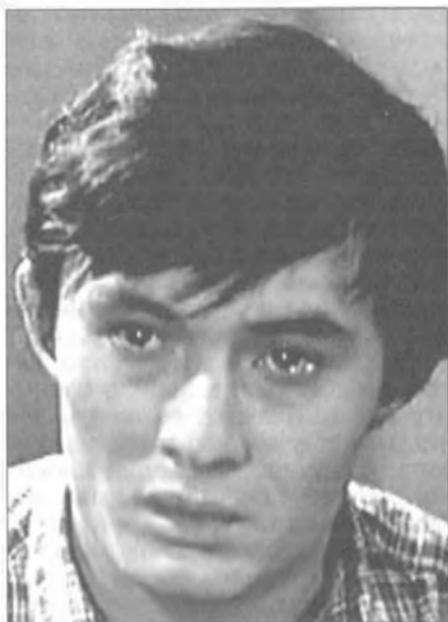
нению священнослужителей?). Возникли секты баптистов, хлыстов, духоборов, молокан и так далее.

Нынешний ренессанс сектантства отличается не только обилием иноземных лидеров, что, между прочим, свидетельствует о том, что кому-то за рубежом очень хочется по возможности ослабить Россию, свести к минимуму ее роль на международной арене. Если для прежних доморощенных сектантов был характерен страстный поиск «христианского в христианстве» – над поиском ответов на эти вопросы бились писатели и философы Мережковский, Блок, Бердяев, – то у нынешних сектантов на первом месте стоит коммерция и экстремистская деятельность. Их цель – духовно ослабить нравственный потенциал государства, внести разлад в отношения религиозных конфессий, увеличивая опасность конфликтов между ними. А ведь наша страна традиционно многоконфессиональная. Всю ее историю люди, исповедующие различные религии, жили бок о бок друг с другом, с уважением относились к праву соседей верить в свое. Так что сектантство исторически противоречит нашему образу жизни.

Центральный удар «духовные разбойники» стремятся нанести в будущее нашей страны – молодежь. Печально, что в республиканской психиатрической больнице, занимающейся реабилитацией жертв тотальных сект, подавляющее число пациентов – подростки, юноши и девушки. Молодежный пастор секты пятидесятников откровенно признаётся в том, что им нужна «свежая кровь». И эта «кровь» – российские подростки. Сектанты успеш-

но используют стратегию овладения молодежью в разных уголках страны. В арсенале подобных «пророков» – активная вербовочная деятельность среди школьников и студентов, лжереабилитация наркозависимых, «служение» по тюрьмам, где полно молодых людей. Одни попадают в секты случайно, других специально вербуют. Например, у сайентологов есть даже «центры знаменитостей». Известный человек служит как бы лицом секты, ее своеобразным рекламным агентом, использующим свой имидж для вербовки сектантов. Так, американского актера Тома Круза называют даже «министром пропаганды» сайентологов. Молодые ребята привыкли верить своим кумирам и подражать им. «Делай, как я», – слышат они со сцены. Нередко так они и делают.

Многие киномены, наверное, помнят, как в феврале 1985 года страну потрясло жестокое убийство известного актера Талгата Нигматулина (фильмы «Пираты XX века», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» и другие). Его тело со 119 травмами нашли в ванной в одной из квартир Вильнюса. Задержали и преступников – Абая Борубаева и Мирзу Кымбатбаева. Друг убитого художник Вячеслав Ахунов вспоминает, что Талгат представил ему Абая как своего «учителя». Абай и Мирза организовали секту, в киргизский кишлак съезжался народ со всего Советского Союза. Талгат беспрекословно выполнял поручения: ходил по базару, просил милостыню и всё до копейки отдавал учителям. В феврале 1985 года актер оказался в Вильнюсе не случайно. Сектанты-отщепенцы решили создать в Литве свою секту, без Абая и Мирзы. А эти двое, боявшиеся по-

терять власть, взяв с собой Талгата для устрашения, поехали разбираться. Однако актер отказался применять силу, и Абай с Мирзой расправились с ним самим. Талгата методично избивали несколько часов. А он, чемпион по карате, даже не пытался защищаться. Молодая жена с маленькой дочкой его не дождалась...

Трагически оборвалась жизнь и солиста группы «Иванушки» Игоря Сорина. В 1998 году он выбросился из окна пятого этажа. Приятель Игоря Андрей Вольский рассказал, что Игорь частенько посещал семинары секты «Рэйки Кадуцей» и переводил на их счет деньги. Говорят, что продюсер Игорь Матвиенко, узнав об этом, лично водил своего подопечного в церковь. Казалось, Игорь одумался. Но сектанты преследовали певца. А вскоре его не стало.

Что ж, реклама не только двигатель торговли, но и хорошая

приманка для неискушенных и доверчивых.

– Меня тоже хотели затянуть в секту, – призналась в одном из интервью певица Таня Тишинская, известная в девяностые годы как поп-дива Каролина. – И знаете кто? Жена Осин. Пригласил в квартиру, там какие-то люди совершали странные обряды. Я испугалась и убежала. А как сложилась дальнейшая Женина жизнь, честно говоря, не знаю...

В девяностые годы певец Евгений Осин был в зените славы, его хиты «Гладет девушка в автомате» и «Не верю тому, что говорят» звучали на каждой дискотеке. Но на свою беду он связался с кришнаитами...

«В 1990 году я познакомился с парнем, игравшим на индийском музыкальном инструменте ситар, – грустно вспоминает Евгений. – Я тоже хотел научиться на нём играть, а еще на таблах – это два таких индийских барабана. Тот парень оказался кришнаитом. Я с ним заходил в квартиру на Беговой, которую называли кришнаитским храмом. Правила там были строгие: нельзя есть мясо, выпивать, курить, спать с женщинами. Атмосфера как в театре: совершались всевозможные ритуалы, а потом все танцевали, пели. Как-то незаметно для себя стал кришнаитом и я. И вычеркнул из жизни шесть лет. Я, конечно, смотрел на девушек. Просто как на людей. Но не трогал и не хотел даже.

Слава богу, пришло время, я пересмотрел свои убеждения и одумался. Познакомился с девушкой Натальей и вернулся к истинной вере – православию. В 2000 году мы обвенчались. Родилась дочка Агния. У меня появился наставник – духовный отец Алексей. Естественно, я признал-

ся, что был членом кришнаитского общества. Покаялся».

Евгений покупает православные календари: один для себя и детский – специально для дочери. Пьет кагор со Святой горы Афон. Каждые выходные певец водит дочку в церковь для причастия. Правда, с женой Евгений расстался, о чём очень сожалеет: это грех, ведь они обвенчаны. Но что ж поделать, если Наталья предпочла другого человека... А вот первая его супруга, как утверждают, просто не выдержала Жениного кришнаитства: кому ж понравится, что муж игнорирует жену как женщину.

Другого известного в девяностые годы исполнителя, солиста группы «Божья коровка» Владимира Воленко («Гранитный камешек в груди»), тоже неудержимо тянуло в секты. Его экс-супруга Инна Анзорова призналась: «Воленка водил меня в секту "Аум Сенрикё", которая устраивала сборища в спорткомплексе "Олимпийский". Потом он переметнулся к "Свидетелям Иеговы"».

Увлечения певца Инне не нравились, и в 2000 году семья распалась. Владимир женился на другой женщине, Наталье, которая тоже стала петь в группе «Божья коровка». Судачили, что Воленко со своей новой супругой попали в очередные религиозные сети. Поэтому-то «Божья коровка» совсем исчезла из виду. Но недавно заговорили, что талантливому исполнителю удалось вырваться из секты.

«Я сейчас новым альбомом записываю, – говорит Владимир. – Пополнение в семействе появилось: недавно родился четвертый ребенок! Никуда я не пропал, просто клипы не записывал, это слишком дорого. А сейчас и во-

обще невозможно. Кризис, и кредит в банке не возьмешь».

Певица Светлана Владимировская тоже когда-то дружила с кришнаитом Женей Осиним. Он нередко приходил к ней домой и, сидя на плите кастрюли с мясом, усмехался: «Опять трупы ва-ришь!»

Светлана признаётся, что под влиянием Осина отказалась от мяса. Затем стала ходить на собрания секты Виссариона. А вскоре беременная Светлана с мужем, продюсером Марком Большим, и вовсе отправилась в Красноярский край к подножию Саян, где строили дома сектанты. Там, в гайге, появилась на свет Маша, потом еще две дочки – Настя и Даша. Духовный учитель Светланы не запрещает ей заниматься творчеством. Еще бы! Концерты Владимировской и поставленные ею детские мюзиклы приносят неплохие доходы, которые звезда жертвует общине.

Личная жизнь Светланы тоже поменялась. Она рассталась с Марком и познакомилась в Красноярске с художником Евгением Кормильцевым. Этот известный на Западе художник-москвич тоже поддался чарам Виссариона и теперь живет в общине. У них родился сын Артур. Друзья Светланы уверяют, что вытащить ее из секты невозможно: «Ей настолько сильно запудрили мозги, что она совершенно не понимает, кто ее окружает! – призналась Валерия Грибова, администратор шоу "Ты – суперстар". – Будто инопланетянка. Насколько я знаю, она все деньги в общину отдает. Сама живет в каком-то доме на отшибе и без удобств...»

А вот звезда «Ленкома» и «Ледникового периода» Анна Большова не так давно купила квартиру в Новосибирске и роди-

ла там ребенка. А всё началось еще в конце тех же девяностых годов. Мать Анны Наталья Михайловна увлекалась эзотерикой и познакомилась с некоей Анной Канаевой, которая позвала семью Большовых в поселок Буды под Харьковом. Канаева, биохимик из Днепропетровска, попала под влияние Свами Дэва Сварго, последователя индуистского учения саньянса, и приняла имя Асмито. Вскоре она даже умудрилась выйти замуж за своего духовного учителя. Однако брак был недолгим. Асмито сколотила свою секту «Долина солнца», куда и угодило семейство Большовых. Так же, как и семья Светланы Владимировской, они приобрели дом в поселении общины. Причем в глушь отправились и Леонид Александрович, отец Ани, между прочим, директор Института проблем безопасного развития атомной энергетики, и его супруга, и старшая дочь Елена с сыном Петей и мужем. Анна служила в театре, поэтому постоянно в Будах не жила, но проводила там всё свободное время. Законы секты были суровыми: полное повиновение Асмито, тяжелый физический труд, вегетарианство и даже голодание. Вскоре из секты выгнали мать артистки Наталью Михайловну. Причем по приказу Асмито это сделали дети – дочь Елена с зятем и Анна. До сих пор Анна не общается с матерью. Отец Анны вскоре женился на Асмито. Распалась и семья сестры актрисы Елены. Ее муж Сергей понял, что идет по неверному пути, и уехал из поселка.

Украинские власти обратили наконец внимание на тоталитарную секту: было возбуждено уголовное дело о посягательстве на здоровье людей. Асмито вместе с новоиспеченным мужем, сыном

от первого брака, Еленой и Петей перебралась в Москву. Затем семья приобрела дом в Тверской области, куда тоже стала навещаться Анна Большова. Асмито она звала второй мамой, в то время как родная мать актрисы от отчаяния пыталась покончить с собой. Асмито родила ребенка – Давида. А Большова вышла замуж за первого сына Асмито Антона, который был младше ее на семь лет. Анна не скупилась на интервью, рассказывая о семейном благополучии, но при этом старалась не заострять внимание на жизни в общине. Через некоторое время Аня развелась с молодым мужем. Но со свекровью-мачехой осталась дружна. А потом актриса вышла замуж второй раз. Ее супруг – художник Александр Макаренко. Коллеги Анны всполошились: где, как познакомилась? «Через Анюту (жену отца)», – поясняла Анна.

Не так давно «Долина солнца» перебазировалась из Тверской области в Новосибирск. Анна сама косвенно подтверждает это: «Да, в Новосибирске сейчас живут мой отец, его жена Анна, моя старшая сестра с сыном». Так что талантливая актриса по-прежнему остается под влиянием сектантов.

Восемь лет назад распалась еще одна звездная семья: теннисиста Евгения Кафельникова и модели Марии Тишковой. До Евгения Маша уже была в браке с певцом Кристианом Рэем. Он даже спел дуэтом с Кристиной Орбакайте. Однако затем певец попал в лапы секты «Церковь Христа». И постепенно с экранов исчез. Мария с ним развелась, несмотря на то, что у них родилась дочь Диана. Но общения с экс-супругом не прекратила, даже выйдя снова замуж. Проповеди Кристиана Рэя возымели силу,

Маша тайно от Кафельникова вступила в Швейцарии в «Церковь Христа». И стала настоящей фанатичкой. Муж и даже дети (у нее родилась вторая дочка Олеся) отошли на второй план. После развода с Кафельниковым суд постановил, что маленькая Олеся останется с отцом. Причем сама Мария была не против. «Евгений предложил Маше большие отступные, которые она отдала на нужды секты», – говорит одна из ее бывших подруг.

За последнее время в российских городах развелось множество религиозных групп и организаций. И каждая провозглашает себя носителем истины в последней инстанции, которая способна спасти вас от любых бед, преодолеть все ваши проблемы и помочь вам добиться невиданных успехов. Первое место по многочисленности занимает неопятидесятническое движение. Оно состоит из множества сект: «Церковь благодати», «Церковь живая вода», «Слово жизни». Новых членов секты привлекают тем, что у них на собраниях весело играет рок-музыка, люди танцуют и поют. На самом же деле проповедники грамотно пользуются методами гипноза и контролирования сознания. Люди впадают в транс, падают на пол, у них начинаются судороги. В это время в кровь вбрасываются андортины – гормоны удовольствия. Человек получает кайф, балдеет. Потом наступает «отходняк», и, подобно наркоману, он за «новые дозы» продает всё, что имеет.

У неопятидесятников есть жесткая система пожертвований – десятина от доходов. Пастор достает свой пустой кошелек, демонстративно встрясает «последние копейки» и в довершение снимает

дорогие часы, которые после службы, естественно, к нему вернутся. Людям становится неудобно, и они отдают ему всё – гораздо больше десятины. Им внушается: мол, когда ты отдаешь деньги богу (то есть в секту), ты вкладываешь их в небесный банк. Соответственно тебе вернется ровно в сто раз больше, чем ты дал. Главное – в это нужно верить. Если не веришь – ничего и не вернется, а значит – виноват ты сам.

Одна из наиболее многочисленных сект, которая наиболее масштабно заявила о себе, – молодежное крыло «Dream Team» секты неопятидесятников «Новое поколение». Это общественное региональное движение – РОД – так именуют себя сектанты – было зарегистрировано в Управлении юстиции в 2006 году. Лидеры РОД действуют с размахом: провели несколько спортивных, культурных и музыкальных мероприятий, направленных на привлечение в секту новых членов, они организовали детский центр «От-

крытие», благотворительный фонд «Милосердие», женский клуб «ЕДЕМ» и спортивный клуб «Титул». У секты существует свой бизнес... Казалось бы – что здесь плохого, когда для молодежи организируются развлекательные мероприятия, создаются клубы и детские центры? Только ведь всё зависит от того, какую идейную направленность несут все эти мероприятия и чему учат детей. Ведь любой здравомыслящий человек понимает, какую истину может нести организация, где детишки расппевают песни по типу: «Два притопа, три прихлопа, оглянись вокруг! Мы расскажем, мы покажем – Иисус наш лучший друг». Собственно, смысл нужно искать не в песне, а в доктрине, провозглашенной новопятидесятниками: «Конечная цель секты – сосредоточение абсолютной политической власти и экономической власти в мире и установление царства божия на земле с центром в США». Сегодня секта стала откровенно проамериканской, и стоит ли удивляться, что

ее политические лидеры посещали США, чтобы побывать на «Молитвенном завтраке» с Джорджем Бушем. Конечно, разъезжать по заграницам приятно, но если кому-то и придется «бороться за власть», то не этим гастролерам, а учащимся архангельских школ, колледжей и студентам.

Точно по такому же сценарию развивались события на Украине, где Запад активно поддерживал создание и развитие секты «Посольство божие», которую возглавил выходец из Нигерии Сандей Аделадж. Именно пятнадцать тысяч его последователей стали самой дисциплинированной и ударной силой на Майдане. Отечественные пятидесятники молятся «за эту страну, этот народ», но если настанет «час икс», они неизменно встанут под западные знамена. Пастор Александр Дзюба, руководитель московского филиала «Посольства божьего», прямо заявил: «Придет время, и опыт "Посольства божьего" поможет в осуществлении оранжевой революции в России».

Нет ничего неожиданного в том, что именно в Архангельске обосновалась ультраправая военнизированная секта «Новый акрополь», в которой получили свое развитие идеи «Нового поколения». Основными участниками сектантских сходов стали молодые люди в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Уплатив шестьдесят – восемьдесят рублей, кандидаты прослушали лекцию о «Вечных истинах и таинствах» египетской цивилизации. Встречу с потенциальными членами фашиствующей секты организовал один из высокопоставленных руководителей «Акрополя». В Архангельском деловом центре на протяжении трех часов гуру постепенно подводил

молодых людей к мысли о существовании древних рас и цивилизаций, значении секты для саморазвития, воспитания в себе нового человека.

Архангельский деловой центр был создан с целью поддержки малого бизнеса по инициативе мэрии Архангельска. Директор центра пояснил, что не может отказать представителям секты в аренде зала, потому что за помещение проплачены деньги на месяц вперед. По существу, «Акрополь» – тоталитарная религиозная секта, которую справедливо называют ультраправой фашиствующей организацией. Например, французский писатель Роже Икар на страницах бюллетеня центра борьбы против моральных манипуляций писал: «"Новый акрополь" – это отъявленный фашизм по всем статьям».

Фюрером и идеологом у этой ультраправой мистической организации стал аргентинской профессора Хорхе Анхель Ливрага. В организации существует тайная военнизированная структура безопасности из глубоко законспирированных и известных только верхушке секты агентов. В их числе немало и людей, близких к правительствам крупнейших западных государств.

Довольно комфортно чувствуют себя пятидесятники и в Подмосковье: проводят семинары «пасторов», ответственных за молодежную работу в своей церкви, разрабатывают особые программы (тренинги), помогающие воспитывать детских и подростковых пасторов. В Москве состоялась конференция «Юность Об», в которой приняли участие представители из разных регионов страны. А вот, к примеру, как выглядит тренинг, который проводят лидеры секты со своей юной па-

ство. Одним из приемов тренинга является катание по помоям. Помои выливаются на дорожку из целлофановой пленки, мальчишка раздеваются до плавок, разбегаются и катятся по дорожке спиной или животом. Другой прием: девочку усаживают на стул и при всех мажут ее волосы неприятным на цвет вяжущим веществом. Цель таких тренингов – заставить детей беспрекословно подчиняться лидерам. «Привыкнув кататься по помоям и спокойно перенося прочие издевательства, человек подсознательно будет готов выполнить и другие приказы своих командиров, какими бы отвратительными они ни казались», – заявляет один из лидеров секты. Благодаря вот таким семинарам и тренингам происходит быстрое разрушение нравственных установок, которые воспитывались обществом. Это тем более страшно, поскольку работа проводится в отношении подростков, чье сознание находится еще на этапе формирования.

Существуют секты, оставляющие очень тяжелые последствия, причем это не связано напрямую с количеством часов, проведенных в ритуалах и программировании. Практика показывает, что сложнее всего оправиться от сайентологии, хотя она требует от своих последователей поменьше затраченного времени. Так, кришнаиты тратят по меньшей мере семьдесят часов на ритуалы и совместные молитвы, муниты – пятьдесят три часа, а сайентологи – сорок три. Однако для выздоровления покинувшему кришнаизм требуется в среднем одиннадцать месяцев, бывшему муниту – шестнадцать месяцев, а сайентологу – двадцать пять. Но от последствий сайентологии до конца

не может оправиться никто. Сайентология – очень жесткая секта коммерческой направленности, многие исследователи считают ее рекетирской мафиозной организацией. «Библия» этой секты – книга «Дианетика» американского писателя-фантаста Рона Хаббарда. Сектанты уверяют, что благодаря методикам Хаббарда человек станет сверхсуществом со сверхвозможностями, а мир будет лучше и чище. Главный метод запугивания членов – подитинг, или псевдоисповедь, когда человек перед эметром (так называемый детектор лжи) отвечает на вопросы обо всех самых интимных подробностях своей жизни. Ответы он дает в состоянии легкого гипнотического транса. Всё это подробно записывается и хранится в архиве. Соответственно, если человек начинает вести себя «не так» – это очень мощный инструмент для шантажа. Те же, кто попал в тоталитарную секту, постоянно подвергаются насилию: от избиений и изнасилований до изматывающей, истощающей работы от пятнадцати до восемнадцати часов ежедневно, без необходимого питания и сна. Иными словами, члены сект превращаются в рабов, лишенных как финансовых, так и других возможностей, необходимых для выхода из группы, которая делает всё возможное, чтобы держать их у себя. Когда же они заболевают или их производительность сильно понижается, их попросту выкидывают на улицу.

Тоталитарная секта строится вокруг лидера. Слово «религия» здесь означает связь личности с богом. В сектах поклонение богу фактически заменяется поклонением богоподобному лидеру. Только кто же на самом деле эти «богоподобные»? Например, ос-

нователь «Гербалайфа» Марк Хьюз не имеет не медицинского, ни фармакологического образования. Самопровозглашенный Христос – Виссарион (Сергей Торв) – раньше работал милиционером, а отец иеговизма Чарльз Рассел был мелким лавочником. Божественный учитель Сека Асахара – глава секты «Аум Сенрикё» – владел сетью дешевых рестораничек в Японии. Основатель сайентологии, «гений всех времен и народов», так и не смог закончить ни одного высшего учебного заведения, проваливал любое дело, за которое брался, был замешан в финансовых махинациях и едва сводил концы с концами, штампуя низкопробную научную фантастику для бульварных журнальчиков, и принимал наркотики.

Еще одна секта, экспортированная к нам из далекого зарубежья, – кришнаиты. Она зародилась в 1966 году в Нью-Йорке. Криминальной истории этой секты позавидует любая мафия: торговля наркотиками, оружием, заказные убийства.

Один из основных и излюбленных мотивов ловцов человеческих душ – спекуляция на тему скорого «конца света». По теории секты «Свидетели Иеговы», в скором времени армия иеговистов спустится на Землю и физически уничтожит всех неверных. И тогда на освободившейся Земле «Свидетели Иеговы» заживут вечной жизнью. Эта секта прославилась своим зверским запретом на переливание крови. Когда ребенок попадает в больницу и есть шанс спасти его жизнь этой несложной операцией, родителям запрещают делать это. Те же впечатлительные и мнительные люди, которые влились в ряды секты, станут наследниками неудачливого пастора Чарльза Рассела из небольшо-

го американского городка Питтсбурга, который предсказывал явление Христа в 1914 году. В ожидании этого события его приверженцы построили настоящий дворец для небесных праведников, а когда пришествие не состоялось, поселились в нём сами. Конечно, лидеры секты, для остальных места не нашлось.

Движение корейского проповедника Муна – одна из молодежных сект – как хамелеон, меняет свои названия: Федерация семей за мир во всём мире, Федерация женщин за мир во всём мире и так далее. Она привлекает молодежь обещаниями бесплатных поездок в США или участием в различных семинарах. Им предлагают причащаться капелькой крови учителя и повесить над кроватью портреты своих «истинных родителей» – пожилую азиатскую парочку с благостным выражением лиц. Мун – корейский мультимиллионер, которому в шестнадцать лет привиделось, что миссия Христа не удалась, поэтому ему предстоит спасти человечество и объединить вокруг себя все правительства мира. Сам Сен Мун прославился тем, что организовал одновременно многолюдную свадьбу трех тысяч пар своих последователей, многие из которых видели друг друга впервые. Мунитская практика такова: новозавоеванную молодежь следует оторвать от семьи и увезти в другой город, чтобы не было путей к отступлению. Молодые живут в спартанских условиях, кормят их скудно, одевают плохо, просыпаться надо рано, ложиться поздно. Главная церемония мунитов – очищение крови. На мунитских массовых свадьбах собираются сотни женихов и невест. Они пьют напиток из двадцати одного ингредиента, в

том числе из крови и спермы Муна. Таким образом они очищаются и делаются кровными родственниками Муна, а не своих родителей. Члены секты совершают три полных земных поклона во время службы перед алтарем корейского предпринимателя и повторяют клятву верности богу, своему истинному отцу Муну и своему «истинному» отечеству – Корее. Могут ли они после этого считать себя истинными гражданами своей страны?

В самом начале перестройки один известный православный священник сказал, что сейчас некоторые люди обратились к Западу в надежде испить из чистого источника, однако многие перепутали и припали вместо этого к канализационной трубе.

Но как же молодые люди попадают в секты? И почему они проявляют к ним интерес? Во-первых, их очень часто тянет на экзотику, экстрим, что, в общем-то, естественно для их возраста. Конечно, кто-то начинает интересоваться сектами из элементарного любопытства, но зачастую они не могут найти самовыражения в повседневной жизни и думают обрести его в субкультурах. К тому же к ним обычно прибывают психически неустойчивые подростки, которые не имеют реального смысла и цели в жизни.

В каждой секте за вербовкой новых членов стоит серьезная и тщательно спланированная работа. Конечно, господа сектанты не ходят по улице с транспарантами типа «вступайте в нашу церковь!». Как правило, «братья» и «сестры» работают вдвоем или небольшой группой – так легче заманивать в свои ряды. Пристают они в основном к девушкам и паренькам, которые, судя по

внешнему виду, чем-то удручены, озабочены, расстроены. Их легче пригласить к себе и убедить остаться в их «семье».

Обычно «братья» и «сестры» встречают своих жертв на улице с завораживающей улыбкой и обязательно сообщают, что только эта религия сможет дать билет в рай. Нередко люди поддаются этим посулам, испытывая жизненные проблемы, внутренний кризис, душевный надлом. Одних привлекает возможность «поплакаться в жилетку», других – найти единомышленников, третьих – стремление избавиться от своих проблем. А дальше начинается их «бомбардировка любовью», основанная на лести. У сектантов есть даже специальный термин – «медовый месяц», когда иллюзии всеобщей любви поглощают новичка.

При первой же встрече новичка погружают в атмосферу заботы и подчеркнутого внимания к его персоне, всячески стараются внушить ему мысль, что он – очень интересная личность и с ним удивительно приятно и интересно общаться. У мунитов существует даже такой термин – «сэндвич»: когда два опытных сектанта берут новичка в плотную, заботливую опеку и ни на минуту не оставляют его без своего внимания. Конечно, не всякий может выдержать такую «бомбежку любовью» и при этом не растаять, как воск, особенно если в общении с родителями и сверстниками он лишен такого внимания и понимания. Вторая стадия обработки новичка должна подготовить его к принятию доктрины секты и сформировать у него твердое желание стать полноправным членом организации. На третьей стадии «игры с любовью» заканчиваются, поскольку в них нет нужды – у но-

вичка уже возникает устойчивый интерес и доверие к организации.

Сейчас стало модным вербовать новых людей в секты не на улице, а через Интернет. Сектанты помещают на сайте знакомств фотографии красивых людей, пишут нейтральное объявление о знакомстве, узнают координаты «клюнувших» и занимаются их обработкой... сначала по телефону.

Почему секты заинтересованы в привлечении молодых людей? Как правило, молодой член секты отличается большим рвением и самоотдачей, готов привлекать всё больше «братьев». Нередко молодой человек тащит за собой в новую «семью» всех своих друзей. Но много случаев попадания в секту одиноких молодых людей. Но в секте и один новенький – уже достижение. Причем вербовать стараются студентов, идеалистов, романтиков, выходцев из семей с высоким достатком.

Конечно, никакими угрозами и запретами нельзя удержать человека от вступления в секту, если он сам не осознает грозящую ему опасность. Можно только предупредить, посоветовать, дать ему соответствующую информацию, чтобы он трижды подумал, прежде чем сделать неверный шаг. Но главное – не столько знать о сектах, сколько иметь голову на плечах, чтобы туда не попасть.

Ну а всем желающим просветиться психологи и специалисты предлагают небольшой список «отпугиваний» для сектантов, вступивших с вами в разговор.

– Если вам будут «пихать» цитаты из Библии, поинтересуйтесь, в чьем переводе она выполнена. Русская Православная Церковь признает только Синодальный перевод. Если перевод будет другим – задумайтесь.

– Если вам не говорят, кем вы полнен перевод, это тоже является поводом «делать ноги».

– Если вас «тычут носом» в 54-ю главу Евангелия (как было однажды с неким Петром, но слышком информированным юношей) – знайте, что такой главы не существует! Мало того: самое длинное Евангелие от Матфея содержит 28 глав.

– Спросите, знает ли «проповедник» историю собственной церкви.

– Попробуйте сказать, что хотите отвести нового «брата» к знакомому священнику из Русской Православной Церкви или мулле из мечети.

– Можно припугнуть надоедливой «брата» банальной фразой: «Милицию позову!» Сразу увидите – он исчезнет.

– Если вы не уверены, что сможете выдержать «атаку», то с «братьями» лучше не разговаривать и ни в коем случае ничего у них не брать. И, наконец:

– помните, что представители традиционных религий никогда не проповедают на улицах, а тем более – не распространяют никакой литературы.

И даже когда мы проходим по улице и видим, как сектанты «обрабатывают» какого-то человека, наш долг подойти и хотя бы предупредить этого человека о том, что он говорит с сектантом...

Замечательный немецкий поэт Райнер Мария Рильке как-то сказал о России, что в то время как остальные страны граничат друг с другом, она граничит с Богом. А потому лучше читать Вечную книгу – великую Библию, чем труды лжепророков. И серьезно относиться к своей душе. Она заслуживает этого.

Николай ИВАНОВ

КУМИРЫ И ЗВЁЗДЫ

Еще несколько лет назад об этом актере говорили, что он – единственная настоящая звезда нового поколения. Сейчас – что он единственный действующий русский актер в Голливуде. Ему клеили разные ярлыки: секс-символ, русский Бандерас, наш посланник на «фабрике звезд»... Сам же он предпочитает задушевное кино и роли очень сложных характерных персонажей, чья мужская привлекательность – не во внешних данных, а в глубине душевных переживаний и силе поступков. А вообще он не числит себя звездой. Потому что главное, как считает

ВЛАДИМИР МАШКОВ: «РАБОТАТЬ И НЕ ЗАДУМЫВАТЬСЯ ОБ УСПЕХЕ»

Когда-то, полсотни лет назад, театр «Современник» должен был открываться пьесой Александра Галича «Матросская тишина». Но пьесу запретили. И вот, уже будучи руководителем курса в театральном институте, Олег Павлович Табаков вернулся к «секретной» прежде пьесе и начал репетировать ее со своими студентами. Все были уверены, что главную роль старика Шварца будет играть сам метр. Но неожиданно для всех мастер доверил ее своему двадцатичетырехлетнему ученику Володе Машкову. С тех пор он четыреста раз выходил на сцену в образе семидесятилетнего еврея Абрама Шварца.

«Папа»

На протяжении всех этих лет пронзительная история отцовской любви и прощения не давала актеру покоя, пока он не осуществил свою мечту – перенести театральную постановку на экран. На то была очень серьезная причина. Так получилось, что Владимир не

разговаривал с родителями три года, а они только перед смертью простили ему неожиданную для них женитьбу сына и драки, из-за которых его выгоняли из театральных вузов.

Когда Владимиру Машкову исполнилось сорок лет, он преподнес себе самый главный и долгожданный подарок, завершив съемки фильма «Папа» по пьесе Александра Галича «Матросская тишина». В этом фильме он – режиссер, автор сценария, один из продюсеров и исполнитель главной роли – старого еврея Шварца, сыном которого стал на экране Егор Беров. Сюжет фильма довольно прост: отец заставляет сына изо дня в день играть на скрипке, пока Давид не поступит в Московскую консерваторию и к нему не приходит слава на все-союзном конкурсе исполнителей. Отец приезжает, чтобы разделить радость сына, но тот стыдится его и отказывается с ним общаться. Но отец всё равно полон любви к своему ребенку: «Теперь не важно, кто выйдет на сцену Большого зала Консерватории – ты или твой сын. Ах, как он будет гордиться тобой. И он скажет, что мой папа сделал меня тем, что я есть».

Сын так и не успевает покаяться перед отцом, потому что война отбирает жизни у них обоих, – вечная история о любви, предательстве и прощении. «У меня есть много личного, связанного с этой темой, – говорит актер. – Так получилось, что с моим отъездом из родного города не стало моей семьи, мама с папой умерли очень скоро, им просто незачем стало жить. Это моя вина и моя боль. Долгое время я не мог приезжать на могилу родителей, пока учился – просто не было денег на дорогу. А потом я потерял родительскую могилу, просто ходил по кладбищу

и не мог найти, сколько бы раз ни приезжал – словно она исчезла вообще. Сейчас я вернулся домой с фильмом, представляете, как меня встречали: уезжал двоечник и хулиган, а вернулся торжественно на машине с "мигалками". Показал землякам картину, а потом мы с братом (старший брат Владимира Mashкова – Виталий Константинович Никифоров) пошли на кладбище, и вот мистика: нашли могилу. Это было для меня знаком, что я всё делаю правильно... И я с настойчивостью идиота в сотый раз повторю – единственные люди, которые нас любят ни за что, – это наши родители. Мне кажется, что сейчас как никогда много появилось людей, остро чувствующих необходимость покаяться перед родителями и перед детьми. Ошибочно считается, что дети – наше будущее. Наше будущее – родители. Это не я придумал, по-моему, это постулат какой-то восточной религии, но я чувствую, что это именно так. Мы идем следом за родителями, по-

вторяем их путь, и нас ждет тот же самый исход, что их. От того, насколько этот путь наполнен нашей любовью к ним, зависят отношения с нашими собственными детьми – они идут уже за нами, и мы их будущее».

Машков признаётся, что этот фильм – его покаяние перед собственными родителями. И он ему очень дорог. Ради съемок «Папы» он отказался даже от роли напарника Анджелины Джоли в «крутом» голливудском блокбастере «Лара Крофт 2». Пришлось выбирать. И Владимир выбрал самое главное для него.

Детство Владимира Mashкова было полно приключений. Когда мальчику было шесть лет, он заболел менингитом: «Это, наверное, самый первый яркий период моей жизни. Я четыре месяца лежал на спине, как овощ. И притом в карантине. Мне сделали больше четырехсот уколов в ноги. Я отмечал их метками на стене. И еще брали костный мозг, втыкая толстую иглу в позвоночник. Как вспомню, так вздрогну. Одно неловкое движение, твое или врача, – и ты парализован. Головная боль была такая чудовищная, что мама приносила мне розовое масло, чтобы во время приступов я вдыхал его запах. Но эта боль позволила мне понять пределы своего существования. Все боли, которые были потом, не шли ни в какое сравнение с этой. Наверное, это было и самое героическое время в моей жизни. В результате менингит меня закалил. Потом я заново выучился ходить. Когда меня выписали, родителям выдали список того, что мне было нельзя. Смеяться нельзя, грустить нельзя, играть нельзя, холодного и горячего не есть и так далее. Что мне оставалось? Дома ковырялся с

пауками и тараканами, благо их было в избытке. Пытался установить, почему тараканы не попадают в паучи сети. Когда выходил во двор, возился с муравьями. Стал читать научную литературу, однажды написал в журнал "Юный натуралист" про обнаруженного мной в Новокузнецке красноклопа, о котором в энциклопедии было написано, что он встречается в европейской части СССР. Мою наблюдательность очень похвалили, но сказали, что это, увы, не открытие». Вот так началась его любовь к разной живности.

В одной из комнат родительской «хрущовки» он устроил настоящий зоопарк: четыре клетки с крысами, белка, хомяк, ворона, черепаха, кролик, две собаки. В детстве мечтал стать биологом. Однако к десятому классу к биологии охладел и всерьез увлекся театром. Еще бы: семья была театральная.

Родился Владимир в Туле. Его бабушка – итальянка по происхождению – приехала в Россию учительствовать, вышла замуж и родила дочь Наталью, будущую маму Машкова. Наталья Ивановна дважды выходила замуж. В первом браке у нее родился сын Виталий. Владимир появился на свет 27 ноября 1963 года, когда его мать была уже в повторном браке за обаятельным и энергичным актером Львом Петровичем Машковым.

В середине шестидесятых годов семья переехала в Новокузнецк. Мать стала главным режиссером театра кукол, отец – актером этого театра. Наталья Ивановна к театру относилась с благоговением, всегда приходила на работу нарядной, а «эсклюзивные» юбки и платья ей шил муж. Он вообще был мастер на все руки: постоянно что-то пилил, строгал,

ремонтничал электроприборы, хорошо готовил. Льва Петровича обожал весь театр, который восхищался его шутками. Бывало, он приходит на репетицию и спрашивает: «Знаете, кто был поваром у Ленского? День! "Что день грядущий мне готовит?" Так у Пушкина». «Родители очень любили друг друга, – говорит сводный брат Владимира Виталий Никифоров. – А если случались скандалы, то исключительно на тему неправильного понимания системы Станиславского». Лев Петрович был настоящей душой театра – он постоянно балагурил, поднимая настроение всему коллективу. Дети просто обожали Володино папу – он виртуозно работал с двумя куклами одновременно, разговаривая разными голосами.

От талантливых родителей Володя перенял безумное рвение к профессии, которое вошло в него буквально на генетическом уровне. Жизнь мальчика прошла

за кулисами кукольного театра и на гастролях, когда он вместе с родителями ездил в автобусе по пионерским лагерям, а в десятом классе сам стал выходить на сцену театра кукол. В школьные годы Машков неплохо играл на гитаре, на стенах его комнаты старший брат нарисовал Пола Маккартни, Сюзи Кватро и Иисуса Христа из оперы «Суперстар».

С учебой только дело не ладилось. «Учился Вовка отвратительно, – рассказывает Виталий. – Школы менял из-за “неудов” по поведению”. Улица подарила ему кличку Доминос. Был такой немецкий фильм «Банда Доминоса». Вот и прозвали Машкова в честь главаря банды. И не без оснований.

Воспитывала парня улица: он рано начал курить, баловаться портвейном. Компания подростков увлекалась тем, что помогала местным заключенным, кидая им хлеб и курево. Взамен получали авторучки, браслеты, которые те изготавливали. Один из браслетов сохранился у актера до сих пор. А еще ребята взбирались на строительный кран и с него прыгали на недостроенный этаж шестнадцатизэтажного дома. Причем верхом мужества считалось не проползти по стреле крана, а пройти в полный рост. Ну и самое опасное – угон автотранспорта: на их счету было пятнадцать мотоциклов и одна машина. Поймать их не поймали, но в тюрьму они всё-таки попали: распивали группой портвейн во дворе, а мимо прошел парень, который ухаживал за первой красавицей их двора. Тут едва не вышла драка. Когда мальчишки допили вино, они решили всё-таки наказать заносчивого парня. По водосточной трубе залезли на балкон этой девушки. А когда оказались в ква-

ртире, увидели ее завернутой в одеяло. Девушка была мертва. Ночью всех взяли, в КПЗ сильно избили, обвинив в групповом убийстве соседки. Хорошо, что через три недели нашли настоящего убийцу и всех отпустили.

После окончания школы Машкову чуть не пришлось служить в армии. И вот что с ним произошло: «Я был отправлен в армию в так называемом отстойнике для призывников куда-то на границу, в сторону Владивостока. Еще где-то у Абакана, недалеко от дома, у меня возник конфликт с прапорщиком, и я уронил ему на голову чемодан. Случайно. Нас с товарищем должны были снять с поезда и отправить в дисбат, но поскольку мы еще не приняли присягу, меня отправили назад в Новокузнецк для проверки в психоневрологическом диспансере. А там – счастливое стечение обстоятельств – работал замечательный врач, молодой еще че-

ловец, у которого дети ходили в наш кукольный театр. Он спросил, хочу ли я в армию. У меня хватило ума и смелости, чтобы сказать: "Не хочу". И проработав среди психов три месяца, я был отпущен на волю».

В конце семидесятых годов семья Машковых перебралась в Новосибирск. Владимир подал документы на биологический факультет университета. Но любовь к театру взяла свое.

На первом курсе Машков с самого начала показал себя одаренным и трудолюбивым студентом. «Володя пришел к нам в 1981 году, – говорит преподаватель по сценической речи Наталья Николькова. – Был одет по последней моде – в разухабистых клешах, усатый, длинноволосый. Этакая дворовая звезда с гитарой...»

«На вступительных экзаменах Володя понравился комиссии, – вспоминает бывший директор училища Татьяна Байтуганова. – У нас есть маленький профессиональный секрет. Часто бывает: перед комиссией абитуриент робеет, хотя только что, по ту сторону двери аудитории, чувствовал себя свободно. Поэтому мы потихоньку подглядываем за тем, как поступающие ведут себя в коридоре. Так вот Володя стал студентом во многом благодаря нашей "шпионской" деятельности: в нём бурлила энергия, он ни минуты не стоял на месте, не выпускал гитару из рук, постоянно изображал кого-то. Всё это нас и подкупило! А потом оказалось, что он не только хорошо пел, но и сочинял музыку, писал стихи...»

На вступительных экзаменах Машков получил такие отметки: мастерство актера – 4, слух – 5, ритм – 5, голос – 5. И несмотря на «тройки» по русскому языку, ли-

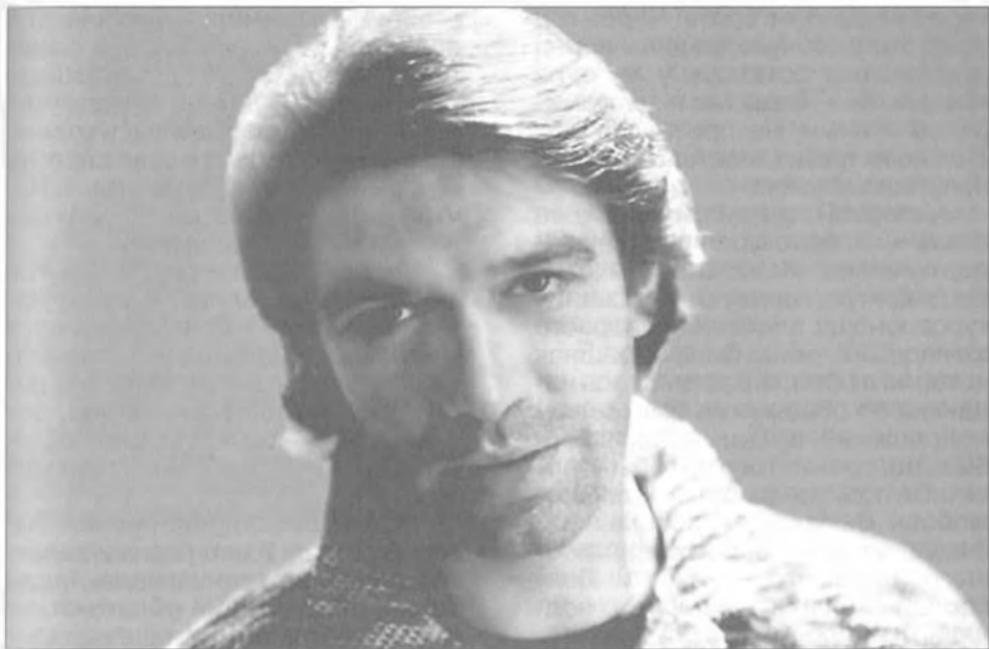
тературе и истории СССР, Владимира приняли в «театралку».

Своего общежития у училища не было. Некоторое время Машков, как и многие студенты, обитал в рабочей общаге на улице Тополёвая – старой трехэтажке барачного типа. Потом он снял комнату – в квартире почти без мебели, с пьющей хозяйкой, зато дешево. А друзьям со смехом рассказывал, что живет у «совершенно сумасшедшей старушки».

В те времена в театральном училище было тесно, не хватало аудиторий для занятий. Городские власти выделили первый и полуподвальный этажи двух зданий начала века, и каждый день студенты бегали из одного в другое. Сейчас в помещении, где когда-то Владимир и его сокурсники, звеня рапирами, декламировали монологи из пьес Шекспира, находится областная прокуратура и художественное училище.

«Жили мы весело, несмотря на

крошечные стипендии в тридцать пять рублей, – вспоминает однокурсник Машкова Николай Соловьев – сейчас заслуженный артист РФ, сценарист. – Чего только не вытворяли! На новогоднем капустнике изображали зайцев: уши длиннющие прицепили и давай куплеты петь! Между прочим, заняли первое место!.. А чтобы не сидеть без денег – подрабатывали. Мы с Володей как-то подрабатывались мыть полы в поликлинике. А когда в регистратуре никого не было, садились к окошkam и с серьезным видом расспрашивали пациентов о симптомах болезней. Нас далеко не сразу раскалывали! Еще Володя подрабатывал Дедом Морозом на елках. Однажды он простыл, пропал голос, и я его подменял. Ни слов, ни сценария не знаю! Это был кошмар: куча детей, шум стоит несусветный! С тех пор я ни разу Дедом Морозом не был: нужны особенные силы. А Машков – ничего, справлялся».

Поначалу родители гордились сыном – стал одним из лучших учеников. Но однажды телефонный звонок разрушил их иллюзии: «Я женился!» – поставил в известность маму и папу будущий актер. Родители были в шоке: женился, ничего им прежде не сказав, и молодые супруги уже ждут ребенка... Дальше – новая неожиданность: их сына, студента-отличника, выгнали из Новосибирского театрального училища, а позднее – из Школы-студии МХАТ. С этого момента отношения Владимира с отцом и матерью стали натянутыми. Они очень переживали неудачи сына и никому не рассказывали о них в своем театре – стеснялись. А он перестал бывать в родительском доме и общаться с родителями. Связывающим звеном с семьей оставался только брат Виталий, который часто бывал в Москве в командировках и докладывал, как живут родители. О смерти матери Владимир узнал

через неделю от брата. Через год умер отец... И чувство вины перед родителями осталось у него на всю жизнь — ведь так и не помирился с ними, не признался, как сильно их любит, и остался для них непутевым сыном.

А первой супругой Машкова стала его однокурсница, семнадцатилетняя Лена Шевченко. В признанную первую красавицу курса юноша влюбился с первого взгляда: «У меня была страшная история любви, страсти. Здесь недалеко от общежития был железнодорожный вокзал... Так вот, я был на грани того, чтобы броситься под поезд. У нас большая любовь была». Как вспоминают сокурсники, на дне рождения общего знакомого Володю и Лену посадили рядом. Они просто подняли глаза друг на друга — и пропали оба.

Дочь летчика, Лена жила в Толмачёво, пригороде Новосибирска, недалеко от аэропорта. «Какое-то время Лена работала стюардессой. Однажды дала мне телеграмму, чтобы я ее встретил, —

говорит Владимир. — Я приехал в аэропорт, и оказалось, что самолет опаздывает. Не дождавшись, уехал домой. Лена прилетела ночью и сразу направилась ко мне. Тихонько постучала в окно спальни и через него влезла внутрь... Наутро родители узнали, что у их сына есть любимая девушка.

Затем мы разругались и три месяца не виделись. А когда начался учебный год, встретились в училище. Лена подошла и сказала: "Вовка, женись на мне!" Я попросил повторить сказанное, боясь, что ослышался, и она повторила. После этого мы поженились.

Но в наших отношениях всё было непросто. У нас разные характеры — мы как огонь и вода. Таким людям тяжело даже общаться, не то что жить вместе. А еще нас заедал быт, потому что мы были нищими. Когда я пробивал дорогу в Москве, Лена родила дочь Машу. Ее появлению на свет я был очень рад, вот только отношения с женой становились всё хуже и хуже».

Все студенты переживали, как

С актером Борисом Хмельницким

В одном из первых фильмов - «Лимита»

сложатся их отношения, — оба импульсивные, взрывные. Им даже частушку на свадьбе спели: «Прощай, Европа! Прощай, Америка! Гуляет Толмачёво — женятся два холерика...»

Молодые сняли квартиру. На занятиях она оба были звездами курса, а дома бурно выясняли отношения по любому поводу. После очередной семейной ссоры Елена (она тогда уже была беременна) пожаловалась на мужа педагогам. Для «проработки» супруга решено было устроить комсомольское собрание. Узнав об этом, он ушел из училища, не окончив третий курс, и уехал в Москву. Правда, есть и еще одна версия этого события — Машкова выгнали за драку. Но это уже по прошествии многих лет не столь важно. Главное, что он понял: надо что-то менять. Кардинально. Владимир и Елена развелись. И на этом тема личной жизни актера остается за пределами этой статьи...

«...Я приехал в Москву с бело-красной сумкой с надписью "СССР". Иду в Школу-студию МХАТ. И вдруг меня со всех сторон оцепляют менты. Спрашива-

ют: "Куда?" Я тыкаю в сторону Школы-студии и говорю: "Туда. Я студент. Хочу прослушаться". — "Зачем? Что в сумке?" Обыскали, а потом говорят: "Ты знаешь, что произошло? Умер один человек!" Оказалось, скончался Андропов. И почему-то в центре Москвы решили выставить оцепление, из которого некоторое время не выпускали. Я просидел в подъезде пять часов, курил.

Я приехал зимой, когда никого не принимают. Педагоги со мной поговорили и посоветовали вернуться летом. Тогда я рванул в Питер. У меня было тридцать рублей, и я на попутках туда добирался. В Питере меня прослушивали Владимиров и Боярский. Миша пришел то ли выпивши, то ли еще какой, короче, ему было хорошо. Послушал меня и говорит: "Очень хорошо. Летом приезжайте!"

Вот летом я и вернулся в Москву. Поступил в Школу-студию МХАТ на курс к Тарханову. Через полгода меня выгнали за драку. И отправили в ссылку в ефремовский МХАТ. Я работал там помойщиком и раскройщиком декораций. Был неприятный момент. От отчаяния я лежал в общежитии. Ребята со старших курсов принесли мне водку.

Я лежал, выпивал, курил. Хотя меня пообещали восстановить на том же курсе, но летом предложили поступать снова. Я подал документы во все театральные вузы. И когда я приходил в другие институты на прослушивание, мне тут же говорили: "Это Машков? Он конченный хулиган! Его брать нельзя!" И меня никуда не пропускали. Во ВГИКе меня здорово обломали, сказав, что у меня некинематографические данные. В конце концов я снова пошел в Школу-студию МХАТ, где первый курс

набирал Табаков. Большинство педагогов там меня ненавидели, и они были в шоке оттого, что я решил вернуться. И когда я выходил из аудитории после прослушивания, кто-то из преподавателей крикнул мне вслед: "Его нельзя брать! Он – убийца!" Но меня всё-таки взяли. И те педагоги, которые меня раньше ненавидели, в конце концов вручили мне красный диплом».

Когда Владимира выгнали из училища, он не собирался так просто сдаваться. Устроился рабочим в филиал театра Табакова и однажды столкнулся с ним на ступеньках лестничного пролета. Метр как раз набирал свой курс, и Машков попросил посмотреть, не возьмет ли он его в свою мастерскую. Что уж тут сыграло главную роль – прозорливость мастера или бутылка с соляной кислотой в руках просителя, но Табаков принял изгнанника на свой курс.

«Ох и жесток же он был со

мной! Если я играл этюды и достаточно хорошо, – вспоминает актер годы учебы, – не скупился на эпитеты вроде "какое же я барахло". Я лез из кожи вон, чтобы убедить учителя, что я не случайный в этой профессии». Через несколько лет Табаков скажет, что именно Машкова считает своим творческим наследником и в будущем именно ему доверит свою «Табакерку».

Так что совсем не случайно после окончания Школы-студии МХАТ Владимир Машков оказался в театре, которым руководит Табаков. Он был задействован в нескольких театральных спектаклях, а когда вдруг увлекся режиссурой, поставил спектакли «Звездный час по местному времени», «Страсти по Бумбарашу» и «Смертельный номер» в этом же театре. А в «Сатириконе» вышла еще одна его работа – «Трёхгрошовая опера».

Дебют Владимира Машкова в кино состоялся в мелодраме «Зеленый огонь козы», затем последовали роли в фильмах «Делай-раз» и «Любовь на острове смерти». Звездным для актера стал 1994 год, когда он исполнил главные роли в фильмах молодых российских режиссеров, ознаменовавших собой новый этап отечественного кинематографа: в «Лимите» Дениса Евстигнеева и в драме «Подмосковные вечера» Валерия Тодоровского, а в следующем году ярко заявил о себе в комической мелодраме «Американская дочь» Карена Шахназарова.

За роль в картине «Лимита» Машков был удостоен призов на разных международных и отечественных кинофестивалях. «Когда с "Лимитой" я побывал на Каннском фестивале, — говорит актер, — со мной произошла забавная история. Пригасили на общий банкет. Мне открыли дверцу у красной дорожки, я вышел из машины и почувствовал ровно шесть секунд мировой славы. Рев толпы, вспышки фотокамер, овации. К глазам подступили слезы. И вдруг за моей спиной показался какой-то мужчина в желтой рубашке. Он втянул голову в плечи и — бегом в зал. А толпа ему вслед так и выдохнула: "Микки Рурк!" Оказалось, всё, что я получил за эти шесть секунд, предназначалось ему».

Еще одной великолепной работой актера стала главная роль Толяна в фильме «Вор» Павла Чухрая, который сказал о Машкове: «Это большой артист, любимый зрителем, которому не надо объяснять все достоинства артиста. Кроме профессии и таланта, он обладает сумасшедшей человеческой энергетикой, которая доходит до каждого, кто сидит в зрительном зале». Фильм получил

множество призов и даже был выдвинут на «Оскар». Конечно, было бы очень здорово, если бы Владимир стал обладателем престижнейшего приза, но даже сама номинация считается очень большим достижением.

К тому же с этого фильма началась голливудская эпопея Машкова. Картина собрала в Штатах отличную прессу, попала в курс лекций, которые читают в киношколах. Его заметил Майкл Рэдфорд, английский режиссер, снявший замечательный фильм «Почтальон». Началось с того, что он посмотрел «Вора» и решил, что ему нужен Машков. Отыскал его в Испании, прилетел туда на два дня. А потом Машков поехал на съемки, сыграл у него в «Танцах в Голубой игуане». Последовали и другие роли. Так всё и закрутилось. С россиянином заключила контракт самая известная в мире киностудия. В картине «Американская рапсодия» ему посчастли-

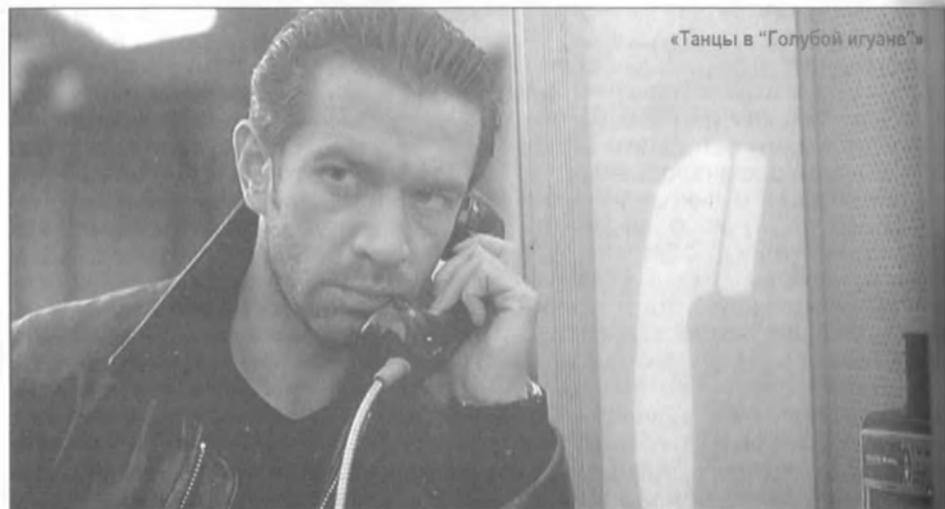
вилось быть партнером популярнейшей актрисы Настасьи Кински, в боевике «В тылу врага» — Джин Хэкмен.

«У нас говорят, что на Западе к русским актерам относятся снисходительно. На себе я этого не испытывал никогда, — признаётся актер. — Наоборот, мне старались как-то помочь. Например, Роберт Де Ниро во время репетиций «Доброго пастыря», понимая, что я волнуюсь, сказал: "Володя, не думай о том, как сделать роль. Попробуй следовать своему инстинкту. Он не обманет". Очень верное замечание, правда, оно идет несколько вразрез с системой Станиславского. Хотя в кино есть еще одна система, которую продемонстрировал Жан Габен. Когда ему нужно было изобразить реакцию мужа, который застаёт жену с любовником, он попросил ассистента принести таз с очень горячей водой и поставить в прихожую. Оператору же скомандовал снимать крупным планом его лицо, когда он вступит в кипяток. Актеры театральной школы настороженно относятся к таким приемам: "Ты

попробуй это сыграть!" Но ведь зритель не видит ног в кипятке. Он видит на экране глаза актера, в которых отражается боль.

А вот Бандерас после завершения съемок прослезился, обнял меня и сказал: "Брат, я тебя так долго искал!"»

В 1997 году Машков попробовал себя в качестве кинорежиссера — поставил новогоднюю комедию «Сирота казанская». В главной роли выступила его бывшая жена. Роли отцов писались специально под Олега Табакова, Валентина Гафта и Льва Дурова. Валентин Гафт после выхода картины на экраны часто повторял «Не иначе Машков сидел под столом у Немировича-Данченко и Станиславского, набираясь ума-разума, когда те решали за чашкой чая судьбы русской актерской школы». Олег Павлович признался своему прежде нелюбимому студенту, что съемки прошли в атмосфере веселья, нежности и взаимной любви. Третий папакосмонавт, Лев Дуров, поведал: «Мне понравилось работать с Машковым. У него как режиссера

«Танцы в "Голубой игуане"»

не было почтения к тем звездам, которых он снимал. На площадке именно он был главным, но при этом ни разу не повысил голоса. А картина, на мой взгляд, получилась хорошая».

Сам Машков был настолько потрясен работой этих актеров, что часто говорил: «Табаков, Гафт и Дуров - всеми признаны и любимы. Они могли вести себя бесцеремонно с новичком в режиссуре, но и на этих съемках они не переставали учиться. С другой стороны, если будешь говорить им глупости, они поймут, что идти за этим человеком не стоит, и не промолчат».

В новый век Владимир Машков вступил уже признанным мастером отечественного кино и театра - великолепным актером и многообещающим режиссером. В 2000 году появилась на экранах историческая лента «Русский бунт», в которой Машков воплотил

образ Емельяна Пугачева, затем в нашумевшей драме «Олигарх» сыграл российского миллионера Платона Маковского, в котором явственно угадывался небезызвестный отечественный олигарх Березовский, да еще и поставил на сцене МХАТ спектакль «Номер 13» по пьесе Рея Куни.

Последние работы Машкова в кино еще раз подтвердили слова Олега Табакова: «Машков - это Актер». В смысле - с большой буквы. Он бесконечно предан своему делу. Снимаясь, например, в фильме Алексея Учителя «Густав», который скоро выйдет на экраны, построил себе спортзал, чтобы постоянно быть в отличной физической форме. Собственно, спортзалом в полном смысле этого слова назвать подобное сооружение было нельзя: рабочие сколотили из досок небольшой сарайчик, подвластный всем ветрам. Но Машкова это вполне устраивало, поскольку

здесь можно было разместить турник и простенькие снаряды для занятия спортом.

Многосерийный фильм режиссера Сергея Урсуляка «Ликвидация», в котором Машков сыграл главную роль – начальника УГРО – стал настоящим суперхитом 2007 года. Острый сюжет, постоянное напряжение и накал страстей, которые сопутствуют фильму с первой до последней минуты, дают ему шанс повторить успех «Места встречи...». Все сходится во мнении, что «Ликвидация» смотрится на одном дыхании, как и знаменитая говорухинская лента.

Фильм основан на реальных событиях. Под руководством маршала Жукова одесское УГРО повел масштабное наступление на обнаглевший криминал. Силами ОУР проведены несколько операций, спланированных по всем правилам военного искусства. По официальным сводкам преступность в Одессе стала резко схо-

дить на нет. В фильме реалистично выписаны характеры героев – как положительных, так и отрицательных. Некоторые судьбы были списаны с реальных персонажей.

Правой рукой маршала Жукова по фильму был Давид Гоцман, начальник отдела уголовного розыска по борьбе с бандитизмом. Все родные и близкие Гоцмана погибли во время войны. Остались только два друга детства – летчик Марк, контуженный на фронте, и Фима Петров, бывший вор-карманник, ставший опером. Когда опальный маршал Жуков въезжает в город, руководство Одессы сразу же ощущает на себе тяжелую руку творца Победы. Гоцман берется за расследование ограбления на Арбузной улице, а Фима проводит допрос Сеньки Шалого, раскалывает его, и тот указывает место, где его банда прятала награбленное. Вечером у тайника с украденным обмундированием расстреляна охрана. Случайным

«Ликвидация»

Сценарий фильма основывается на реальных событиях, происходивших в послевоенной Одессе, в том же самом месте. Удивительно, но факт – Одесская киностудия снимала кино про москвича Жеглова из МУРа, а Мосфильм снял фильм про одессита Гоцмана.

Режиссер сериала «Ликвидация» Сергей Урсуляк считает Владимира Машкова прямым наследником звезд прошлого: «Я могу это с полным правом утверждать, поскольку имею опыт работы с такими выдающимися мастерами, как Михаил Ульянов, Олег Ефремов, Вячеслав Тихонов. Моя работа с Машковым – это семь месяцев счастья. При общении с ним меня покоряет разница между внешним имиджем "брутального мачо" и художника с нежной и тонкой душой. Работая с таким профессионалом, понимаешь, почему музыканты так ценят инструменты великих мастеров – скрипки Страдивари или Амати. Потому что на них можно добиться любого звучания – только правильно води смычком. Хотелось бы, чтобы режиссеры и роли, которые предлагают Владимиру, соответствовали бы уровню дарования этого действительно крупного и замечательного актера».

На сериал обрушился поток премий, но настоящим сюрпризом для актера стала премия ФСБ России: «Мне кажется, что у актера и разведчика очень много общего. И в той и в другой профессии важны мельчайшие детали. Если твою работу так высоко оценивают профессионалы – это очень важно».

А за год до «Ликвидации» был фильм «Охота на пиранию» – отечественный боевик режиссера Андрея Кавуна – современное российское кино в жанре экшен.

свидетелем нападения становится беспризорный пацан Мишка-Карась, который сообщает об этом в милицию. По горячим следам Гоцман и его команда организуют погоню. И это только начало. В первой серии зрителей ждало немало приключений, пиком которых стала любовная драма.

Ставку Жукова снимали во Дворце моряков, хотя с июня 1946 по февраль 1948 года ставка находилась в здании штаба Одесского военного округа. Снимать кино в нём было нельзя, потому что это до сих пор режимный объект – штаб округа и поныне там. Поэтому решили «загримировать» под ставку Жукова здание Дворца моряков на Приморском бульваре.

В трех эпизодах фильма в кадре появляется старинный трамвайчик: герой Владимира Машкова гоняется на нём за бандитами. Это настоящий трамвай 1932 года выпуска.

Звездный актерский состав и сценарий по циклу книг Александра Бушкова – всё это обеспечило фильму успех у зрителей. Владимир Машков здесь самостоятельно, без дублеров, исполняет сложнейшие каскадерские трюки, а Евгений Миронов, специально выкрашенный в блондина, впервые играет по-настоящему отрицательную роль.

Сюжет фильма чем-то напоминает похождения Джеймса Бонда. Агент спецподразделения «Пираны» Кирилл Мазур (Владимир Машков) с коллегой Ольгой (Светланой Антоновой) отправляются в сибирскую тайгу со спецзаданием – ликвидировать склад секретного оружия. Неожиданно они попадают в плен к странному лесным поселенцам-старообрядцам, которые, как выясняется, то самое оружие и охраняют. Руководит ими новый «хозяин тайги» Прохор (Евгений Миронов), который на досуге вместе со своей подружкой развлекается охотой

на людей. Стоит ли объяснять, что как только герои Машкова и Антоновой попытаются сбежать из плена вместе с двумя другими узниками, оказавшимися там до них, охота как раз и начнется. И вместо того, чтобы спасти мир, Мазуру придется спасать себя и свою напарницу.

Дуэт Машков-Миронов уже появлялся на съемочных площадках в картинах «Лимита», «Мама», и особенно запомнился по сериалу «Идиот» – там это были князь Мышкин и Парфен Рогожин.

Мерзавец из Миронова получился действительно настоящий – он нюхает кокаин, убивает людей и при этом рассуждает об учении Канта. А вот герой Машкова предстает в образе настоящего героя-мачо: отрезает в кадре косу у подруги, чтобы сделать из волос тетиву для лука, купается обнаженным под струями водопада и почти на всё происходящее реагирует спокойной фразой: «Ну, это нормально».

«Охота на пиранию»

Кстати, именно возможность самостоятельно исполнить все трюки была особым условием участия Владимира Машкова в фильме. В результате он предстает в картине в великолепной физической форме и демонстрирует на площадке высший пилотаж: фехтует, дерется, уворачивается от топора. Сцены драк снимали по голливудским технологиям: чтобы запечатлеть Машкова в прыжке, его пристегивали тросом к специальному крану, а в тот момент, когда он наносил удар ногой, поднимали на определенную высоту. Досталось и герою Евгения Миронова – помимо участия в батальных сценах, в одном из эпизодов ему пришлось гореть. «Ребята на моих глазах соорудили какую-то штуковину, которую ко мне прицепили. Огонь горел на очень небольшом расстоянии от меня. Все в группе почему-то очень волновались, а я один был спокоен», – вспоминал актер. А в сцене, где герои Машкова и Миронова дерутся на шпатах на крыше несущегося поезда, Евгений Миронов так вошел в раж, что разрубил пополам свисавший над ним на длинной «удочке» микрофон звукорежиссера.

Но самый сложный трюк, по словам режиссера, исполнила актриса Светлана Антонова – ей прямо в кадре Владимир Машков отрезал косу. Разумеется, сцену снимали с одного дубля.

«Я хочу обратить внимание, что в нашем экшене двух главных героев играют люди, которые, к примеру, играли князя Мышкина и Парфена Рогожина, – заметил продюсер картины Валерий Тодоровский. – Когда такие актеры приходят в экшен, тогда и получается экшен с человеческим лицом. Всегда считалось, что герой этого жанра – безликое лицо с

нагромождением мышц. Мы доказываем, что одно другого не исключает. Наш главный герой – серьезный, умный и в отличной физической форме. И если бы в фильме не было вот этого особенного взгляда Машкова, такого злодея Миронова, то исчезла бы вся изюминка».

«Я получаю огромное удовольствие от съемок, – рассказывает Владимир. – Меня кидают, как в «Диснейленде». Подобного у меня еще никогда не было в кино. Здесь работают очень профессиональные ребята. Каждый день я приобретаю здесь массу новых навыков. Приходится поддерживать себя в хорошей физической форме. Кроме того, мне кажется, что на нашей площадке рождается новый жанр. Обычно мы видим либо комедию, либо боевик, где сплошные ужасы. А мы здесь пытаемся соединить комическое начало и эстетику боевика».

Машков – типичный экстремал. В детстве прыгал со стрелы строительного крана. Повзрослев, на приличной скорости вылез из окна машины, которую вел приятель, на крышу авто: упал, здорово ободрался – гримеры были в ужасе. Но при необходимости мог бы повторить этот трюк и сейчас. Любит гонять на мотоцикле и всерьез намеревается вместе с Фёдором Конюховым переплыть океан на двухместной лодке. Что ж, всё это вполне соответствует его пониманию того, что представляет собой профессия актера. Идеал актера для него – джинн из сказки об Аладдине: «Потому что он может всё. Может быть кем угодно и каким угодно. Актер – это джинн, волшебник». Машков умеет быть всё время разным – работать и не задумываться об успехе.

Сергей ЧАЙКИН

НА НАШИХ ЭКРАНАХ

ОТКРЫЛАСЬ 66-я Венецианская биеннале – последний крупный международный киносмотр 2009 года. Дальше – фестивальное затишье. И хотя в кино всё решает прокат и наши с вами предпочтения, еще остались в мире авторы, для которых фестивальные призы, признание мировой критики и узкой элитной (как декабристы, страшно далекой от народа!) части зрителей куда как важнее. 2009-й интересен тем, что позволяет сделать вывод: не только прокат сменил ориентацию и крутит в подведомственных кинотеатрах преимущественно коммерческую муру «а ля телемыло», но и самые престижные мировые фестивали – Берлин, Канн, Венеция – тоже ищут выход на более-менее широкого зрителя, стараясь при этом не потерять «свое лицо» и «не власть в ничтожество». Отборщики сентябрьской Венеции всячески старались избежать кризиса и выбрали в конкурс авторов, известных своим трудолюбием на ниве артхаузного кинематографа. Если в Канне – и мы уже писали об этом – собрали VIP-авторов, перешеголавших беспримерной жесткостью мастеровитых коммерческих режиссеров-лидеров кассы, то в Венеции собрали тех, кто исправно «гнет свою линию», интерпретируя темы, интересные массовому зрителю, но в манере, дорогой сердцу самого автора. В конкурсной программе третью часть своей киберпанковской трилогии «Тецуо: человек-пуля» представляет японец Шиня Цукамото, которого называют «безумствующим

гением». Американский интеллеktуал (многие у нас не без помощи сатирика Михаила Задорнова думают, что таких в Штатах и быть не может, так они ошибаются или введены в заблуждение) Тодд Соллондз покажет «Жизнь в военное время», а классик ужасов Джордж Ромеро очередную зомби-феерию «Бессмертие мертвецов». Надо сказать, что Ромеро впервые участвует в фестивале такого ранга, полагаю, ему следует поблагодарить своего друга, коллегу и соавтора, итальянца и мастера хоррора Дарио Ардженто, который, как говорится, «поспособствовал». Бельгиец Жако Ван Дормаль приглашен в конкурс с фильмом «Мистер Никто», в котором сыграли

«Бессмертие мертвецов»

«Двойной час»

блестящие актеры современности Джаред Лето, Диана Крюгер и Сара Полли. Впервые в фестивальной практике будет показан второй американский римейк «Плохой лейтенант» известного европейского фильма, снятого выдающимся немецким режиссером Вернером Херцогом. Первый римейк с тем же названием и с Харви Кейтелом в главной роли был отснят в 1992 году режиссером Абедем Феррара. Теперь героем стал Николас Кейдж. В программе конкурса также два дебюта – Тома Форда, художника по костюмам («Квант милосердия») и известного американского кутюрье, который в девяностые спас самогo Гуччи от банкротства, с фильмом «Холостяк» с замечательным английским актером Колином Фёртом («Дневник Бриджет Джонс», «Гордость и предубеждение»); и итальянца Джузеппе Капотонди с мистическим триллером «Двойной час» о странных

приключениях двух любовников в Милане. Конечно, будут представлены в конкурсе любимые европейскими интеллектуалами китайские и гонконгские кинематографисты, а еще классик-француз Жак Риветт и родной итальянский оscarоносец («Новый кинотеатр "Парадиз"») Джузеппе Торнаторе с автобиографической комедией «Баария». Русских фильмов в конкурсной программе нет, зато в секции «Горизонт» почитаемый в Канне и Венеции Александр Сокуров с лентой «Читаем блокадную книгу» и альманах «Короткое замыкание» «новых русских» режиссеров – Буслова, Германа-младшего, Хлебникова, Серебренникова, Вырыпаева – претендующий на высокое и ответственное звание «манифеста».

Зачем обо всём этом пишу?! Ответ прост: затем, что не теряю надежды увидеть в рядах своих читателей людей, для которых кино не только развлечение, но и

искусство. Полагаю также, что им будет интересно найти в Интернете фильмы, которых нет и не будет в нашем прокате, но которые дадут пищу для ума.

НУ А ПОКА пища для чувств-с. Романтические комедии для девушек и для тех юношей, которые хотели бы порадовать своих подруг походом в кинотеатр на милые, смешливые, трогательные, хотя в целом обыкновенные историйки любви. Дженнифер Энистон (та, что взлетела благодаря сериалу «Друзья», вышла замуж за Брэда Питта и была оставлена им ради Анджелины Джоли – кто осудит?!) всё так же в цене. Новая картина с ее участием «**Любовь случается**» («Love Happens», режиссер Брэндон Кэмп) – ироническая мелодрама, в которой Энистон играет молодую хорошенькую женщину-флориста. Она встречает мужчину (Аарон Экхарт) печального образа, вдов-

ца, полностью отдавшегося своей личной драме. Он так погружен в себя, так страдательно пестует чувство горькой утраты любимой жены, он так глубоко увяз в своей боли, в своей уверенности, что жизнь закончена и счастью не быть, что даже написал на эту тему книгу, ставшую бестселлером. Как не сойти с ума, потеряв свою половину?! Как преодолеть боль утраты?! Как жить в одиночестве и без любви? Он убежден, что именно такое будущее его ждет. И что бы вы думали? Вы правильно думали – он-таки встретит свою флористку, которая расцветит его жизнь всеми красками и насытит всеми ароматами цветов. Но, как известно, мужчины застревают на своих представлениях о чём бы то ни было. Вот и герой Аарона Экхарта не готов признать, что его теоретизирование по поводу участи вдовца рухнуло, что любовь снова поселилась в сердце. Хорошие актеры в такого

рода комедиях даже не половина, а девяносто процентов успеха. ХИМИЯ! Да-да, реакция одного мужчины на одну женщину и соответственно наоборот, влечение полов, возмущение чувств – всё это взаимодействие, шипение и искры и есть любовь. Ну что ж, да здравствует химия! Надеюсь, теперь у этого не самого популярного школьного предмета будет больше почитателей.

Еще одна «Голая правда» («The Ugly Truth», режиссер Роберт Лукетич) на тему химии и, следовательно, любви. Что вы знаете о блондинках? Что они не умеют парковаться? Что у них только ноги, а мозгов – как у курицы? Эти сведения, почерпнутые из анекдотов, устарели. Ничего вы не знаете о блондинках! Вот блондинка Эбби Ричтер (Кэтрин Хайгл): да, она чертовски сексуальна, но при этом у нее незыблемые моральные принципы и она превосходный работник, ме-

жду прочим, телепродюсер, что на современную молодежь пока еще производит впечатление. И неважно, что работает она на кабельной студии, что ее шоу выходит в эфир, можно сказать, на заре и что вообще всё это происходит в Сакраменто. Но именно вследствие того, что всё происходит в Сакраменто, такая продвинутая блондинка, как Эбби, не может найти себе подходящего парня. И вот надо же было такому случиться, чтобы героем ее нового шоу стал Майк Чадуэй (Джегард Батлер) – восходящая звезда рок-н-ролла, жизненное кредо которого – секс, наркотики и этот самый рок-н-ролл. Майк нигилист, он плевать хотел на всякую политкорректную муру вроде равенства полов. Он настоящий мачо, который даст немало советов девушке, как стать привлекательной. Отрастить волосы – это самый простой и единственно приличный совет. У кого есть жела-

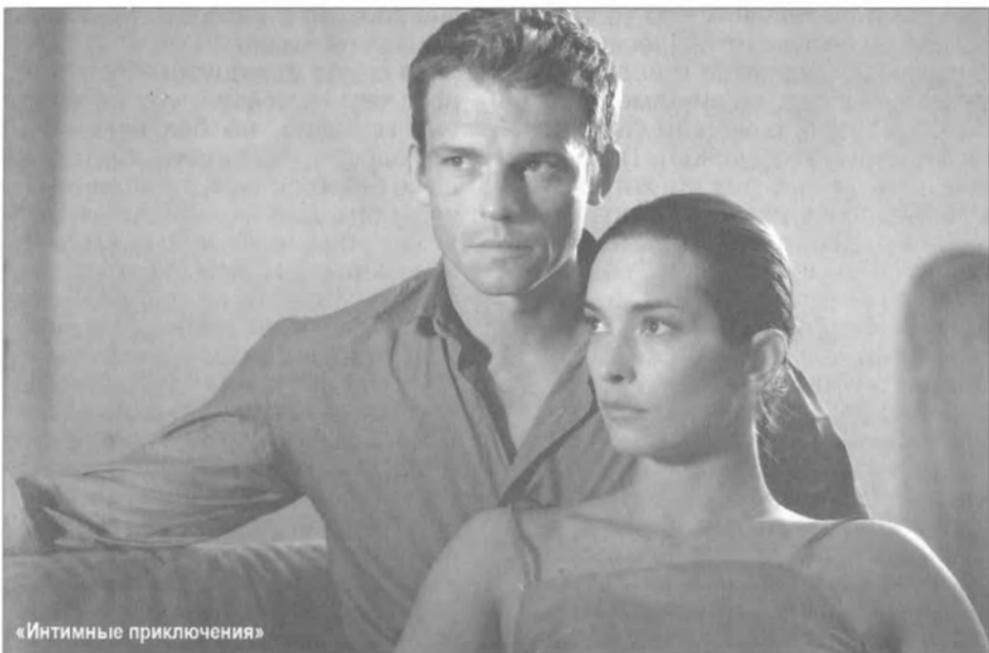
ние узнать остальные, а заодно посмотреть, какие химические реакции будут возникать у двух этих, на первый взгляд, несоместимых молодых людей, предлагаю проследовать в кинотеатр, прихватив на всякий случай беруши и противогазы.

Российская комедия **«Невеста любой ценой»** (режиссер Дмитрий Грачев) с ТНТ-Comedy Club-ной звездой Павлом Волей, наверное, тоже найдет своего зрителя, хотя, судя по первым отзывам интернетовских всезнайчиков, фильм сослужил Воле дурную услугу, став чем-то вроде антирекламы. То, что хорошо на ТВ, в жанре stand-up comedy – цинизм, матерщинка, провокации, задиристый образ переростка, эдакого ужасного ребенка, которому всё сойдет с рук, в кино – уву! – не работает или работает в обратную сторону. В кино всё вышеперечисленное укладывается в термин «отрицательное

обаяние», которое никогда не рождает вам положительных эмоций. Чтобы сыграть героя с отрицательным обаянием, необходима отменная драматургия и масштабная личность актера. Таких персонажей не раз и не два создавал великий Леонид Филатов. Куда там Воле!.. Полтора часа смотреть на не очень-то обаятельного, слишком шуплого (не только телом, но и, простите, внутренним содержанием), слишком вертлявого и слишком треплявого якобы ловеласа, в которого-де девушки влюбляются пачками, утомительно и бесперспективно. Также «достали» крутые пацаны-бизнесмены, один из представителей которых задействован в фильме: именно его подругу влегкую соблазняет Павел Воля. Два сапога – пара... Красивые женщины, шикарные тачки – вот две составляющие «сладкой жизни» и «экономического чуда» по-русски. Их в фильме с избыт-

«Невеста любой ценой»

«Интимные приключения»

ком – всё-таки бюджет в полтора миллиона долларов для такого «пшика» должен хоть во что-то вылиться... Да и сами поиски невесты, честно сказать, мало мотивированы хлипким сюжетом: невеста, мол, алиби для соблазнителя. Логика «рогатого» бизнесмена, видимо, такова: если невеста у мужика есть, то его жену он не соблазнял, а если нет, то точно – соблазнил. Вот Воля по неволе и ищет невесту. И нас призывает с ним вместе в этом деле поучаствовать. Лично меня – увольте...

Нет комедийной составляющей во французской мелодраме «**Интимные приключения**» («*L'aventure*», режиссер Жан-Клод Бриссо), но зато с избытком эротики. Жан-Клод Бриссо не впервые снимает эротическую ленту, поэтому можно говорить о том, что все составляющие его стиля здесь присутствуют: это и готические интерьеры, создающие ат-

мосферу мистической тайны, это и концепция полной свободы индивида (в данном случае женщины) в постижении своего тела и раскрытии его возможностей на ниве эротики и секса, это и великолепное изображение, виртуозный саунд, наконец, философия и психоанализ. Неудовлетворенная своей личной жизнью Сандрин (Кароль Брана) случайно знакомится с девушкой по имени Софи (Лиза Беллинк), и та предлагает ей совершить необычное и опасное путешествие в мир чувственности, на что Сандрин соглашается, не раздумывая. Тут же появляется водитель такси Этьен, который несет какую-то чушь о женщинах и об их «трусиках, которые служат им защитой, и о лифчиках, которые их во всё поддерживают». Софи возмущена, а Сандрин вполне заинтересована и предлагает случайному знакомому побывать на психоаналитических сеансах, которыми

она сама с недавних пор увлечена. Этьен соглашается, несколько раз они встречаются и ведут беседы о свободе, об оргазме, о боге, об экстазе, о звездах (тех, что на небе, а не на глянце). Поговори вволю о гипнозе и о хитроумном подсознании, они отправляются в отель, где занимаются любовью. Кроме этого случайного партнера, есть в жизни Сандрин Григорий, пристрастивший ее к психоанализу, с ним она тоже занимается любовью, при этом его совершенно не волнует, с кем она была до него и с кем будет после. Сам он видит в Сандрин разных своих подружек и соответственно называет ее их именами, но и ее это мало колышет. Гипноз, эксперименты с собственным телом и сознанием, тайны, разгадки которых нужно искать глубоко в тайниках психики... Постепенно ни к чему не обязывающие эротические отношения открывают для Кароль дверь в новую вселенную,

знакомство с которой полностью меняет ее жизнь.

И снова французская картина, но с тем отличием, что по жанру она комедия, но без намека на мелодраму, романтику, эротику и даже без красивых женщин, короче – комедия черная, мрачная и злая под названием **«Луиза-Мишель»** («Louise-Michel»). Над фильмом работали два режиссера – Гюстав де Керверн и Бенуа Делепин: видимо, в одиночку с женским составом, с бабьим бунтом было не справиться. «Фабричные девчонки» из Пикардии (а могли быть из Иваново, так как фабрика текстильная) живут в предчувствии грядущих в скорости увольнений. Собственно, производство в результате кризиса уже сократилось, но работниц пока не увольняли и даже наоборот одарили премиями, хоть и незначительными, но всё равно для рабочего человека приятными. Женщины даже решили устроить

«Луиза-Мишель»

по этому поводу сабантуй в складчину. Повеселились от души, а поутру они проснулись... и обнаружили, что фабрики больше нет, а их бывшее начальство нагло разгуливает, даже не помышляя о компенсациях оставшимся без работы людям. Пережив первый шок, женщины решают трезво разобраться в ситуации. Выход один: сложить в общую корзину остатки символической премии, по сути оказавшейся выходным пособием, и открыть свое дело. Но какое? Идей много – толковой ни одной. И тут у Луизы (Йоланда Моро) рождается мысль, понравившаяся всем: нанять киллера и шлепнуть бывшего владельца фабрики. Правда, не совсем ясно, кто им является, поскольку капиталы теперь все мультинациональные...

Луизе поручают найти киллера, и она, перебрав несколько кандидатур, останавливает свой выбор на самом харизматичном

убийце своего поколения. Харизматичность его в том, что сначала он был женщиной. Впрочем, забегая вперед, скажу, что и Луиза сначала была мужчиной. Любопытно, что оба поменяли пол не потому, что физиология с психологией требовали. А потому что так было легче найти работу. Вот такая парочка «переделков» и отправится за пределы Франции на поиски настоящего владельца. Сезон охоты на бессердечных функционеров, экс-боссов всех уровней и мастей открыт! Фильм «Луиза-Мишель» называют самой анархической (Луиза Мишель, как сообщает финальный титр, – имя известной французской анархистки начала двадцатого века) и сюрреалистической комедией 2009 года и еще самой актуальной, потому что в ней поднят «горячий вопрос»: как выжить в ситуации кризиса и что такое цивилизованное решение социальных проблем. Действитель-

но «горячий вопрос», он обжигает в Европе и в Америке, в России и даже в Китае, где, как известно, весь мир обшивают. Фильм снят просто и здорово. Он по-настоящему смешной и злободневный. И еще сентиментальный. Да, да... Уже смеетесь?!

Вернемся к нашим проблемам, российским, в чём-то другим, в чём-то таким же. Снова комедия, непохожая на французскую, но, безусловно, ей близкая. Она называется **«Сумасшедшая помощь»** и поставлена режиссером Борисом Хлебниковым, одним из авторов вышеупомянувшегося «манифеста» «новых русских» режиссеров. Хлебников режиссер половинчатый: немного реалист – отсюда тяга к правде жизни и нешуточному драматизму; немного абсурдист – отсюда то тут, то там сквозящая, но не всегда доходящая ирония; также он умеренный архаист, в том смысле, что снимает хорошо и оттого интере-

сен узкому кругу; но главное в нём – своя пронзительная нота, когда «болит» по-настоящему, без дураков. Главный герой, мягко говоря, чудной старик, ну а грубо говоря – просто псих. Вообще, заметим попутно, историй о чудаках становится всё больше, за них даже дают призы («Петя по дороге в Царствие Небесное», режиссер Н. Досталь; «Палата № 6», режиссер К. Шахназаров), но не потому, что на чудаках мир держится, а скорее потому, что «сумасшествие» – правильный диагноз, отражающий состояние современных российских умов. Тех самых, от которых, как известно из классики, горе. В главной роли никому не известный Сергей Дрейден, подлинное открытие фильма и настоящая удача, потому что когда в кадре постоянно присутствует больной на голову старый человек, то только от актера зависит, будет зритель смотреть или крикнет и выйдет на

«Сумасшедшая помощь»

свежий воздух. Московский старик-интеллигент пытается отстоять смысл своей жизни, ценности, которыми дорожил, достоинство, которое почем зря топчут. А иначе что? Полное фиаско? Завод, где работал, давно встал и разграблен, друзья ушли «одни – в никуда, а другие – в князья», умерла жена, силы на исходе, организм сбоят, а дерьма вокруг, пожалуй, больше, чем в те самые шестидесятые, когда он был молод, талантлив, горяч. И вот попадает на его пути добрый, веселый, ленивый увалень по имени Евгений, который приехал на заработки в Москву из глухой белорусской деревни. Криминальное происшествие неожиданно разлучает Евгения с товарищами, и остается он один-одинешенек, без денег и документов. Избитый, ограбленный, запуганный, стал бы Евгений одним из героев передачи «Жди меня», если бы не эксклюзивное чудо – добрый че-

ловек встретился! Тот самый старик-интеллигент. Постепенно вместе они начинают бороться с московским злом, которого много, мелкого, среднего, крупного, глупого, подлого, но для них оно фокусируется в одном и довольно-таки мелком по масштабам мегаполиса властном субъекте – районном милиционере. «Что касается Бориса Хлебникова, – сказала о режиссере в одном из интервью исполнительница главной женской роли Анна Михалкова, – то он, зарабатывая на телевидении и рекламе, может себе позволить снимать, что ему нравится, без оглядки на фестивальную конъюнктуру и российский прокат. Один из самых многообещающих российских режиссеров говорит, что не относится к кино как к профессии. И потому готов идти на любое сумасшествие».

Если сумасшествие – быть равным себе, то да здравствует сумасшествие!

ПОСМЕЯВШИСЬ И ПОГРУСТИВ в зависимости от качества предлагаемого смеха, перейдем к страшилкам и ужасикам. Их тоже о-го-го, как много!

«**Белая мгла**» («Whiteout», режиссер Доминик Сена) отправляет нас вместе с актрисой Кейт Бекинсейл в роли полицейского детектива Кэрри Стетко прямиком в Антарктику, где имело место первое в истории континента убийство. Всё когда-то начинается, и не было бы проблем для опытного специалиста в расследовании преступления. Какая, в конце концов, разница, в Африке это случилось или в Антарктике?! Но дело в том, что существует такое природное явление, как полярная ночь, и опустится она на ледяную землю ровно через три дня и ровно на шесть месяцев. Таким образом: сейчас или никогда... Фильм снимался по одноименной книге комиксов, съемки велись в Монреале и Манитоба,

Бекинсейл слишком красива для полицейской, но, с другой стороны, не будь этого – на что бы мы еще смотрели? Не на ледяные же просторы, тянущиеся покуда глаз хватит, до самого горизонта, то есть от нижней до верхней кромки экрана.

В другой американской картине «**Эхо**» («The Echo», режиссер Ям Ларанс) триллер окрашен мистикой и хоррором. И хотя режиссер ленты молод, фанатов жанра это не должно остановить: фильм превосходно снят и являет собой редкое и мощное соединение искусства и нагнетания страха. При незначительном количестве спецэффектов, за счет которых выезжают многие другие, старшие коллеги Ларанса, сам он работает исключительно с фактурой и с подручными чисто кинематографическими приемами – свет, тени, звук, ракурсы. И потому простые вещи, окружающие нас в повседневной жизни и прак-

Кейт Бекинсейл

тически не замечаемые нами — дверь, окно, унитаз, помойка и прочее, — становятся источником опасности. Некто по имени Бобби Рейнолдс (Джесс Брэдфорд), человек спокойный и немногословный, за хорошее поведение освобождается из тюрьмы досрочно и отправляется в дом матери, которая умерла при неясных обстоятельствах. Здесь он обнаруживает, что дом захвачен призраками. Дом, прошлое, призраки — простая и не новая со времен «Ужаса Амитвилля» история рассказана тоже просто. Но результат ошеломляет, и, вернувшись в собственную квартиру, вы еще долго будете вздрагивать от скрипов и стуков и даже предпочтете ночь другую спать со светом. Искренний совет — посмотрите «Эхо», в котором сочетаются артхаус и коммерческие модели жанра, но это сочетание высекает настоящий страх и подарит вам истинное удовольствие от просмотра.

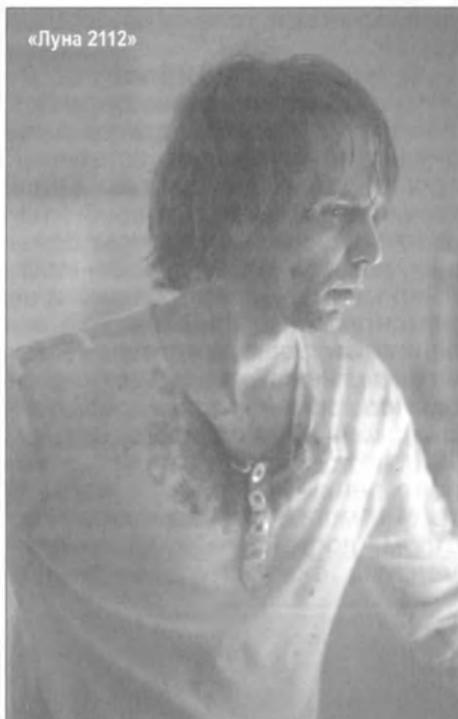
У триллера «Геймер» («Game», режиссеры Марк Невелдайн, Брайан Тейлор) фантастический фон. Действие происходит в сравнительно недалеком будущем: благодаря высочайшему развитию нанотехнологий появилась возможность создавать программы, которые повергли общество в состояние «соглядатайства за ближним в режиме нон-стоп», позволив людям контролировать поступки других людей, следить друг за другом. Эдакое тотальное «за стеклом». Миллиардер-затворник Кен Кастл (Майкл Си. Холл) пошел дальше и смоделировал на основе этих технологий гибрид видеоигры с реалити-шоу. Ультрафункциональная, мультиплеерная on-line игра получила название «Убийцы», поскольку давала игрокам возможность в режиме «он-лайн» на глазах многомиллионной аудитории осуществлять свои самые потаенные и грязные желания. Люди играли с

«Геймер»

людьми и не-людьми, поэтому очень быстро игра стала средой обитания негодяев и преступников. Джон Тиллман – один из узников камеры смертников, был осужден на пожизненное заключение за преступление, которого не совершал. Ему предоставляют шанс: принять участие в игре и, если он выиграет, то будет оправдан. Так Джон Тиллман становится Кейблом (Джерард Батлер), управляемым персонажем игры. Благодаря своим боевым талантам и физической силе Кейбл становится культовым национальным героем и звездой видеоигры. Дальше происходит много всякой путаницы: молодой рокер Саймон, манипулируя Кейблом, фактически выходит на создателя игры Кастла. В конце концов дело не в нагромождении совершенно неправдоподобных сюжетных поворотов и коллизий, а в спецэффектах, которых здесь полным-полно в каждом кадре. Если вы это дело уважаете, то выбор сделан: идите в кино.

Фантастическим триллером отрекомендовали продюсеры и другой опус под названием **«Луна 2112»** («Moon») (режиссер Дункан Джонс), но посмотрите, как мало общего между двумя лентами – «Геймером» и «Луной 2112». Астронавт Сэм Белл (Сэм Рокуэлл) провел на обратной стороне Луны в полном одиночестве почти три года и теперь считает дни, оставшиеся до возвращения на Землю. Он регулярно общается по спутниковой связи с коллегами в офисе, с женой и дочкой. Пытаясь убить оставшееся время, которое тянется для него необыкновенно медленно, он поливает растения, вырезает по дереву и беседует со своим единственным другом – говорящим бортовым роботом по имени Герти (голос Кевина Спей-

си). И хотя ждать возвращения на Землю осталось недолго, многолетнее пребывание в одиночестве начинает сказываться на рассудке героя. У Сэма появляются странные галлюцинации. Как тут не вспомнить знаменитый «Солярис» Станислава Лема и одноименный фильм Андрея Тарковского? Да, мозг наш великолепная машина, но несовершенная. Или не до конца нами изученная?.. Фильм снял Дункан Джонс, известный также как Зоуи Боуи, сын живого бога поп-музыки Дэвида Боуи, чье настоящее имя Дэвид Роберт Хэйвард-Джонс, и модели Мэри-Анджелы Барнетт, поэтому прозвучавшие в фильме слова «почти как песня Дэвида Боуи» – подсказаны самой жизнью. Это дебют Джонса в кино, до этого он получил степень по философии и занимался на родине, в Англии,

коммерческой теле- и видеорекламой.

И напоследок **«Хэллоуин 2»** («Halloween 2», режиссер Роб Зомби), который выходит в американский и наш отечественный прокат к Дню всех святых. Воистину фильм можно было бы называть «Одним Хэллоуином больше», потому что, по сути, он ничего не меняет – не добавляет и не расширяет – в наших представлениях как о самом празднике, так и о его кинематографических версиях со времен классической ленты Джона Карпентера, снятой в 1978 году. Тридцать лет, уйма повторений и ничего нового. И тем не менее Роб Зомби с упорством, достойным лучшего применения, сначала сделал римейк

карпентеровского «Дня всех святых», а затем приступил к римейку сиквела «Дня всех святых 2» (1981, режиссер Рик Розенталь) или, если угодно, к сиквелу своего римейка. Доподлинно известно: психопат и убийца без лица Майкл Мэйерс, ставший иконой жанра фильма ужасов, вернулся в исполнении Тайлера Мэйна, но интерпретация мастеровитого Робба Зомби не добавила образу ничего нового. Фильм начинается с того, что Мэйерса ошибочно объявляют умершим, а он жив-здоров и жаждет новых жертв. Также жива и Лори Строди (Скаут Тэйлор-Комптон), которую многожды сыграла Джейми Ли Кертис («День всех святых», «День всех святых 2», «День всех святых: 20 лет спустя», 1998; наконец, видеофильм о фильме «День всех святых без маски», 1999). У Лори семья – муж и дочь. Также еще жив психиатр Мэйерса, его играет Малкольм МакДауэлл. Ну а дальше – преследования, обнаженные и вопящие жертвы, кровавые убийства, ловушки для убийцы и прочее. Супруга Зомби Шери-Мун Зомби играет мамочку Мэйерса. Надо уж совсем не знать, куда себя деть и чем заняться, чтобы выбрать этот фильм. С другой стороны, на DVD сквозь дрему на родном диване, глядишь, и проскочит.

И СМЕХ, И СТРАХИ, И ЛЮБОВЬ... Так выглядит репертуар ближайших месяцев, не самый плохой, скорее, обыкновенный. На этом фоне хорошая книга начинает выглядеть всё привлекательнее. Впору благодарить современный кинематограф за то, что возвращает нам любовь к чтению.

Елена НИКОЛАЕВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на наш журнал на 2009 год непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться простой или заказной бандеролью (по желанию подписчика).

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим заказ не позднее 5-го числа подписного месяца. Если будет возможность – выполним и более поздние заказы.

Стоимость одного номера с пересылкой – 70 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте этой страницы и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4
ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

в АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ООО "Литературно-художественный журнал "МЫ"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

в АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индекс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "МЫ" _____ месяцев

(назначение платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «Мы» на 2009 год на следующие номера:

9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Журнал прошу высылать простой / заказной бандеролью (подчеркните)

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Подростковая экстрим-культура развивается семимильными шагами и проникает в такие места, где ее меньше всего ожидали встретить. Всевозможные бордюры, детские площадки, городские парки – здесь можно наткнуться на необыкновенно интересные вещи, гораздо более экзотичные, чем дети, гоняющие на роликах. Маунтин-борд, хилисы, джолли-джампинг, изиглайдер – для кого-то эти понятия пока непривычны, а для сегодняшних тинейджеров это просто подножное средство передвижения и активного отдыха. Те же, кто любит отдыхать поспокойнее, возвращаются к играм наших отцов и дедов. Так они и соседствуют сегодня:

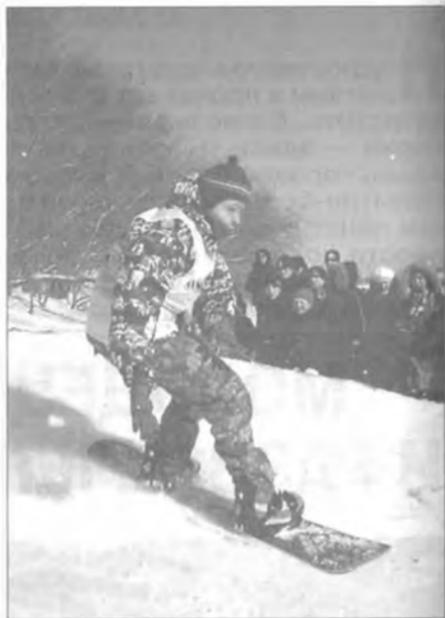
МОЛОДЕЦКИЕ ЗАБАВЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ПРОШЛОГО

Зимой вся продвинутая молодежь самозабвенно гоняла на сноубордах. Между тем хитом сезона стал сноускейт – тот же скейт, только без колес, пластиковый и чуть побольше в размерах. Вместо шкурки на внешней поверхности укреплена резинка, чтобы не налипал снег и не скользили ноги. Он идеально создан для трюков. Скейт, который безграничен, ибо для него подойдет даже горка на детской площадке.

Началось всё в 2001 году, когда пионер этого вида спорта двадцатисемилетний Сергей Прохоров, заядлый скейтбордист, заказал в Америке доску, которую тогда в России достать было невозможно. Сноускейт открывал перспективу проводить тренировки зимой. В столице организовали соревнования – по шесть за зиму, на которых их организатор, поро-

дивший этот вид спорта, неизменно выходил победителем. «Сейчас я уже не могу сказать, что катаюсь лучше всех в Москве, – признаётся Прохоров. – Тогда, три года назад, – да. Тогда не было такого повального увлечения, и я был чемпионом. Сейчас прихожу на соревнования, а там ребята лет по тринадцати выделывают такие трюки, которые мне и не снились. Вообще возрастной уровень сноускейтеров неизменно падает. Всё больше школьников-старшеклассников вместо санок или лыж выбирают сноускейт. А для совсем маленьких человечков пяти-семи лет даже выпускают специальные мини-сноускейты. Трюки на них, конечно, не поделаешь, зато кататься научишься».

А на чём же оттачивать мастерство, пока не выпал снег? Специально для скучающих в бесснежное время был придуман маунтин-борд (дословно – горная доска) – доска с большими коле-

сами и креплениями для ботинок. В основном он предназначен для катания в горах или на трамплинах. Увлекательная забава, правда, выбрать место для катания не так-то просто. Но, в принципе, и травяные склоны, и асфальтовые спуски одинаково вполне сгодятся. Дисциплины в манутин-бординге, по которому проходят даже чемпионаты мира, напоминают сноубордистские: бордер-кросс и фристайл. Бордер-кросс – гонки на огромной скорости по трассе с трамплинами и резкими поворотами. Фристайл – свободный стиль: трамплины, прыжки, трюки, вращения... В общем, всё, что душа пожелает.

Ну а те, кому не хочется таскаться с доской в поисках подходящего спуска, выбирают для себя хилис. Собственно, это своеобразная альтернатива роликовым конькам. Идея создания «роликовых кроссовок» родилась в Америке у Роджера Адамса во-

семь лет назад: а почему бы не создать ботинки, в которых можно было бы и ходить, и кататься? И

тогда он основал компанию по производству кед на колесах. Первую партию хилисов раскупили мгновенно, и с тех пор деятельность компании постоянно расширяется.

Словом, хилисы – это обычные кеды, но со встроенными в пятку роликами. Отпала необходимость носить с собой сменную пару обуви, поскольку при желании можно перейти на шаг – колесо из пятки легко вынимается. Конечно, большие ямы на хилисах не препрыгнешь и по перилам на первых порах не скатишься. Но это не проблема – можно просто обойти неудобное место, что на роликах сделать проблематично. Только снег, песок и вода – враги для любых подшипников. Но всё равно забавные «тапки» находят всё больше поклонников среди молодежи.

А вот в Питере на них настоящий бум. Одна из жительниц северной столицы, двадцатидвух-

летняя Елена Дроздович, тоже не смогла устоять от соблазна испытать чудо-кеды на себе. «Смешно смотреть, когда народ, увидев, как проскользила несколько метров по асфальту, а потом перешла на обычный шаг, впадает в ступор. Колес-то не видно, – говорит Лена. – В экстриме я уже испробовала всё, даже с парашютом прыгала. Теперь мечтаю о ботинках с пропеллерами или крыльями». Пока что юная эстремалка катается либо для удовольствия, либо когда куда-нибудь спешит. Да и просто хочется выделиться из толпы.

Совсем недавно столичные тинейджеры «подсели» на новую забаву – джолли-джамперы, или в русской версии – сапоги-скороходы. Они предпочитают широкие просторы и ровные поверхности. Отличаются дружелюбным нравом и абсолютно не пугливы. Особые приметы: высокий рост и длинные сильные ноги. Это не ра-

зумные кенгуру, а обычные столбчатые тинейджеры, увлекшиеся новой модной забавой. Надев чудо-ходули – и одним прыжком преодолеваешь расстояние в три метра.

Впервые ребята на изогнутых ходулях с пружиной были замечены на территории Всероссийского выставочного центра (бывшего ВДНХ) в начале лета. Кучка странных людей как ни в чём не бывало проскакала мимо ошарашенных прохожих и через несколько секунд скрылась за одним из павильонов. Вскоре людей-кенгуру стали замечать и в других местах Белокаменной. Так, охранники престижной фирмы в один прекрасный день с удивлением узнали в пропрыгавшем через ворота великане уважаемого всеми сотрудника, до этого появлявшегося на работе исключительно в пиджаке и при галстуке. А сотрудники милиции на Московском метрополитене, по слухам, однажды получили по рации приказ срочно задержать трех молодых людей на ходулях, пугающих пассажиров непредсказуемостью своих передвижений.

Движение джолли-джампинга и впрямь совсем молодое – первые сапоги-скороходы прибыли в столицу летом 2007 года. Именно тогда, на выставке спортивных достижений, у них и появились поклонники. Надев на ноги чудо-ходули, московские студенты-экстремалы сразу поняли: эре ролликов и скейтов пришел конец.

Купив по паре джампов, ребята разъехались по спальным районам, чтобы в одиночку упражняться в прыжках.

Однако буквально через пару недель единомышленники познакомились друг с другом в Интернете и решили: чем скакать по дворам, лучше выбираться в лю-

ди. Так и стали джолли-джамперы всегдатаями ВВЦ, а позже – и Поклонной горы.

Бокинг – такое название дали увлечению ходулями на пружинах в мире. Об искусстве прыгать на сапогах-скороходах мир впервые узнал совсем недавно – в 2004 году. Именно тогда австрийский изобретатель Александр Бок запатентовал свое странное изобретение и дал ему название «специальное устройство для бега и прыжков». Поклонники решили не задумываться над названием для новой забавы и нарекли прыгучие ходули по имени создателя – боками, а сам вид спорта – бокингом.

Год назад почитателей бокинга в Москве было не больше тридцати, сейчас же перевалило за полторы сотни. Самые маленькие – детские – джампы рассчитаны на вес от тридцати до шестидесяти килограммов, стандартные – от шестидесяти до ста пятидесяти. Передвигаться на этих ходулях и правда страшно, того и гляди пропадешь носом асфальт.

Первый этап – научиться хотя бы ходить. Думаете, это не сложнее, чем прогуливаться в кедах? Тогда попробуйте балансировать на пятидесятисантиметровых шпильках. Поэтому первые шаги всегда лучше делать в связке с опытным кенгуру. Как только получается твердо стоять на ногах – а это случится уже минут через двадцать, – можно попробовать пробежаться. Тут уж лучше действовать по принципу обучения езды на велосипеде: сначала цепляешься за руку инструктора, потом отпускаешь и бежишь самостоятельно. Главное при беге на джамперах – не просто бежать, как обычно, но при этом еще и подпрыгивать. В прыжке передвигаться гораздо легче. А

главное – сколько внимания со стороны окружающих!

Прохожие в буквальном смысле застывают на месте и начинают показывать пальцем. Ребята уверяют, что не было еще такого человека, который не заинтересовался бы тем, что у них на ногах. А однажды, когда они упражнялись в трюках на одной спортивной выставке, к ним подошел пенсионер и упросил дать и ему попробовать поскокать. Дамперы надели ему на ноги «боки», и старичок ускакал. Вернулся лишь через два часа с абсолютно счастливым выражением лица, отдал деньги за товар и, довольный, упрыгал восвояси.

Полчаса прыжков в день – и об утренних пробежках можно не беспокоиться: отличная физическая форма обеспечена. Чтобы без всяких диет избавиться от лишних килограммов, достаточно прыгать хотя бы двадцать минут в день.

В отличие от роликов или скейтборда передвигаться на джампах можно где угодно: от асфальтированной дороги до лесных массивов. Особенно любят джамперы упражняться на га-

зонах – на траву падать не так больно.

Кстати, научиться подниматься с земли – тоже особое искусство. На первых порах сделать это сразу вряд ли получится, придется ползком добираться до ближайшего дерева или лестницы, а как только надоест ползать – упирайтесь на одно колено и одним махом вставайте на ноги.

Чтобы сплотить увеличивающуюся не по дням, а по часам семью любителей сапог-скороходов, недавно джолли-джамперы устроили первые в Москве соревнования по бокингу. Участников было не так много, всего человек двадцать – двадцать пять, но зато настоящие профессионалы. Стометровка, прыжки в длину и высоту, вольная программа – в каждой дисциплине выявили лучшего. Самый прыгучий джампер смог оторваться от земли без малого на два метра, а рекорд по прыжкам в длину составил четыре метра двадцать сантиметров. На вольной же программе участники изощрялись как хотели – сальто, преодоление препятствий, трамплины... При виде таких трюков зрители хватались за сердце.

Кстати, людей, которые могут запросто выполнить сальто на джампах, раз-два и обчелся, не больше пятнадцати человек. Остальные пока тренируются.

Те, кто предпочитают подножные средства передвижения, но стремятся при этом превратить развлечение в сугубо практическое и полезное занятие, остановили свой выбор на изиглайдерах. В прошлом году Москва от мала до велика встала на самокаты. То, что когда-то было детской игрушкой, снискало себе любовь за легкость в обращении и компактные размеры. Один минус – далеко не уедешь. Вот и решили западные дизайнеры восполнить этот пробел и привезли в Россию усовершенствованную модель. У видоизмененного самоката три колеса и мотор. Встал и катись куда угодно – на работу, на учебу, просто поразвлечься.

В Швейцарии, где и был изобретен изиглайдер (от английского «easyglider» – «легкое скольжение»), его активно используют как средство передвижения. Правда, один нюанс – за границей фанаты самокатов с электродвигателем бороздят улицы по велосипедным дорожкам, не мешая ни автолюбителям, ни пешеходам. Особенно радуются клерки, без проблем добирающиеся в офис за считанные минуты. У нас с этим туго: вы-

едешь на проезжую часть на такой штуковине, тут же попадешь под колеса какого-нибудь авто. Поэтому разработчики для начала решили акцентировать внимание на другом.

Пусть российская молодежь покатается на «изях» хотя бы для развлечения! Как знать, может, если горожане подсядут на самокаты с мотором, городское начальство всерьез задумается об обустройстве на трассах дорожек для велосипедистов и прочих сочувствующих, которые так привычны в Европе и которых, к сожалению, нет у нас?

Выглядит новинка как обычный самокат, только больших размеров и с площадкой для ног на двух колесах.

Отталкиваться от земли при передвижении на нём не надо. Встал на площадку, завел мотор – и тронулся в путь. Максимальная скорость, которую может развить оригинальное средство передвижения, – двадцать и даже больше километров в час! При этом от водителя требуется только одно: управлять рулем и не глазеть по сторонам. Еще один плюс: не надо тратить бензин, самокат катится от обычного аккумулятора. Шесть часов зарядки – и можно ехать на расстояния до сорока километров. Тормозить тоже легко, как на велосипеде.

Изобретатели уверяют: самокаты универсальны для всех слоев населения – подойдут и взрослым, солидным дядям, и любителям экстрима – роллерам и даже скейтерам. Причем экстремальные подростки могут кататься на усовершенствованном самокате, не отрывая ног от скейта.

– Задняя площадка для ног легко отстегивается, и фактически от изиглайдера остается только руль и переднее колесо, – расска-

зывает Андрей Орлов, который занимается тем, что продвигает этот товар в столице. – Надеваешь ролики, цепляешься руками за руль – и без малейших усилий едешь куда надо.

Целое лето на ВДНХ, видимо, уже традиционно ставшей ареной для молодых экстремалов, работал один-единственный в Белокаменной прокат изиглайдеров. Немногочисленным клиентам Андрей расписывал достоинства нового изобретения и показывал, как на нём кататься, – благо площадку ВВЦ отлично для этого подходит. Недовольных пока не было. Но приобрести «изю» для собственного пользования тоже мало кто решался.

– Пока что московская молодежь не очень впечатлилась глайдером, видимо, нужно время для раскочки, – поделился своими наблюдениями Андрей. – Зато кто от него просто в восторге – это дети.

Причина, по которой «поколение пепси» обходит вниманием новинку, становится очевидна, как только узнаешь стоимость трехколесного друга. За модель для взрослых придется раскошелиться почти на сорок тысяч рублей, детский вариант – вполтину дешевле. Но всё равно недешево. Некоторые за такие деньги умудряются купить подержанные «Жигули»! Так что, возможно, в будущем изиглайдер и впрямь станет достойным соперником автомобилям. Особенно если учесть, что в утренне-вечерние пробки скорость «железных коней» порой даже меньше, чем у самокатов с мотором.

Свои коррективы в организацию отдыха внес и кризис, поскольку расходы на развлечения была вынуждена сократить почти половина наших сограждан. Сего-

дня снова входит в моду простые забавы, которые были в ходу несколько десятилетий назад: городки, бадминтон, дворовый волейбол и другие былые предпочтения в области игр. Любители же спокойного отдыха, которых не волнует экстрим, отдают ныне предпочтение домино – старой доброй дворовой игре, за которой коротали время наши деды. Здесь и азарт, и эмоции.

Как выяснилось, свою роль в возрождении традиции игры в домино сыграл один из популярных водочных брендов. Уже третий год по всей стране проходят турниры, на которых встречаются и мастера, и любители, и просто желающие принять участие в этой вроде бы нехитрой игре. Здесь найдется место для каждого, кто достиг совершеннолетия. Встречи любителей домино уже стали традицией и распространились по всей стране: соревнования проходят в Красноярске, Нижнем Новгороде, Перми, Самаре, Ярославле и Ростове-на-Дону... Здесь в необычной атмосфере домино сплетаются вместе азарт, кураж и дружеские переживания. Успех этого проекта для многих, в том числе и организаторов турниров, стал приятной неожиданностью. Он нашел огромный отклик в народе. Тем более что у каждого участника турнира есть возможность выиграть денежные призы и просто хорошие подарки. И молодежь с удовольствием включилась в «доменное» дело – не всё же время елозить по бордюрам на досках. Так что то, что было хорошо и любимо когда-то, ценится и теперь. Ну, а любителям экстрима тоже не приходится скучать – нет-нет, да и придумают для них что-нибудь новенькое.

Подготовил Иван СЕРГЕЕВ

«Шутить! Весь век шутить!» – с осуждением говаривал классик русской литературы. Ну а наша Телега, наоборот, восторгается теми, кто шутит вот уже не одно десятилетие – игроками бессмертного КВН. Предлагаем нашим читателям насладиться подборкой их «краткострочного» юмора – и надеемся, что следующие выпуски Телеги не будут такими краткострочными...

КАК СТАТЬ АКТРИСОЙ ДРАМТЕАТРА?

Наверняка со всеми была ситуация, когда парень приглашал вас к себе домой посмотреть какой-нибудь фильм. Вот скажите, хоть кто-нибудь когда-нибудь досмотрел его до конца? Или я одна такая дура – с собой еще диски беру?!

– Юля, а какие ты сказки на ночь читаешь?
– СМСки!

После концерта Елена Воробей склевала Марину Хлебникову.

Девочка Света на морозе лизнула вагон поезда «Одесса – Киев» и еще раз доказала пословицу: «Язык до Киева доведет».

Приятная новость: теперь в шоу-бизнесе конкурсантки на отбор приходят со своим постельным бельем.

Задержана воспитательница детского сада № 3 Иванова за то, что подливала детям в кисель сто грамм для согрева. Дети требуют освободить воспитательницу и уже внесли залог.

– Лёша, ты в Киев уезжаешь? Тогда зайди к Серёге. Привет передай, скажи, что от меня.

– Хорошо, скажу, что от тебя.
– И к Светке зайди. Я ей де-

нег был должен, скажи, что от меня.

– Скажу, что от тебя.

– И к Сашке зайди, у него как раз жена рожает.

– Сказать, что от тебя?

Как вы уже догадались, есть очень много вещей, которые заводская интеллигенция не понимает. Вот, например, «Фабрика звёзд»! Я не понимаю, как процветает производство, выпускающее столько брака?

– Кстати, у нас на заводе ходит слух, что в Бельгии памятник Писающему мальчику закрыт для посетителей с 9 до 10 утра из-за уборки и дезинфекции помещения.

– Говорят, что все мужики, когда выпьют, становятся дурными... Это что же получается?... Я по жизни пьяный мужик?!!!

Во всех городах, где выступал Дима Билан, поставят памятники Писающей девочке.

В Виталия Кличко ударила молния. Ударила - и тут же пожалела об этом.

Многие мужчины считают своих жен бревнами, и только трудовики видят в них ценный материал для поделок.

По статистике, 99 процентов мужчин мечтают стать грудным ребенком Анны Семенович.

– А ну-ка! Давай-ка! Станцуй нам на бис!

– Нет, Дед Мороз! Нет, Дед Мороз! Сейчас не уместен стриптиз!

Объявление: «Отдам котят в хорошие вёдра».

– Вчера был на дискотеке, с такой девчонкой познакомился! Кстати, вон она пришла!

– А, так ты вчера нормально пьяный был!

Иванушка, не пей из лужицы! Это на утро.

Слесарь второго разряда Иван Зубило после двух бутылок водки автоматически становится в один ряд с такими философами, как Кант, Конфуций, Гёте.

В Одессе появились девушки-энциклопедии. Они умные, но толстые!

– Ну и напоследок небольшой совет от нашей команды. Дорогие родители, купайте ваших детей! Потому что если вы их не покупаете, их покупают Анджелина Джоли, Брэд Питт, звёзды всякие...

Сеть ресторанов «МакДоналдс» перешла на зимнюю резину...

– Песня! На седьмом этаже я застряла в лифте. Спасибо, лифтер пришел. Теперь я знаю, что такое любовь!..

– Бетон? Да, заказывали! Да,

марки 200! Выливайте! Да, прямо на серебристый «Лексус»! Да я знаю, сколько он стоит. Вылили? Отлично! Ага, и на табличке сверху напишите: «Это тебе за твою командировку, козел!»

Если ваш двадцатилетний сын не пьет, не курит и приходит домой ровно к началу «Дома-2», то он либо идиот, либо Алёна Водонаева.

Блондинка, симулируя оргазм, стала актрисой драмтеатра.

Белоснежка во время брачного периода уничтожает годовой запас гномов.

В роддоме №2 неопытная медсестра перепутала всех детей. «Чужие сиси!» – обрадовались мальчики этой нелепой ситуации.

Дрессировщик львов по пьяни засунул голову в рот кроуну.

Лучше смириться, чем бороться. В лифтах Украины теперь есть углы с буквами «М» и «Ж».

У цыган есть бурый медведь – повседневный и белый – праздничный.

Интересный факт: чтоб вернуться в милицию, нужно бросить в милиционера монеткой.

Немногие знают, что для бабтончика «баунти», когда его едят, это отнюдь не райское наслаждение.

Создана самая большая жвачка в мире. Чтобы ее пережевать, понадобится тридцать коров или пятнадцать восьмиклассников.

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

ТУАНА
«ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

Это новое имя в мире легкой музыки. Когда-то Туана (это, естественно, сценический псевдоним) была танцовщицей балета «Рецитал» у Аллы Пугачёвой, а спустя какое-то время решила запеть сама. Но отнюдь не в манере своей патронессы. Долгое время она искала свой стиль и, кажется, нашла. Это спокойный, воздушный нью-эйдж с элементами фольклора восточных народов (то, что называется сегодня world music).

Любопытно послушать эти песни-медитации, своеобразные певческие акварели. Они обращены к тем, кто ищет уединения, безмятежности или находится в процессе духовного поиска. Нет, речь не о религии и воцерковлении, а скорее о восточных практиках — йоге, например. Во многих

треках певица использует тексты молитв на древнеславянском языке, различных заклинаний и мантр. Правда, всё это часто притянуто за уши и очень сильно напоминает материал из давнего альбома «Песни тибетских лам» ныне почти забытой певицы Линды.

Песни Туаны могут сопровождать также занятия ритмической гимнастикой с последующей релаксацией. Они — прекрасный фон для деятельного, энергетического контактообмена в самых разных формах. Однако если вы встречаетесь с друзьями просто за чашкой чая — этот диск лучше не включать.

Главный минус альбома тривиален — однообразие композиции. Они скучны, монотонны, «псевдокосмичны», «потусторонни». Хотя в музыкальном отношении не придерешься: в аранжировках очень грамотно и профессионально использованы звуки этнических инструментов, имитируются шумы ветра, льющейся воды, перекачивающихся камушков и т. д., символизирующих бег времени и бренность всего земного. Кое-где звучат голоса и смех детей («Молитва», «Утренняя колыбельная»), но это, увы, не вызывает ожидаемого умиления. Наиболее притягательна, пожалуй, композиция «Праздник любви», куда искусно инкрустирован куплет из русской народной песни «Ой, на острове Буяне».

Голос певицы чист, прозрачен, в меру мягок, но холоден, как ды-

хание Снежной королевы. Долго слушать его, находясь в нормальном состоянии, затруднительно. Тембр, кстати, тоже не особо интересен, совсем не эксклюзивен, да и малоузнаваем. А это для певицы плохой козырь.

...Кстати, у Аллы Пугачёвой тоже обнаружилась песня, невольно навеявшая некоторые мотивы в репертуаре Туаны. Это «Любовь – неиссякаемый источник» 2002 года. Но в том-то и прелесть той дивной композиции, что она у Пугачёвой... одна.

SEREBRO ОПИУМ РОЗ

Альбом группы, созданной модным композитором и продюсером Максимом Фадеевым, — талантливая и вполне удачная попытка звучать в унисон времени, быть на острие его музыкальных тенденций. Здесь удивительно тонко и точно сочетаются компьютерные технологии и живые инструменты (прежде всего гитара, бас-гитара и даже дудук), жесткость и лиризм, роковая брутальность и попсовая танцевальность. А тот факт, что исполнены эти не всегда простые вещи де-

вичей тройцей (правда, поет в основном Лена Темникова), и исполнены очень прилично, добавляет диску особого очарования.

Репертуар альбома составляет как очень известные и даже хитовые песни, так и свежий материал. Из любимых тинейджерами здесь и забойная, техно-дэнсовая Song #1, представленная на прошлогоднем «Евровидении», и пастельно-акварельная «Дыши», и бесхитростно-исповедальная «Скажи, не молчи», и зомбирующий, дурманящий «Опиум». Из новых работ выделяются созвучная Song #1 композиция Under Pressure, мрачноватая, слегка трэшевая Dirty Kiss (манкий, нисходящий мелодический ход которой в куплете напоминает аналогичный в очень старом, легендарном монотонно-танцевальном хите Донны Саммер) и отвязная, гранжевая What's Your Problem, написанная талантливым музыкантом Даниилом Бабичевым.

Менее других, как мне кажется, удалась экспериментальная вещьца Sound Sleep — это вялый, хриловатый полусшепот-речитатив на фоне медитативной электронно-музыкальной подкладки и длинные, тяжелые проигрыши с дальним «этническим» бэк-вокалом. Интересно придумано, но слушается с большим слуховым напряжением.

Малоинтересна и блеклая работа с выпендренным заглавием «Пыль ангелов». Как говорится, замах на рубль, удар — на копейку. Столь же невыразительна финальная композиция «Мы взлетаем». Попытка легким гитарным наигрышем и «объемным» саундом сымитировать ощущение парения в воздухе, мне думается, удалась не вполне. Лена Темникова в обоих треках поет бесстра-

стно, обезличенно и опустошено. Если это тоже так задумано, то явно не в пользу общего впечатления от пластинки.

И не нужно было Максу Фадееву в скрытом треке (в самом финале альбома – это сейчас ультрамодно) изображать а капелла некое пение а ля этно. Если в нескольких своих бэк-вокальных партиях он был абсолютно логичен и точен (хотя и эксцентричен), оттеняя пение девушек, то здесь получилось, извините, банальное козлийное блеянье. Впрочем, и оно кому-то может очень даже понравиться.

RONAN KEATING SONGS FOR MY MOTHER

Спокойный лирический диск для любителей ненавязчивого мягкого пения и таких же нежных, красивых мелодий. Прекрасный «мужской» подарок мамам, бабушкам, тетушкам и старшим сестрам. Увы, в России такая музыка сегодня больше «неформат», оттого во многом и зачерствели, наверно, наши души. В альбоме Ронана царствуют легкость, певучесть, воздушность, доброта и житейский позитив. И совершенно

отсутствуют жесткость, агрессия и цинизм.

Эти песни молодой артист (бывший участник популярного в 90-е годы ирландского бойз-бэнда Boyzone) носил в своем сердце с детства – некоторые из них ему напевала мама. Ее памяти и посвящена пластинка (пятая в сольной дискографии певца). В сопровождении живого оркестра Ронан исполнил в основном кавер-версии очень известных мировых хитов Синди Лаупер, Боба Дилана, Рэя Келли, Джони Митчелла... Его слегка маслянистый эстрадный тенор с абсолютно юношескими, «сыновними» интонациями настраивает на лирический, ностальгический лад, улаживает слух бархатистыми – иногда отменно чистыми, иногда чуть надтреснутыми – нотами и всегда оставляет в душе чувство умиротворенности и покоя.

Особенно удалась певцу такие композиции, как Time After Time, Carrickfergus, The Wild Mountain Thyme, Mama's Arms, Suspicious Minds, I Believe I Can Fly... Вполне удачна и единственная авторская работа Ронана Китинга This Is Your Song, написанная и спетая в духе всех остальных глобальных лирических баллад. Короче, это во всех смыслах традиционно высокое европейское качество.

YSA FERRER IMAGINAIRE PUR

Модный электронно-танцевальный альбом популярной французской дивы (третий в ее дискографии). Думаю, певица готова наконец составить мощную конкуренцию Милен Фармер не только по факту франкоязычности и схожести репертуара, но и – о, боже! – ввиду идентичности голосов. У Исы Феррер он тоже высо-

кий, полудетский, «кукольный», субтоновый, с толикой манкой сексуальности. Такая мягкая пушистая ручная кошечка в вашей постели (обратите, кстати, внимание на обложку диска).

Правда, ее композиции ритмичнее, жестче, хитовее и как будто менее сентиментальные, чем у Милен (лишь только Top Actualite сделана зачем-то «в ноль» под Фармер). А в общем, это крутое, ультрасовременное нео-диско для благородной молодежи. Очень зажигает, поднимает тонус, настраивает на позитивную волну. Танцуйте без перерыва! А убийные хиты Made In Japan и On Fait L'Amour вообще хочется включать по несколько раз подряд, подобно тому, как молодежь 70-х запиливала Sunny «Бони М» и What Can I Do? группы «Смоки». Безусловно, привлечет внимание и малословная ферреровская New Robot Generation. Вот уж где не тупая зубодриловка, а музыкальный логотип времени.

Удивительно, но даже ядреный компьютерный «инструментал» не только не раздражает, а наоборот, заставляет восхититься возможностями техпрогресса в развитии поп-музыки. Из живых инст-

рументов в аранжировке альбома присутствуют, кажется, только гитары (в том числе бас), и то не везде. Всё сведено со вкусом и талантом.

Хотя соглашусь, что в музыкальном отношении композиции Феррер (а певица часто выступает их соавтором) в основном одинаковы: плоские, «пластмассовые» по звучанию, какие-то одномерные (в них нет объема, «воздуха»), чуть «парфюмерные» (Франция всё-таки!). Но это не мешает, однако, воспринимать их без усталости и «мозолях на ухе». К тому же почти в каждой вещи присутствует яркая, звучная мелодия, а не ее убогий суррогат, как случается это в альбомах подобного типа. Мне кажется, Иса Феррер сумела-таки найти свой саунд и свою интонацию в поп-музыке.

ALESHA DIXON THE ALESHA SHOW

Яркий, современный, зажигательный альбом молодой, но уже очень амбициозной певицы (к слову, это уже второй ее диск). Усидеть на месте получится с трудом: Алеша заставит вас тан-

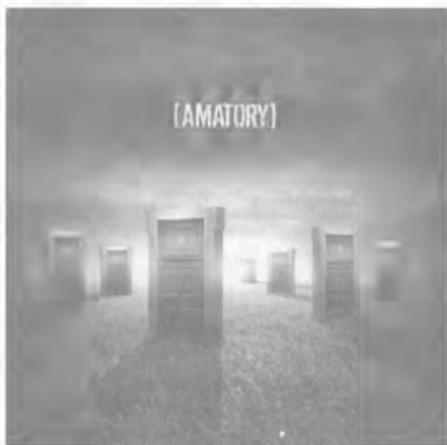
цевать. Это довольно креативный, свежий и вкусный синтез диско, г'п'b, фанка и прочих данс-стилей. Модные, актуальные аранжировки. Думаю, для нынешних тинейджеров Диксон должна стать культовой фигурой покруче приевшихся Бритни Спирс и Аврил Лавинь.

Харизматичный, озорно-лукавый и подчас дерзко звучащий голос певицы заставит отложить все учебно-бытовые подростковые дела и подумать о содержательном и ненудном досуге. Впрочем, легкий, объемный саунд и прекрасный мастеринг альбома привлекут внимание и более опытных меломанов. А молодящиеся мамы, слушая и танцую под Алешу, вероятно, скинут с себя лет десять (а возможно, и килограммов пять, если есть лишние).

Альбом так и брызжет энергией молодости, счастья, любви. Девушка высокотехнична в вокале, имеет довольно крепкую школу, хотя при сегодняшнем уровне развития компьютерных технологий этого, казалось бы, уже и не нужно. Не сказать, что у нее какой-то необыкновенный, запоминающийся тембр голоса, зато есть манера, стиль, азарт и динамическая подача. Я бы сказал: это улучшенный вариант Мадонны. Алеша как-то искрометней, витальнее, «рок-н-роллнее».

Такие опусы, как Cinderella Shoe, The Boy Does Nothing, Play Me, невозможно слушать, оставаясь равнодушным. Это потрясающе талантливо и смело. Очень интересны в музыкальном отношении и другие ее хиты – Breathe Slow, Don't Ever Let Me Go, I'm Thru, а также скрытая в 14-м треке песня без названия. Опытный слушатель, безусловно, оценит и композицию в стиле соул Do You

Know The Way It Feels. А вот 10-й, 11-й и 12-й треки в принципе можно было бы исключить – они ничего не добавляют к вокальному образу певицы. Это своеобразный музыкальный балласт. А может, красиво срежиссированная пауза для того, чтобы мы отдохнули от танцев и выпили кофею?

Группа AMATORY
«VII»

Талантливые российские ребята, играющие плотный, смачный хэви-метал и, что приятно, знающие в этом толк. Очень профессиональная работа. У-ух! Жесткие и достаточно виртуозные гитарные риффы в «безумии страстей», упругая и объемная подушка непрерывно урчащего и иногда бьющегося в экстазе баса, снайперские дробы крейзи-барабанщика вкупе с мощным прямолинейно-брутальным двухголосием вокалистов производят недетски серьезное впечатление даже на принципиального нелюбителя данного стиля.

Смотрю картинки музыкантов из буклета: едва ли не скульптурные лица, правильные черты, в

глазах – спокойствие и интеллект. Ощущение, будто ребята приехали из Европы. И действительно, музыкальная культура, образование и фанатичная преданность избранному направлению сквозят и в их музыке, и в их текстах, и в фотообразах. Конечно, здесь мы встретим влияние практически всех когда-либо известных корифеев данного направления от Black Sabbath, Оззи Осборна и Manowar, через Iron Maiden, King Diamond и Metallica к Death и Paradise Lost. Но это говорит только о том, что парни умеют учиться, полны идей и положительного честолюбия и не выйдут, выражаясь слэнгом, «лабать лажово».

Приятно, что на фоне беспробудного «железобетона» у них кое-где встречаются и элементы лирики и глубокого чувства (слу-

шай, к примеру, мои любимые композиции «Дыши со мной» и «Сжигая мосты»). Как говорится, русскую душу нигде не спрячешь. нравятся также «Спарта», «Зачем мечтать» и «Падая вниз». Сложные гармонии, композиционная строгость, выразительная фразировка и скрупулезно вычерченный музыкальный рисунок отличают чисто инструментальную композицию группы «Нить длиной в жизнь».

И всё же этой музыкой нельзя увлекаться слишком плотно, иначе крышу снесет. Особенно это касается совсем юных, начинающих меломанов с неокрепшей психикой. Им надлежит слушать хэви-метал желательно под контролем и в присутствии взрослых. Во всяком случае, на альбоме «VII» я бы сделал пометку: «Детям до 18...»

INDIA. ARIE TESTIMONY: VOL. 2 LOVE & POLITICS

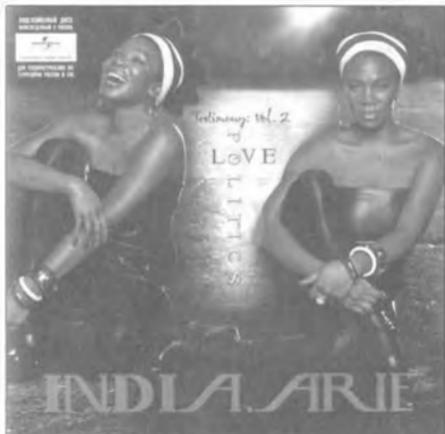
Это четвертый альбом виртуозной негритянской певицы, обладательницы двух премий Grammy и еще большого количества попаданий в разные ее номинации.

Прелестная живая, блистательно исполненная музыка в стилях соул и фанк. Отчасти напоминает Уитни Хьюстон и Мэрайю Кери, но ближе всего, безусловно, к Арете Франклин. Что-то есть и от Сары Воан. Гибкий, мягкий, небольшой силы, но красивого «солнечно-песочного» тембра, диапозональный и с филигранной нюансировкой голос заставляет отречься от повседневных забот и погрузиться в атмосферу отдыха на жарком морском берегу.

Бравурность и «энергоёмкость» одних мелодических тем (Therapy, Ghetto, Better Way) сменяется пронзительной лиричностью других (He Heals Me, River Rise, Long Goodbye) и создает особый «стереоскопический» эффект восприятия репертуара певицы в целом. Несмотря на то, что

все композиции сработаны в едином ключе, они не воспринимаются как один большой, длинный опус.

Особую роль играет инструментальное сопровождение. Чистые, плотные, упругие партии гитар, клавишных, перкуссии (практически везде) и даже тромбона, тенор- и альт-саксофонов (в г'n'b-треке Psalms 23), флейты, скрипки, дойры и кудум-барабана (в этническом треке The Cure) сплетают невероятно объемный и освежающий саунд и добавляют пластинке релаксирующего эффекта. Можно даже сказать, что звучание нового альбома Arie отменно гармонизирует и оживляет окружающее пространство.

TAYLOR SWIFT FEARLESS

Альбом качественной, но несколько однообразной поп-музыки. Юная американская певица совсем еще недавно начинала как кантри-дива, но потом поняла, что попса – это доходнее. Да и кукольная внешность как нельзя лучше тому способствует.

Taylor Alison Swift родилась 13 декабря 1989 года в г. Ридинг

(штат Пенсильвания). С десяти лет начала петь на различных ярмарках, фестивалях, караоке-конкурсах, а также писать песни. Ее заметил Скотт Барчета – глава лейбла Big Machine, когда она выступала в одном из нэшвилльских кафе, где обычно собирались богемы и начинающие авторы песен (Нэшвилл – «столица» кантри). Тогда-то и началась успешная карьера певицы: она заключила с Барчетой выгодный контракт. А первый хит, покоривший Америку, назывался *Tear-drops On My Guitar*.

Справедливости ради отмечу, что как вокалистка Тейлор неплохо проучена, но абсолютно банальна: приятный девичий голос обезличенного «школярского» тембра, звонкий наверху и стертый внизу (не хватает твердой опоры). Таких голосов море, и уже сейчас в Интернете обретается целый сонм подобных певиц (откройте любой Интернет-конкурс). Да, есть вокальная подача, хорошая дикция, есть профессиональные музыканты, а творчества – в высоком смысле – недостает.

Ее песни одноплановы – в основном это смысловые поп-баллады с облегченной ритмикой под харизматичный аккомпанемент гитар (в том числе и акустической). Но слишком уж всё шаблонно: кашеобразные, словно прокрученные через мясорубку мелодии с «жалостливыми», абсолютно ходульными гармоническими ходами и почти обязательной верхней кульминационной нотой в миноре, то ли вышибающей слезу, то ли нагнетающей ложный пафос. То есть это грамотный, хорошо отлаженный музыкальный конвейер.

Иногда где-то на третьем плане возникнет вдруг живенькая скрипочка (треки *Tell Me Why, Our*

Song и др.) и навеет воспоминание о кантри-прошлом артистки, но ненадолго. Бывает, где-то за гитарами заурчит живая виолончель (как, например, в треке *White Horse*), и тогда за душу так забереет, что отдашь последнее не только за эту самую белую лошадку, о которой поется, но и за зеленые луга, на которых она пастется.

А если серьезно, Тейлор Свифт не нашла еще своего стиля, интонации, своей темы в музыке. Отрадно то, что она работает с толковыми продюсерами и менеджерами и во многом благодаря их точному расчету удерживает высокие места в американских хит-парадах.

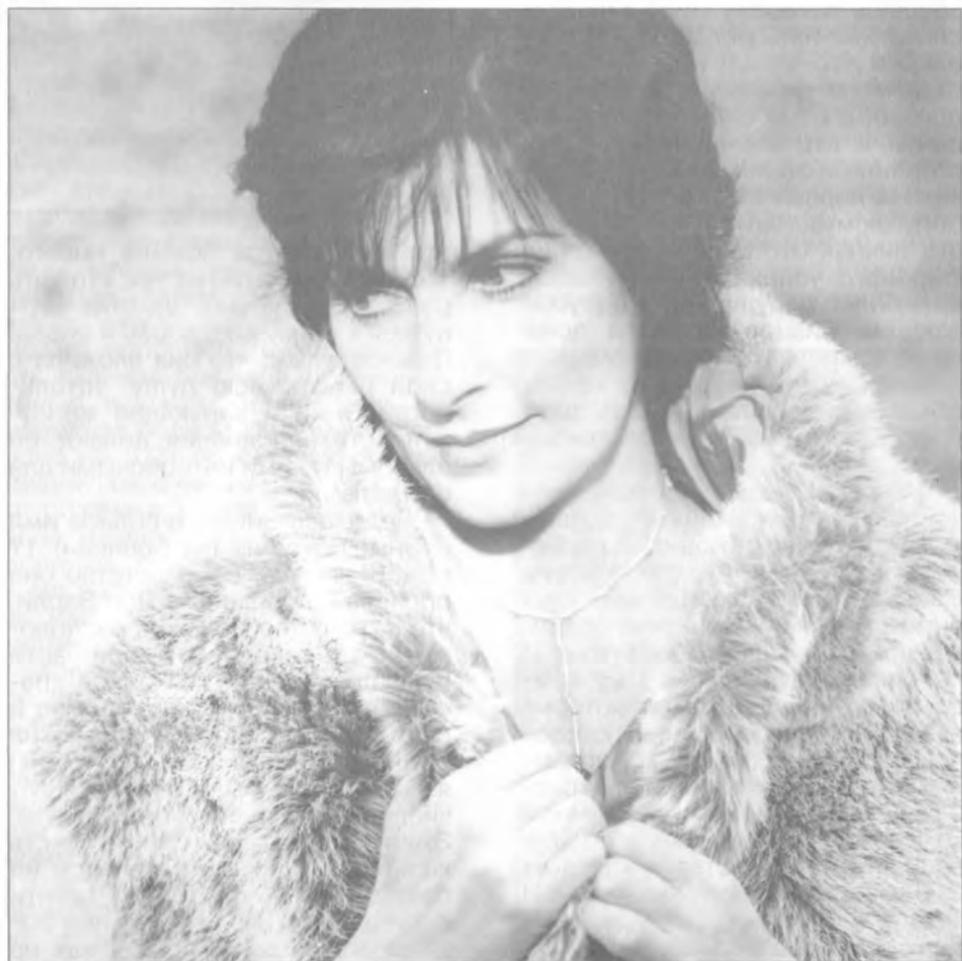
Не хочется верить, однако, что это калиф на час, и, возможно, в скором времени мы станем свидетелями нового взлета этой певицы.

Сергей СОСЕДОВ

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Эта таинственная певица популярна как в Европе, так и в Америке. Она любима во всём мире, в том числе и в России, а многие из тех, кто хоть раз услышал ее неповторимую музыку, захотят вернуться к ней вновь и вновь. У нее самая продаваемая музыка в Ирландии, где она – певица номер один. Вот потому-то

ЭНИЯ – ПРИМАДОННА ВЕРЕСКОВЫХ ПОЛЕЙ

Она почти не появляется на публике, избегает интервью, не дает концертов вживую, не устраивает громкие промоушены своих дисков и почти никак их не рекламирует. Если верить всему, что пишут, то она ведет затворнический образ жизни в своем замке в Дублине и только иногда выходит из него на улицу для того, чтобы посетить опустевшую церковь. Тут ненароком может возникнуть сомнение – есть ли такая певица на самом деле или это просто миф? Однако ее диски разошлись по всему миру тиражом семьдесят пять миллионов экземпляров (что, между прочим, сопоставимо с тиражами дисков Мадонны), а сама она с состоянием почти в сто миллионов фунтов стерлингов занимает одно из почетных первых мест среди самых богатых музыкантов. Несомненно, эта личная отстраненность от ее мирового успеха делает певицу еще более популярной. Недоумевающие бизнес-эксперты даже придумали специальное слово – энианомика, чтобы хоть как-то объяснить ее способность распространять альбомы миллионными тиражами.

Имя этой загадочной ирландки хорошо известно всем любителям малострессовой музыки как в Европе, так и в Америке. Эния Бреннан вписала золотыми буквами свое имя в историю современной музыкальной культуры. И причина оригинальности ее композиций – не наркотики, которыми, как утверждают, она пользовалась, как и причина ее огромной популярности – не в прекрасно организованной рекламной компании. Виной всему талант и невероятное упорство, с которым Эния записывала свои альбомы. И хотя она не может слушать свои диски, окончив работать над ними,

это не касается больше никого, потому что многие из тех, кто хоть раз слышал Энию, захотят вернуться к ее музыке вновь и вновь. Главное в том, что она вложила в свои работы всю душу: тотальность Энии и чарующая женственность исполнения делают ее альбомы такими интересными для слушателей.

Родилась Эния (ее полное имя – Энья Патриша Ни Бреннан) 17 мая 1961 года. Свое детство она провела в деревеньке Дор Барли, что в графстве Донегол, расположенном в северо-западной части Ирландии, среди спокойной красоты вересковых лугов, холмов и гор. В доме говорили только на родном галльском (кельтском) языке. Семья была очень многочисленной и очень музыкальной. Эния (ее назвали так в честь кельтской богини) появилась на свет средней – пятой из девяти сестер и братьев, а еще у нее были молодые дядья – все, как на

подбор, голосистые. Ее отец Лео, содержавший небольшой паб, который так и назывался – «Таверна Лео», еще с четырнадцати лет начал заниматься церковной музыкой, а затем стал сочинять песни – в основном кельтские баллады. Мама была учительницей в школе – у нее дочка получила первые уроки фортепьяно. Девочка росла в атмосфере, в которой ее окружала прекрасная музыка – классика и традиционная кельтская. В этой атмосфере родилась семейная группа Бреннанов, которую создали дяди и старшие братья Энии, исполнявшие традиционную ирландскую музыку. Первоначально группа называлась «An Clann As Dobhar», но позже название сократилось до «Clannad», что в переводе означает «Семья из Дор». Со временем ансамбль получил большую известность, исполняя традиционные национальные мелодии в поп-обработках, затем родился совершенно уникальный звук, который можно попробовать определить как кланнэд-рок, а в последнее время и джаз, основанный на мелодиях родной Ирландии. Сам Боно из «U2» почел за честь сотрудничать с ними. Из этой даровитой семьи, кстати, вышла и еще одна известная певица – Мойя Бреннан, старшая сестра Энии, ныне популярная исполнительница музыки в стиле нью-эйдж и келтик.

Так что судьба Энии, которая родилась в столь музыкальной среде, была предопределена. Уже с детства она училась играть на различных инструментах и изучала классическую музыку. Ребенком она воспитывалась в женском монастыре. «Я религиозна и верю в мистическую сторону происходящего, – говорит певица. – Я вижу, есть что-то, что прослушива-

ется в мелодиях и композициях. Впервые я начала петь в двенадцать лет, когда пришла в пансионат. Это сделало меня независимой и сильной. В этом мне помогли мои родители, которые оплачивали обучение и давали хорошие советы.

Из детства у меня остались воспоминания о том, как я впервые вместе с родителями гуляла с толпами людей под Рождество. Я хорошо это помню, потому, что нужно быть определенного возраста, чтобы не спать до поздней ночи. Так же я помню, как пела в хоре в церкви на галльском. Ребенком я жила в Гвидоре, области, расположенной на северо-западе Ирландии. На Рождество у нас всегда был снег. Так прекрасно было просыпаться утром и видеть в окне снежные пейзажи, а потом выбегать на улицу и лепить снеговика. Для меня и моей семьи и сейчас празднование Рождества особо не изменилось, потому

что мы всегда старались собираться все вместе под Рождество вне зависимости от того, были ли мы заняты или находились в другой точке земного шара. В Рождество мы старались уделить друг другу как можно больше внимания – хотя бы на эти несколько дней».

После окончания школы Эния присоединилась к группе «Clannad» и сразу же приняла участие в записи двух альбомов. Кроме вокала, она играла на клавишных – сначала на электропианино, а затем на мощном синтезаторе. Девушка провела вместе с группой два года в европейском турне, но как только ансамбль стал набирать коммерческий успех, она почувствовала, что должна отойти в сторону, вернувшись к той музыке, на которой выросла, к своей «классической школе».

Девушка решила покинуть группу, когда почувствовала, что задыхается под давлением со стороны старших родственников:

«Я была, пожалуй, единственной в семье, которая относилась к музыке очень серьезно с раннего детства, в то время как мои братья и сестры предпочитали валять дурака. Мне казалось порой, что на самом деле мы представляем собой две разные семьи: более старшая семья, которая совершала свои туры, когда я училась в школе, и младшая». Вероятно, Эния чувствовала себя недооцененной: ее не устраивало то, что к ней относились лишь как к младшей сестре. «Это забавно, но я не внесла никакого музыкального вклада в семейную группу, – с улыбкой говорит мировая музыкальная звезда сейчас. – Мои братья писали тексты, делали аранжировки... Вот почему я знала, что я там только временно».

В это же время «Clannad» рассталась со своим долговременным продюсером и звукорежиссером Ники Райаном, который уже давно обратил внимание на та-

лантливую музыкантшу, остававшуюся в тени своей шумной семьи. Он сумел убедить девушку в том, что ей следует заняться собственным творчеством. «Было очевидно, что у нее особый талант, как у композитора, и у нее прекрасный голос. В группе для нее просто не было места, – говорит Райан сегодня. – И она доверилась нам». Так что ее карьера в семейном кругу была недолгой.

Муж и жена Ники и Рома Райаны жили в городке Артоне, что к северу от Дублина. Эта семья сыграла огромную роль в судьбе Энии. Ники стал ее менеджером и познакомил со своей женой, поэтессой Ромой. Рома писала тексты, Эния – музыку. Все втроем они очень быстро превратились в слаженную команду. «Так как мы работаем все вместе, то я переехала в их дом, – говорит Эния. – Мы пробовали другие способы, но это причиняло практические проблемы. Между прочим, мы пробовали делать запись обычным способом – например, работая с десяти до шести и с приглашенными музыкантами. Но тогда наша музыка начинала звучать так, будто ее исполняют несколько разных музыкантов. Мы искали тогда – как покончить с этой ситуацией, найти что-то абсолютно новое. Приглашенные музыканты, несмотря на их талант и готовность, никогда, казалось, не попадали в ту же самую длину волны. И мы пришли к тому, что должны создавать музыку и стихи, петь и записывать всё непосредственно сами. Эния – фактически своего рода триоца». Вот эта триоца на свои средства создала собственную звукозаписывающую студию в небольшом домике в саду за домом Райанов. Банк не дал бы, конечно, им ссуды на такое сомнительное дело, поэ-

тому Эния продала свой саксофон, а Ники и Рома истратили все свои сбережения. В начале им даже приходилось приглашать записываться других артистов вместе с Энией, чтобы покрыть расходы на свою студию.

Первые плоды этого сотрудничества сказались довольно скоро. Когда Рома впервые услышала мелодии Энии, она обратила внимание на их способность вызывать визуальные образы. Рома показала музыку Энии знакомым, работающим в киносфере. В 1985 году известный кинопродюсер Дэвид Паттнэм, участвовавший в создании таких известных фильмов, как «Полуночный экспресс», «Огненные колесницы» и многих других, предложил Энии написать музыку к фильму-сказке «Принц лягушек» (или «Принц-лягушонок», что-то вроде нашей «Царевны-лягушки»), а на следующий год от телеканала ВВС поступило еще более серьезное предложе-

ние: проиллюстрировать музыкой шестисерийный фильм о культуре кельтов, этой древней цивилизации, жившей на территории не только Ирландии, но и всей Северной Европы несколько тысяч лет назад. Это была несказанная удача, именно то, о чём грезил молодая артистка! Увлеченная историей родного края, Эния сочинила и исполнила всю музыку к картине. Фильм «The Celts» («Кельты») вскоре был показан на телеэкранах, а саундтрек к нему вышел на пластинке, озаглавленной просто «E尼亞» (1986). В композициях-зарисовках звучали волынки и скрипки, галльские и узльские напевы, возникали образы из народной мифологии – от святого Патрика до Эпоны (кельтская богиня лошадей). Однако широкого резонанса первый альбом певицы, увы, не имел, хотя шел под первым номером в ирландских хит-парадах и принес исполнительнице первые гонорары. Затем Эния неожиданно появилась в одном из треков альбома «The Lion And The Cobra» Шинейд О'Коннор, где полная христианского смирения (в отличие от землячки Шинейд!) Эния читала отрывок из Библии.

Тем не менее, дебютный диск привлёк внимание Роба Дикинса, главы британского отделения фирмы «Warner». Эния подписала контракт, и деятельность ее отныне приобрела совсем другой характер. Благодаря его поддержке в 1987 году вышел новый альбом певицы – «Watermark» («Прибрежная полоса»). Этот альбом был гораздо более успешным, расширившим круг ее поклонников и принесший Энии мировую известность. Поначалу было продано около четырех миллионов копий этого пронизанного мягкой лиричностью и романтизмом альбома. С

ним же, кстати, связана нашумевшая история о том, что во время записи этого альбома певица принимала наркотики. «Сразу после того, как мы приехали в Лондон для микширования, я поскользнулась и сильно ударила колено, – рассказывает Эния. – Пришлось работать, принимая сильные болеутоляющие средства (но не наркотики), сидя за столом в студии и положив больную ногу на подушки». По мнению некоторых недалёковидных критиков, только наркотический кайф может служить некоторым объяснением абстрактной формы законченного альбома. А «мерцание» хора, причудливое, переливающееся многоголосье, заставило критиков внести в свой лексикон необычные термины – «призрачный, эфирный, мистический». Наверное, они очень сожалели, что для объяснения триумфов следующих альбомов певицы у них не нашлось столь веских оснований: физи-

ческие травмы (исключая, конечно, автокатастрофу, в которую исполнительница попала гораздо позже), как и чудесное исцеление с помощью медицины, больше не случались с Энией. А альбом «Watermark» достиг платинового статуса в четырнадцати странах и на сегодняшний день продан тиражом более четырнадцати миллионов экземпляров.

Конечно, когда певица только начинала работать над собственной музыкой, она столкнулась с недоверием звукозаписывающих компаний. «Их реакция на музыку была: "О, это очень мило, но это некоммерческая музыка, не так ли? И что вы собираетесь с ней делать?" Такое отношение не очень-то ободряет». Наверное, сотрудники этих компаний, которые отвергали тогда певицу, еще долго будут давиться своими словами. Мелодичная, сочная и воздушная страна звуков, созданная Энией и Райанами, могла поначалу показаться чересчур контрастной по отношению к массовой музыке, но они всё же нашли преданную и восторженную аудиторию. Эния доказала свою способность создавать песни, «зацепляющие» и запоминающиеся ничуть не хуже, чем любой стандартный поп-сингл. Для самой исполнительницы феноменальный успех альбома оказался полной неожиданностью: «Я не ожидала такой бурной реакции, – говорит она. – Но я знала, что моя музыка отличается от всего созданного в то время. Люди воспринимали мою музыку как что-то личное».

Обычно на обложке альбомов стоит имя Энии, но музыку они создают втроем: «Я начала сочинять мелодии, Рома занялась текстами песен, – говорит Эния. – А Ники пришла в голову идея создания целой лавины звуков, на-

ложенных друг на друга, и он стал накладывать мой голос слой за слоем». Эния вспоминает сегодня, что Дикенс был не уверен в успехе продажи всех ее записей. Но он говорил тогда: «Иногда компания должна делать деньги, а иногда музыку. Эния – это как раз второе».

Над следующим альбомом «Shepherd Moons» («Пастушьи луны») Эния трудилась около двадцати месяцев. Критики назвали этот альбом продолжением, второй частью предыдущего «Watermark».

С первой же небольшой композиции слушатель может легко узнать знакомые черты «небесной» музыки Энии. Присутствуют все особенности ее стиля: мягкий, переливающийся звук пианино, настойчивая мелодия, исполняемая на синтезаторе, и тысячи призрачных потусторонних голосов, создающих завораживающий мистический мир Энии. Везде на

«Shepherd Moons» используется так много музыкальных инструментов, сколько только позволяет технология на уровне высокого искусства. В композиции «Evasive» остро звучат рожки, в «Book Of Days» слышно пение виолончелей, бубенцов и кастаньет, а «Lothlorien» (Лотлориен – название эльфийского леса из трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец») насыщена странным звуками. Композиция «How Can I Keep From Singing?» более традиционна: она напоминает те песни, которые обычно исполняли молодые девушки на старых гитарах с нейлоновыми струнами где-нибудь в молодежном церковном клубе. Такова же и композиция «Angeles», имеющая много общего с «On Your Shore» с альбома «Watermark». Слова песен просты, исполнение очень сердечно.

Эффект «Shepherd Moons» в том, что при прослушивании композиции альбома начинают сли-

ваться одна с другой, как если бы Эния повторяла одну прекрасную фразу снова и снова.

«Мне пришлось прослушать некоторые композиции, так как по ним снимались видеоклипы, – рассказывала она о работе над «Shepherd Moons»: – Но я никогда не прослушивала весь альбом со времени той ночи, когда проводилось окончательное микширование. Я находила себе любое оправдание, чтобы не делать этого. А если честно, я никогда не чувствовала себя такой несчастной, как тогда, когда заканчивалась работа над этим альбомом. Это страх, что все твои чувства и все твои эмоции ушли в запись, и когда ты слушаешь, то не можешь жить в соответствии с настроением этого альбома».

В отличие от большинства музыкантов, которые могут себе позволить записать довольно много песен и выбрать лучшие из них, для «Shepherd Moons» было написано только двенадцать композиций – ровно столько, сколько и есть на альбоме. Для Энии, по ее словам, создание музыки никогда не было легким делом. Зато альбом побил все рекорды – достиг первого номера в британских чартах и оставался в хит-параде Billboard почти четыре года.

Этот альбом стал классической работой в стиле нью-эйдж. Прозрачное звучание, создаваемое с помощью синтетических струнных, кое-где разбавленных живыми инструментами, ангельское многоголосие обволакивали слушателя, а ароматные кельтские мелодии заставляли проникнуться поэтикой далеких, безвозвратно ушедших времен. Впрочем, главными хитами это диска стали более ритмичные песни – очаровательный вальс «Caribbean Blue» и героико-эпическая «Book

Of Days», хотя мечтательный романс «Marble Halls» (чем-то напоминающий баркаролу) был также чрезвычайно хорош.

Следующего альбома пришлось дожидаться четыре года – «The Memory Of Trees» («Память деревьев») вышел в 1995-м. На нём, как и на прочих альбомах, можно услышать множество голосов, называемых критиками эфирными, мистическими и потусторонними. Он отличался насыщенным и торжественным саундом: впервые на нём столь выпукло прозвучал орган, фортепианные перемены поистине завораживали, а голос Энии приобрел большую материальность. Одна из песен – «Рах Deogum», сосредоточенная молитва о мире – была исполнена на латыни, а в «Tea-House Moon» проявился японский колорит. Хотя, конечно, как и прежде, основное содержание альбома составляли нежнейшие баллады в кельтском духе. В 1996 году, в день тридцатипятилетия Энии, верные поклонники отправили певице сотню прекрасных роз. Кельтская леди была очень тронута.

Ее музыку причислили к стилю нью-эйдж, но сама певица, как она утверждает, не любит наклеивать разные ярлыки. Она счастлива, что ее музыка породила такое прилагательное, как «Enya-esque»: «Это большой комплимент для меня, который значит, что я была первой». Эния увешана наградами, как новогодняя елка игрушками: тут и «Гремми», и «Лучший нью-эйдж альбом», и «Лучшая певица года»... Да всё не перечислишь.

Все эти годы Эния не бросала работу на кинопоприще: ее музыка использована в фильмах «Вид на жительство», «Лос-анджелесская история», «Далеко-далеко», «Лунатики», «Игрушки», «Эпоха

невинности», «Два цвета времени», «Сладкий ноябрь». В 1995 году, наконец, увидел свет саундтрек к «Принцу-лягушонку».

В 2001 году Эния приняла участие в записи саундтрека к фильму «Братство кольца». Она исполнила песни «ay It Be» и «Lothlorien», написанные в соавторстве с кинокомпозитором Говардом Шором. За «May It Be» Эния в 2002 году получает «Золотой глобус» и номинируется на «Оскар» в номинации «Лучшая оригинальная песня».

В ноябре 2005 года Эния вновь порадовала своих поклонников новым альбомом «Amarantine». На этот раз Эния спела на английском, японском и на вымышленном языке «локсиан» («loxian») – языке, созданном автором текстов песен Ромой Райан. Его описывали как «футуристический язык далекой планеты». Он использовался в трех песнях альбома «Amarantine». В декабре 2005-го выходит книга Ромы Райан «Water Shows The Hidden Heart», в которой также используется этот язык. Вдохновением для создания «loxian» отчасти послужил эльфийский язык, созданный Толкиеном.

«Идея исполнять песни на вымышленном языке пришла, когда я работала над "Властелином колец" и пела на эльфийском, языке, придуманным Толкиеном. Было безумно интересно, и поэтому, когда мы работали над альбомом, мы решили поэкспериментировать с вымышленным языком. Мы уделяли огромное внимание звучанию слов, чтобы они хорошо ложились на мелодию. Иногда песня не звучит на каком-либо языке. Все же "loxian" не просто воображаемый язык. Рома черпала материал для этого языка из книг Толкиена. Его звучание пробуждает в сердцах обитателей Долины

тоску, от которой хочется плакать, потому что это песни о начале и конце. Многие говорили, что им нравится слушать песни, когда не понимаешь ни слова. Но они не понимали и когда я пела на галльском, латинском и других языках. Но людям это нравится.

Я каждый раз спрашиваю себя: будет ли кто-нибудь слушать мою музыку, понравится ли она? Успех очередного альбома заставляет меня вновь и вновь возвращаться в студию... Это вдохновляет. Мне нравится это чувство».

А что же такое «Amarantine»? Амарантин – это цветок, символизирующий вечность. «Мы назвали альбом "Amarantine", что значит "вечный". Поэты использовали это слово, чтобы описать цветок, который никогда не вянет, и под этим впечатлением я назвала альбом "Amarantine"».

В 2008 году увидел свет еще один альбом певицы – «And Winter Came». Главная его тема – Рождество и зима. Этому же посвящен альбом 2000 года «A Day Without Rain». Поначалу предыдущий альбом задумывался как собрание всех ранее записанных рождественских песен. Но певица передумала и написала новый альбом. Вообще Эния любит рождественские праздники еще с детства. Поэтому эта тема постоянно присутствует в ее творчестве: «Рождественские песни мне очень нравятся. Одна из таких песен – это "Adeste Fideles", что означает "Да придет к вам вера". Я исполняла эту песню на латинском, поэтому я подумала, что для меня это будет очень важно спеть ее, поскольку я знала латынь и эту песню с раннего детства. И я всегда любила "We Wish You A Merry Christmas". Что-то манящее в ней есть, этот дух Рождества. Это привело на меня большое впечат-

ление. И еще две песни, такие как "Christmas Secrets". Я думаю, Рождество – это загадочное событие. Каждый понимает это по-своему и каждый найдет в этой песне что-то свое. И, наконец, "The Magic of the Night". Это песня о ночи, кануне Рождества, сочельнике, очень загадочном времени».

Энию знают и любят. Хотя она прекрасно понимает, что была бы более известной, если бы рекламировала себя. Но всякого рода торжество и церемонии она считает лишними. Слава и успех – две разные вещи. Успешна была ее музыка еще до того, как кто-либо узнал, кто же она такая. И певица сказала звукозаписывающей компании, что ей не нужны красные дорожки и прочие мероприятия подобного рода.

На сайте Энии в Интернете, в общем-то, не очень содержательном, есть одна удивительная находка. Пользователь сам может задать время года, в каком ему угодно лицезреть заставку с Энией: захочет – напустит на нее снега и сумрака, захочет – косых струй дождя или падающих листьев, а может добавить и солнечного света с золотистыми зайчиками. Меняется цвет фона, меняется природно-атмосферный дизайн, но Эния всё так же сидит на потрепанном диване, благочестиво сложив руки на коленях и устремив на нас взгляд своих огромных глаз. Ее неуловимая, почти джокондовская улыбка говорит о вечном, о том, что у природы нет плохой погоды, о том, что не стоит слишком уж заботиться о тщете всего сущего – всё преходяще. Музыка Энии (как и наше восприятие этой музыки) точно так же не меняется уже много лет, вне зависимости от того, царит ли за окном слякотная сырость или паля-

щий зной, кто стоит у власти и есть ли в магазинах сахар. Загадочная ирландская кельтка продолжает очаровывать своими возвышенными композициями.

Может показаться странным, но о жизни Энии – артистки, признанной суровой статистикой самым продаваемым музыкантом Ирландии – известно не так много. То ли не дает она поводов для пересудов, то ли тщательно ограждает свою жизнь от посторонних вторжений... Впрочем, и самое тщательное расследование не обнаружит в биографии Энии каких-либо фактов, могущих претендовать на статус «жареных». Чистый образ певицы не запятнан любовными интригами, гражданскими браками и даже законными супружескими связями. Это в некотором смысле вызывает сожаление: неужели такая красивая, талантливая, тонко чувствующая

женщина до сих пор не встретила свою судьбу? А может быть, здесь есть какой-то тайный смысл. Ведь Eithne в ирландской мифологии – это имя богини, решившей никогда не выходить замуж по настоянию отца, которому пророки предрекли смерть от руки зятя. Она удалилась на далекий остров, где полюбила бедного пастуха, с которым тайно обвенчалась. Несколькими годами позже ее муж убил-таки отца в случайной ссоре. Может быть, Эния, чувствуя над собой власть собственного имени, именно поэтому обрекла себя на добровольное одиночество?

Но что могут значить разные сожаления, высказываемое простыми земными смертными, для ангела, прилетевшего с медоносных вересковых полей, для дочери древнего галльского народа? К тому же у Энии есть одна небольшая «хитрость», в которой, наверное, проявилась забота о ее поклонниках. Известно, что на самом деле Энию зовут Энья Патриша Ни Бреннан – по-английски пишется как Eithne Brennan, а произносится как Enya Brennan. Чтобы никто не путался, девушка предпочла писать свое имя неправильно, да к тому же опустить фамилию. Впрочем, среди русских поклонников всё равно согласья нету – произносить ли имя певицы как Эния, Эниа или Энья. Да это и неважно.

Эния просто влюблена в замки. Она говорит, что ее лучшие друзья – Ники и Рома Райаны, которые на поколение старше ее и стали ее соавторами. Она некоторое время жила с ними, когда покинула свою семейную группу, чтобы начать сольную карьеру под их руководством. А потом купила себе замок за два с половиной миллиона фунтов стерлингов, построенный в 1840 году. После по-

жара в 1920-м замок потерял свой викторианский стиль. Певица вернула ему прежний облик, восстановила стиль времен Георга и добавила немножко современности. Прежде он назывался замком Виктория, затем замком Айиша, Эния же переименовала свою собственность в замок Мандерли – так называлось поместье в ее любимом романе Дафны Дюмарье «Ребекка».

К сожалению, попытки певицы уединиться не всегда получаются успешными. Однажды злоумышленник проник в ее жилище. Он связал прислугу и, преодолев систему охраны, вскрыл сейф, похитив важные бумаги и не тронув при этом деньги и драгоценности. Подобное происходит не впервые: в 1996 году ее донимал итальянский фанат, который ходил с ее фотографией на шее, слал ей любовные письма, а потом заколочил себя, будучи вышвырнутым из паба ее родителей в Донеголе.

Во время инцидента, когда негодяй ввалился в замок, Эния заперлась в своей комнате, нажала кнопку тревоги и целых два часа ждала, пока прибудет полиция, в то время как тот сумасшедший бродил по комнатам. С этого дня особая территория Killiney, что на юге Дублина, где соседями Энии являются солисты группы «U2», находится под особой охраной.

Эния выглядит хрупкой и беззащитной, но в этой хрупкой особе скрыта несгибаемая сила воли. На ее месте многие звезды отменили бы любые мероприятия, записались бы на посттравматическую терапию, начали бы прятаться. А она на следующий день отправилась в студию, пожав плечами: «Приходится мириться со всем этим. Конечно, то, что произошло, для меня неприятно, но надо оставить всё в прошлом».

Эния живет одна в замке. Поговаривали, что у нее есть так называемые бойфренды, однако она никогда не появлялась с кем-нибудь из них на публике. Когда кто-либо интересуется, есть ли в ее жизни мужчина, она изображает удивление и отвечает, что это никому не интересно. Она любит смотреть черно-белые фильмы, часами прогуливаться (предпочтительно одна), но при этом не любит отдыхать и отрываться от работы. Она выражает свое состояние души классической музыкой и эфирным вокалом. Без преувеличения можно сказать, что ее музыка является болеутоляющей. Ее музыка – словно оазис спокойствия и комфорта в мире шума, хаоса и беспорядка. Вот почему после трагедии 11 сентября ее композиция «Only Time» буквально стала бальзамом, заживляющим раны всего американского народа. Эта песня стала также саундтреком к фильму-катастрофе «Эпицентр взрыва». Когда речь заходит о детях, Эния говорит, что у нее много племянников и племянниц, что она также тетя двум дочерям Райанов. Семейная пара Райанов все эти годы оберегала ее от манипулирования ею, от реального мира. Понятно, что она доверяет и во всем полагается на них, но в то же время сохраняет свое мнение и решимость. Трудно представить ее игрушкой в чьих-то руках. «Это имеет огромное значение – когда у тебя есть кто-то, кто верит в тебя изо дня в день». И о Райанах она говорит как о своих друзьях, а не как о руководителях.

Она живет музыкой и для музыки: «Музыка – это моя жизнь». И, наверное, первая и последняя ее любовь.

**Подготовил
Ник. КЕДРОВ**

8/09